

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Марийский государственный университет»

На правах рукописи

Васканова Надежда Александровна

**КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ ГОРНЫХ МАРИЙЦЕВ
В XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор
Иванов Ананий Герасимович

Йошкар-Ола – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1. РАССЕЛЕНИЕ ГОРНЫХ МАРИЙЦЕВ И ХОЗЯЙСТВО КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В....	
§ 1.1. Расселение и динамика численности горных мариюцев.....	35
§ 1.2. Хозяйственные занятия крестьянской семьи в первой половине XIX в.....	62
§ 1.3. Жизнеобеспечение крестьянской семьи во второй половине XIX – начале XX в.....	80
ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОРНОМАРИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.....	
§ 2.1. Особенности развития семейно-брачных отношений в первой половине XIX в.	110
§ 2.2. Эволюция семейно-брачных отношений во второй половине XIX – начале XX в.....	133
ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОСТАВА И СТРУКТУРЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ ГОРНЫХ МАРИЙЦЕВ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.....	
§ 3.1. Анализ состава и структуры семьи в первой половине XIX в.....	156
§ 3.2. Изменения в составе и структуре семьи во второй половине XIX – начале XX в.....	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	186
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ...	193
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	224

Приложение 1. Административно-территориальное устройство Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1912 г.....	224
Приложение 2. Административно-церковное устройство Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1912 г.....	225
Приложение 3. Количественные изменения церковных приходов с горномарийским населением XIX – начала XX в.....	226
Приложение 4. Численность и состав населения церковных приходов Козьмодемьянского уезда в 1909 г.....	228
Приложение 5. Рапорт помощника волостной старшины Виловатовражской волости Егора Герасимова о числе дворов и душ мужского и женского пола, русских и черемис, места расположения, вероисповедания, о занятиях и промыслах жителей от 27 ноября 1868 г.....	232
Приложение 6. Метрические книги Троицкой церкви села Малый Сундырь Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда 1872 г. (извлечения).....	240
Приложение 7. Динамика рождаемости в приходе села Малый Сундырь Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда в XIX – начале XX в.....	244
Приложение 8. Динамика рождаемости в Ардинском приходе Ардинской волости Козьмодемьянского уезда в XIX в.....	245
Приложение 9. Динамика смертности в Малосундырском приходе Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда в XIX – начале XX в.....	246
Приложение 10. Динамика смертности в Ардинском приходе Ардинской волости Козьмодемьянского уезда в XIX в.....	247
Приложение 11. Крестьянский двор деревни Куликалы Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда 1843 г.....	248
Приложение 12. Деревня Важнангер Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда. Старинная планировка	

марийского двора 1884 г.....	249
Приложение 13. Церковь Пресвятой Троицы села Малый Сундырь Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда. Каменное строение 1829 г. Фото 1937 г.....	250
Приложение 14. Деревня Важнангер Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда. Вид с горы Аламнер. Основана в 1821 г. Фото Г. А. Сепеева. 1974 г.....	251
Приложение 15. Динамика брачности среди горномарийских крестьян Козьмодемьянского и Васильсурского уездов в XIX – начале XX в.....	252
Приложение 16. Сезонность браков в приходе села Чермышево Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в. (в процентах).....	253
Приложение 17. Сезонность браков в приходе села Малый Сундырь Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в. (в процентах).....	254
Приложение 18. Сезонность браков в Ардинском приходе Ардинской волости Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в. (в процентах).....	255
Приложение 19. Сезонность браков в Кожважском приходе Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в. (в процентах).....	256
Приложение 20. Сезонность браков в приходе села Чермышево Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда во второй половине XIX – начале XX в. (в процентах).....	257
Приложение 21. Сезонность браков в Малосундырском приходе Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда во второй половине XIX – начале XX в. (в процентах).....	258
Приложение 22. Сезонность браков в Кожважском приходе Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда	

во второй половине XIX – начале XX в. (в процентах).....	259
Приложение 23. Сезонность браков в приходе села Арда Ардинской волости Козьмодемьянского уезда во второй половине XIX в. (в процентах).....	260
Приложение 24. Сезонность браков в приходе села Микряково Емангашской волости Васильсурского уезда в 1881–1917 гг. (в процентах).....	261
Приложение 25. Исповедные ведомости Богоявленской церкви села Кузнецово Паратмарской волости Козьмодемьянского уезда 1831 г. (извлечение).....	262
Приложение 26. Типы горномарийских семей Козьмодемьянского уезда, образованных по принципу прямого родства, в первой половине XIX в.....	264
Приложение 27. Типы горномарийских семей Козьмодемьянского уезда, образованных по принципу бокового родства, в первой половине XIX в.	265
Приложение 28. Структура горномарийских семей Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в.....	266
Приложение 29. Поколенный состав горномарийских семей Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в.....	267
Приложение 30. Численный состав горномарийских семей Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в.....	268
Приложение 31. Половозрастной состав горномарийских семей Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в.....	269
Приложение 32. Типы горномарийских семей Козьмодемьянского уезда, образованных по принципу прямого родства во второй половине XIX – начале XX в.....	270
Приложение 33. Типы горномарийских семей Козьмодемьянского уезда, образованных по принципу бокового родства, во второй половине XIX – начале XX в.....	271

Приложение 34. Структура горномарийских семей Козьмодемьянского уезда во второй половине XIX – начале XX в.....	272
Приложение 35. Поколенная структура горномарийских семей Козьмодемьянского уезда во второй половине XIX – начале XX в.....	273
Приложение 36. Численный состав горномарийских семей Козьмодемьянского уезда во второй половине XIX – начале XX в.....	274
Приложение 37. Половозрастной состав горномарийских семей Козьмодемьянского уезда во второй половине XIX – начале XX в.....	275
Приложение 38. Горные марийцы Васильсурского (Васильского) уезда Нижегородской губернии. Фото начала XX в.....	276
Приложение 39. Горные марийцы Казанской губернии. Фото начала XX в.....	277

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение истории российского крестьянства традиционно является одним из актуальных направлений российской исторической науки, рассматривающей не только общие, но и региональные, этнические, этноконфессиональные и другие особенности¹, в том числе и на уровне крестьянской семьи – первичной производственной, демографической, социокультурной ячейки крестьянского социума в различные исторические периоды². Крестьянская семья являлась главной производительной силой аграрного сектора страны и обеспечивала поступательное развитие сельского хозяйства, домашнего животноводства и в известной мере промышленности и торговли. Благодаря семье сохранялись преемственность традиционной крестьянской культуры, воспроизводство населения и ежегодная реализация цикла сельскохозяйственных работ. В условиях натурального хозяйства, за небольшим исключением, крестьянская семья обеспечивала себя всем необходимым. Одновременно она вносила значительный вклад в формирование государственного бюджета, комплектование регулярной армии и флота рекрутами и воинами. Вышесказанное во многом зависело от численности, состава, структуры и количества трудоспособных рабочих рук семьи. Поэтому изучение заявленной проблематики представляется особенно актуальным.

В этой связи обращение к истории марийской крестьянской семьи и марийского крестьянства в целом, как составной части многонационального российского крестьянства, является вполне обоснованным. Марийское крестьянство было представлено в различных субэтнических общностях,

¹ См.: Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI в.: XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Уфа, 20-23 сентября 2016. Уфа, 2016; Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 9-10 ноября 2017. М., 2017; Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23-24 мая 2018 г.). Йошкар-Ола, 2018.

² Прокофьева А. Ю. Российская семья XVIII–XIX веков: анализ историографии // Российская история. 2011. № 4. С. 185–197.

состоявших из луговых (*олык марий*), восточных (*эрвел марий*) и горных марийцев (*кырык мары*), связанных единством происхождения языка, культуры, места проживания и ментального своеобразия.

Следует подчеркнуть, что заявленная проблематика до настоящего времени не выступала предметом специального исследования. Между тем горномарийская крестьянская семья рассматриваемого времени имела специфические черты и представляла собой сложный по структуре, традициям, обычаям и образу жизни организм, жизнеобеспечение которого во многом было обусловлено различными факторами. Актуальность выбранной темы объясняется и тем, что проблема сохранения и укрепления института семьи и брака относится к одной из важнейших социальных проблем современного российского общества.

Объектом исследования является марийская крестьянская семья XIX – начала XX в., а **предметом изучения** – крестьянская семья горных марийцев рассматриваемого времени.

Хронологические рамки диссертационной работы охватывают XIX – начало XX в. и в целом согласуются с устоявшейся традицией изучения истории российского крестьянства, в том числе средневожского региона со сложным его социальным, этническим и конфессиональным составом населения. Нижняя граница изучаемого периода обусловлена такими факторами, как начало Генерального межевания земель, существенные изменения в административно-территориальном устройстве и в управлении государственными крестьянами, в том числе в губерниях и уездах с горномарийским населением. Завершающие временные рамки определяются революционными событиями 1917 г., повлекшими за собой коренные перемены в стране, в том числе в аграрной сфере и в судьбах многонационального крестьянства России, включая средневожский регион.

Следует учесть и то, что именно в этих хронологических рамках наиболее полно по теме исследования сохранились массовые архивные источники

церковной статистики, содержащие ценнейшие сведения для историко-демографической характеристики горномарийской крестьянской семьи.

Территориальные рамки включают марийские волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии и Васильсурского (Васильского) уезда Нижегородской губернии – регион компактного расселения горных марийцев современного Горномарийского и Килемарского районов Республики Марий Эл.

Степень научной разработанности проблемы. Российское крестьяноведение имеет давние традиции. Изучение заявленной темы выступало предметом исследования в трудах как дореволюционных, так и советских и современных историков.

Дореволюционный период характеризовался появлением первых работ по данной проблематике уже в середине XIX в. В трудах П. А. Соколовского, И. М. Тютрюмова, В. И. Семевского и других исследователей раскрывались вопросы социально-экономического, правового положения русского крестьянства, представлявшего собой главную производительную силу страны³. Известный историк и экономист П. А. Соколовский, исследуя историю сельской общины на севере России, оставил подробные описания экономического положения северного земледельческого населения с IX до второй половины XIX в., сведения о размерах крестьянских хозяйств, бюджета крестьянина и выплачиваемых им налогах⁴. Профессор И. М. Тютрюмов занимался изучением внутрисемейных отношений и влияния на них норм обычного права деревни⁵.

Привлекают внимание и работы, посвященные изучению материальной и духовной жизни крестьян XVI–XVII вв. Благодаря исследованиям Н. И. Костомарова, А. Б. Терещенко и других историков накоплен большой фактический материал о средневековых хозяйственных постройках, домашней

³ Соколовский П. А. Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877; Тютрюмов И. В. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. Кн. 4. 1879; Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1881.

⁴ Соколовский П. А. Очерк истории сельской общины на Севере России. СПб., 1877.

⁵ Тютрюмов И. М. Крестьянская семья (очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 4. С. 270–294.

утвари, одежде, традициях и обрядах русских⁶. Вопросы, связанные с демографическими процессами (рождаемостью и смертностью) среди крестьянского населения в Ставропольской губернии в 1857–1862 гг., рассматривались В. С. Снегиревым (Снигиревым)⁷. В своей статье он заострил особое внимание на высокую детскую смертность. Тема деторождения, родильной обрядности, акушерской помощи, отношения крестьянского населения к знахарству и земской медицине была отражена в работе Г. И. Попова⁸. Особое место в дореволюционной историографии занимал образ русской женщины, в том числе крестьянки. В исследованиях С. С. Шашкова, А. И. Шингарева сохранились подробные описания положения женщины в патриархальной семье⁹.

На региональном уровне применительно к марийским крестьянам внимание исследователей привлекали различные стороны их жизнедеятельности. Большой вклад в изучение хозяйственных занятий и промыслов, экономического положения горных марийцев, их духовной жизни внес известный исследователь, вошедший в историю как первый чувашский историк, просветитель и писатель, получивший общественное признание в середине XIX в., член-сотрудник Российского географического общества, член-корреспондент Казанского губернского статистического комитета С. М. Михайлов. Впервые им были собраны подробные описания природно-географических условий жизнедеятельности марийских крестьян, календарных праздников и семейных обрядов горных марийцев в середине XIX в.¹⁰

Хозяйственная, религиозная, культурная и повседневная сфера жизни марийского народа, в том числе и горных марийцев, нашла отражение в труде

⁶ Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1901; Терещенко А. В. Быт русского народа. М., 1999.

⁷ Снегирев В. С. (Снигирев). О смертности детей на первом году жизни. Опыт медико-статистического исследования в Ставропольской губернии с 1857 по 1862 год. СПб., 1863.

⁸ Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб., 1903.

⁹ Шашков С. С. История русской женщины: От эпохи древних славян до второй половины XIX века. М., 2011; Шингарев А. И. Положение женщин в крестьянской среде // Медицинская беседа. 1889. № 19. С. 280–284.

¹⁰ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972; Его же. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004.

российского этнографа А. Ф. Риттих. В его исследовании дается подробная характеристика взаимоотношений между членами семьи, разрешений семейных конфликтов, положения женщины в семье¹¹. Капитальный труд уроженца Царевококшайского уезда, профессора Казанского университета И. Н. Смирнова содержит ценные сведения об истории марийского народа, его духовной и материальной культуре, в том числе о семейно-брачных отношениях среди луговых, горных и восточных марийцев¹². Для разработки историко-демографической характеристики семьи важное значение имеет работа П. И. Кеппена¹³. Автором отмечено, что в рассматриваемое время характерным представлялась высокая детская смертность в крестьянской среде. Некоторые аспекты демографических процессов, в частности, смертность среди марийского населения, отражены в статье М. Ф. Кандаратского¹⁴.

В целом дореволюционный период примечателен тем, что в это время исследователи впервые целенаправленно обратились к заявленной теме и сбору материалов. Начались систематические историко-этнографические исследования, в том числе по этнической истории марийцев и истории Марийского края. Вместе с тем, многие исследования того времени носили описательный характер.

Крестьянский вопрос, в том числе и семейная проблематика, стал одним из ведущих направлений исторической науки в советский период. Значительное количество научных работ было посвящено хозяйственно-демографической характеристике семьи, ее укладу, обычаям и традициям. Исследователи Е. Н. Бакланова (Швейковская), Н. М. Дружинин, Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко и другие изучали ее принципиально важные сюжеты¹⁵.

¹¹ Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России: Казанская губерния. Казань, 1870. Ч. 2.

¹² Смирнов И. Н. Черемисы. Казань, 1889.

¹³ Кеппен П. И. Ведомость о народонаселении России по уездам и губерний и областей. СПб., 1850.

¹⁴ Кандаратский М. Ф. Признаки вымирания луговых черемис Казанской губернии. Казань, 1889.

¹⁵ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. М., 1976; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. Реализация и последствия реформы. М., 1958; Его же. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978; Бусыгин Е. П. Русское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1966; Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В. Общественный и семейный быт русского населения среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1973.

В своей монографии Е. Н. Бакланова (Швейковская) проанализировала крестьянский двор как низшую хозяйственную единицу. В ней подробно изучены такие вопросы, как обеспеченность двора землей, скотом, инвентарем, степень феодальной эксплуатации, структура сельской общины и поземельные права двора. По ее данным, в конце XVII – начале XIX в. на русском Севере господствовали семьи прямого родства. Относительно численного состава двора автором отмечено, что в первой четверти XVIII в. в среднем она не превышала 10-12 чел. обоего пола¹⁶.

В плане изучения хозяйственно-демографической характеристики крестьянской семьи наиболее исследованными оказались Уральский и Сибирский регионы. Монография Н. А. Миненко посвящена изучению численности и структуры русской крестьянской семьи Западной Сибири, ее хозяйственных функций, внутрисемейных отношений, обрядов и обычаев. По ее мнению, состав и структура крестьянского двора были обусловлены многими факторами, среди которых важное место занимали политика властей, уровень естественного прироста населения, а также географическая среда¹⁷. История крестьянской семьи данного региона в период капитализма в значительной мере изучена В. А. Зверевым¹⁸.

Заметным достижением советской исторической науки стало изучение типологии семей в разные исторические периоды (В. А. Александров, И. В. Власова и другие)¹⁹. Исследователь В. А. Александров учитывал климатические особенности каждого региона, особенности ведения хозяйства, социально-исторические факторы. Он занимался изучением влияния общины на крестьянский быт XVII – начала XIX в. Особое внимание автор уделял

¹⁶ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. М., 1976. С. 36.

¹⁷ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979.

¹⁸ Зверев В. А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (Историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991.

¹⁹ Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начала XIX в.). М., 1976; Его же. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78–96; Власова И. В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII – первой половине XIX в. // Советская этнография. 1980. № 3. С. 49–50.

вопросу брачных отношений²⁰. Значительное место среди советских исследований занимало изучение численного, поколенного и полового состава крестьянской семьи отдельных регионов страны. В этом отношении наиболее полно исследованы удмуртская (М. В. Гришкина), чувашская (Н. П. Денисова), русская (А. А. Столяров), коми семья (В. В. Соловьев)²¹. Изучению семейной обрядности мордвы, в том числе свадебной, посвящена работа Т. П. Федянович²².

Определенные успехи были достигнуты и в изучении марийского крестьянства в контексте этнической истории. Отдельные сюжеты семейной проблематики затрагивались в описаниях экономической и культурной жизни марийского народа Ф. Е. Егорова, М. Н. Янтемира, С. А. Водовозова и других²³. Развитие семьи в первой половине XIX в., ее состав и структуру, внутрисемейные отношения, обряды и праздники осветил в своей обобщающей работе известный чувашский историк, этнограф Н. В. Никольский²⁴. Богатейший материал о традиционных постройках, хозяйственных занятиях и промыслах, орудиях труда, средствах передвижения, утвари марийских крестьян был накоплен советским этнографом Т. А. Крюковой²⁵.

Большой вклад в изучение этнической истории марийского народа внесла известный этнограф, почетный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова К. И. Козлова. Исследовательница

²⁰ Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начала XIX в.). М., 1976.

²¹ Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII – первой половине XIX века // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XIX в. Устинов, 1985. С. 3–17; Денисова Н. П. Семья в обычном праве чувашей // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа: [сборник статей]. Чебоксары, 1986. С. 112–144; Ее же. Чувашская крестьянская семья в первой половине XIX века // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 84–98; Столяров А. А. К вопросу изучения структуры русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI – начале XX в. // Вопросы этнографии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. С. 110–119; Соловьев В. В. Эволюция семейного строя коми крестьянства в первой половине XIX века // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма: сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 129–136.

²² Федянович Т. П. Семейные обряды в этнографической литературе // Семейные обряды мордвы (традиции и новации): Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1984. Вып. 76. С. 3–17; Ее же. Свадебные обряды мордвы // Семейные обряды мордвы (традиции и новации): Тр. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1984. Вып. 76. С. 18–76.

²³ Егоров Ф. Е. Очерк культурно-экономической жизни народа мари до XIX века // Марийское хозяйство. 1924. № 4. С. 124–129; Его же. Материалы по истории народа мари. Козьмодемьянск, 1929; Янтемир М. Н. Марийская автономная область: очерк (с приложением административной карты области). Йошкар-Ола, 2006; Водовозов С. А. Марийская АССР. Экономико-географический очерк. Йошкар-Ола, 1956.

²⁴ Никольский Н. В. История мари (Черемис). Казань, 1920; Его же. Собрание сочинений. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары, 2007. Т. 2.

²⁵ Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956.

занималась изучением хозяйственных занятий, обычаев, обрядов и повседневного быта марийцев. В своей капитальной монографии ею впервые были выделены и охарактеризованы основные этнографические районы, в том числе Козьмодемьянско-Ветлужский регион с горномарийским населением²⁶.

Экономическое положение населения Марийского края в первой половине XIX в., их хозяйственная деятельность отразились в статьях М. И. Терешкиной²⁷. Она, опираясь на доступные архивные и опубликованные материалы, дала обстоятельную характеристику классовой борьбы в 1830–1850-х гг. Работа С. А. Коробова посвящена вопросу социального протеста марийских крестьян в 1830–1840-х гг.²⁸ Заметным шагом в исследовании истории развития помещичьей деревни Марийского края первой половины XIX в. стали труды профессора В. М. Тарасовой²⁹.

Развитие кустарных промыслов в марийской деревне в пореформенный период отражено в статье К. В. Даниловича³⁰. По его мнению, обработка металлов, дерева, кожи, минеральных веществ, смолокурение и рогожный промысел занимали значительное место среди неземледельческих занятий марийцев. Положение крестьянского хозяйства в первой половине XIX в., земледельческое производство, факторы, влияющие на его жизнеобеспечение, стали предметом изучения историка А. С. Казимова³¹. В исследовании

²⁶ Козлова К. И. Большая семья в конце XIX – начале XX в. // Ученые записки МарНИИ. Язык, литература, история. Йошкар-Ола, 1954. Вып. 6. С. 161–183; Ее же. Марийцы Горьковской и Кировской областей // Труды МарНИИ, 1961. Вып. XVI. С. 181–194; Ее же. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

²⁷ Терешкина М. И. Хозяйственная деятельность населения Марийского края в первой половине XIX в. // Ученые записки МГПИ. ИФФ. 1956. Т. 10. С. 29–55; Ее же. Классовая борьба в Марийском крае в 30–50 гг. XIX в. // Ученые записки МГПИ. ИФФ. Йошкар-Ола, 1957. Вып. 10. С. 37–56; Ее же. Подати и повинности государственных крестьян Марийского края в первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978. С. 63–67.

²⁸ Коробов С. А. Волнения крестьян Марийского края во второй четверти XIX века // Сб. тр. / ПЛТИ. Каф. общ. наук. Йошкар-Ола, 1957. С. 175–193.

²⁹ Тарасова В. М. Экономическое развитие Марийского края и классовая борьба в крае в первой половине XIX века // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1962. Вып. 17. С. 69–111.

³⁰ Данилович К. В. Кустарные промыслы Марийского края и их экономическая организация в пореформенный период // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1961. Вып. XVI. С. 31–65.

³¹ Казимов А. С. Марийский край конца XVIII – первой половины XIX веков в дореволюционной исторической литературе // Тезисы докладов на научной сессии по итогам работы за 1971–1975 гг. Йошкар-Ола, 1976. С. 31–35; Его же. К истории крестьянских промыслов в Марийском крае (первая половина XIX в.) // АЭМК. 1979. Вып. 4. С. 95–103; Его же. Крестьянское хозяйство в Марийском крае в первой половине XIX века // АЭМК. 1980. С. 87–113; Его же. Динамика уровня земледельческого производства в Казанской и Вятской

П. С. Кабытова, посвященном земельному вопросу в XIX – начале XX в., отмечено, что положение марийских крестьян, в частности накануне Февральской буржуазно-демократической революции, оставалось нестабильным³².

Обширные материалы о земледельческих занятиях луговых и горных марийцев в XIX в., уровне их агрикультурных знаний, историко-культурных связях с русским населением содержатся в статьях И. А. Андреева, что в значительной степени позволяет выяснить ряд важнейших моментов в изучении аграрной истории Марийского края и земледельческой культуры марийского народа³³. Автор отмечал, что в целом марийские крестьяне по уровню земледельческих знаний не отставали от других народов Поволжья.

Важные сведения о состоянии сельского хозяйства в Марийском крае на рубеже XIX – XX вв. представлены в документальной публикации В. П. Шоминой³⁴. Положению марийской деревни и классовой борьбе в период империализма посвящены работы А. С. Патрушева³⁵. В его монографии представлены материалы о землевладении и землепользовании, материально-производственной базе сельского хозяйства, положении и повинностях крестьян в 1900–1917 гг. Как видно, в вышеназванных исследованиях

губерниях в первой половине XIX века // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986. С. 97–104.

³² Кабытов П. С. Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции. Куйбышев, 1977.

³³ Андреев И. А. Традиционное земледелие горных марийцев (материалы к историко-этнографическому атласу) // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. 1981. Вып. 5. С. 71–73; Его же. Развитие систем земледелия у марийцев // Этнокультурные традиции марийского народа. АЭМК. 1986. Вып. 10. С. 17–39; Его же. О марийско-русских историко-культурных взаимосвязях в земледелии // АЭМК. 1987. Вып. 11. С. 52–58; Его же. Развитие пахотных орудий у марийцев (конец XVIII – начало XX в.) // Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР. АЭМК. 1989. Вып. 16. С. 64–77; Его же. Распространение агрикультурных знаний среди населения Уржумского и Яранского уездов Вятской губернии в период капитализма // Современные и этнокультурные процессы в марийском селе. АЭМК. 1991. Вып. 20. С. 36–50; Андреев И. А., Сепеев Г. А. Земледелие луговых марийцев (материалы к историко-этнографическому атласу) // АЭМК. 1979. Вып. 4. С. 69–95.

³⁴ Шомина В. П. Некоторые материалы по истории сельского хозяйства Марийского края конца XIX – начала XX в. // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 72–92.

³⁵ Патрушев А. С. Состояние крестьянского хозяйства и классовая борьба в деревнях Марийского края в годы Первой мировой войны // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. Вып. XVI. С. 67–126; Его же. О сельском хозяйстве Марийского края в начале XX века // Новые страницы в истории Марийского края. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1971. Вып. XXIII. С. 40–104; Его же. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974.

первостепенное значение имело социально-экономическое положение марийских крестьян XIX – начала XX в.

Для исследования заявленной нами проблематики, несомненно, большого внимания заслуживают конкретные работы о марийской семье. Исследованием ее типологии, состава и структуры второй половины XIX – начала XX в. занимался этнограф И. Н. Смирнов³⁶. В своих работах, основанных на полевых и архивных источниках, он дал характеристику малых и больших неразделенных семей, обязанностей мужчин и женщин, описание распорядка дня, функций младших и взрослых членов семьи. Исследователь также собрал ценный материал по свадебной обрядности. В статье В. Д. Шарова подробно освещены вопросы брачных отношений и бытовых функций сельской общины³⁷. Советских исследователей интересовали вопросы, связанные с обрядами жизненного цикла марийцев в XIX – начале XX в. Так, похоронно-поминальные обряды отражены в статье Н. С. Попова. Автором отмечено, что эти обряды во многом сохраняли традиционные черты, но в то же время на их развитие определенное влияние оказывала православная церковь³⁸.

В целом в советский период был сделан решающий вклад в изучение истории российского крестьянства, как на страноведческом, так и на региональном уровне. Этому в значительной мере способствовали не только сложившиеся научные школы признанных исследователей, но и научные объединения историков-аграрников, в том числе средневожского региона.

³⁶ Смирнов И. Н. Структура марийской сельской семьи // АЭМК. 1976. Вып. 1. С. 87–114; Его же. Положение женщины в марийской семье (конец XIX – начало XX в.) // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. 1981. С. 122–133; Его же. Изучение марийской семьи в дореволюционной этнографической литературе // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. АЭМК. 1984. Вып. 7. С. 158–173; Его же. Дореволюционная марийская семья и её быт // Современные этнокультурные процессы в Марийском селе. АЭМК. 1991. Вып. 20. С. 94–122.

³⁷ Шаров В. Д. Межнациональные браки и семьи в сельских районах Марийской АССР // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. АЭМК. 1976. Вып. 1. С. 115–133; Его же. Бытовые функции сельской общины Марийского края (середина XIX – начало XX веков) // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. 1981. Вып. 5. С. 44–54; Его же. Сельская община марийских крестьян середины XIX – начала XX веков в трудах дореволюционных и советских исследователей // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. АЭМК. 1984. Вып. 7. С. 145–157.

³⁸ Попов Н. С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX в. // АЭМК. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1981. Вып. 5. С. 154–174; Его же. Семейно-брачные отношения марийцев и православие // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы МарНИИ в 1981–1985 гг. Йошкар-Ола, 1986. С. 40–47.

На современном этапе проблема крестьянской семьи, безусловно, продолжает привлекать внимание исследователей. Современная историческая литература характеризуется расширением источниковой базы и методологических основ, что позволяет ученым исследовать множество вопросов по семейной проблематике. В настоящее время изучением таких вопросов, как эволюция малой и большой крестьянской семьи, рабочие обязанности мужчин и женщин, особенности распределения ролей в коллективе, характеристика половозрастного разделения труда детей и подростков, демократизация внутрисемейных отношений и другое, занимаются известные историки И. Н. Милогорова, В. А. Александров, Т. А. Листова, А. В. Носкова³⁹.

Особого внимания заслуживают исследования академика М. М. Громыко, Б. Н. Миронова, Л. В. Милова, посвященные вопросам демографии⁴⁰. Б. Н. Миронов провел фундаментальное исследование по социальной истории России с конца XVII в. до 1917 г.⁴¹ Значимость его труда заключается в том, что в нем впервые подробно изучены основные демографические процессы и раскрыт вопрос, связанный с переходом от традиционной модели воспроизводства населения к современной.

В капитальных трудах известного историка В. В. Кондрашина, посвященных аграрной истории и истории российского крестьянства, значительное место отведено средневожской деревне 1920–1930-х гг.⁴² В сравнительном плане большую ценность представляют научные труды, освещающие крестьянскую проблематику отдельных регионов страны.

³⁹ Милогорова И. Н. Распределение хозяйственных функций в пореформенной крестьянской семье // Советская этнография. 1991. № 2. С. 93–99; Александров В. А. Брак и семья у русских (XII – начала XX в.) // Русские. Народы и культура. М., 1997; Листова Т. А. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 7–36; Носкова А. В. О влиянии различных факторов на сохранение до XX в. расширенной структуры семьи в России // Вестник Московского университета. Социология и политология. 2005. № 4. С. 153–165.

⁴⁰ Громыко М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX в. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989; Ее же. Мир русской деревни. М., 1991; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000. Т. 1–2; Милова Л. В. Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

⁴¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2.

⁴² Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001; Его же. Голод 1932–1933 гг. в российской деревне. Пенза, 2003.

Трансформации семейно-брачных отношений бывших государственных крестьян Пензенской губернии посвящена статья М. В. Киселевой⁴³. Проблема брачных отношений Сызранского уезда Симбирской губернии отражена в работе А. В. Кобзева, Т. А. Кобзевой⁴⁴. Коми крестьянство, его расселение, численность, этнодемографические процессы изучает известный историк И. Л. Жеребцов⁴⁵.

Ценный материал о татарской крестьянской семье и ее социально-экономическом положении в первой половине XIX в. содержится в статьях Э. К. Салаховой, а XIX – начала XX в. – в работе Р. Р. Исхакова⁴⁶. Изучением мордовской семьи первой половины XIX в. занимаются С. Д. Николаев⁴⁷, С. В. Першин, Т. А. Першина⁴⁸. обстоятельный анализ демографической характеристики мордовской семьи, ее места и значения в системе социальных институтов был проведен Н. Ф. Беляевой⁴⁹. Влияние обычного права на

⁴³ Киселева М. В. Трансформация семейных отношений бывших государственных крестьян Пензенской губернии в пореформенный период Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 2016. Ульяновск, 2016. С. 186–189.

⁴⁴ Кобзев А. В., Кобзева Т. А. Брачные отношения жителей д. Смолькино Сызранского уезда по данным метрических книг 1899–1919 гг. // Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 2016. С. 190–203.

⁴⁵ Жеребцов И. Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998; Его же. Этнодемографические процессы в Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005.

⁴⁶ Салахова Э. К. Метрические книги как источник по изучению социально-экономической жизни и демографической картины татарских деревень второй половины XIX века // Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 2016. Ульяновск, 2016. С. 300–307; Исхаков Р. Р. Регулирование имущественных отношений в крященской (крещено-татарской) семье (XIX – начала XX в.) // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23–24 мая 2018 г.). Йошкар-Ола, 2018. С. 203–208.

⁴⁷ Николаев С. Д. Мордовская семья в середине XIX в. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 134–137; Его же. Мордовская крестьянская семья в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. М., 1993.

⁴⁸ Першин С. В., Першина Т. А. Структура семьи и населения Мордовии в первой половине XIX века // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: сб. материалов VI региональной научной конференции историков и аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 172–178; 247; Першина Т. А. Структура крестьянской семьи мордовского края в первой половине XIX в.: Историко-демографический анализ: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Саранск, 2005.

⁴⁹ Беляева Н. Ф. Традиционные способы и формы социализации детей и подростков у мордвы: дис. ... д-ра ист. наук / 07.00.07. Саранск, 2002.

регулирование семейно-брачных отношений мордвы стали предметом исследования в работах Ю. Н. Мокшиной, С. С. Серкиной⁵⁰.

Особенности эволюции удмуртской семьи прослежены в исследовании М. В. Гришкиной⁵¹. Изучению башкирской семьи в конце XVIII – первой половине XIX в. посвятил свои исследования Ф. М. Сулейманов⁵². Средневожская крестьянская семья в XVIII – первой трети XX в. освещена в работе А. А. Ларичева⁵³. Значительный вклад в изучение семейных обрядов чувашей внесла О. В. Егорова⁵⁴. Исследованием чувашской сельской семьи занимается П. П. Фокин⁵⁵. Сравнительному анализу хозяйства марийских и русских крестьян яранской деревни посвятила свои труды Н. И. Халтурина⁵⁶. В вышеназванных работах накоплены важные сведения о типологии семей, их социально-демографической характеристике, хозяйственных занятиях и рабочих возможностях крестьянских дворов.

Особое значение в изучении некоторых вопросов истории средневожского крестьянства периода второй половины XIX – начала XX в. имеют труды известных историков Ф. Г. Зайнуллиной, Г. А. Николаева, Р. В. Шайдуллина и других⁵⁷. В их исследованиях в контексте изучения общей

⁵⁰ Мокшина Ю. Н. Брачно-семейные отношения в обычном праве мордвы конца XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук / 07.00.07. Саранск, 2003; Серкина С. С. Община и обычное право удельных крестьян Симбирской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук / 07.00.02. Саранск, 2002.

⁵¹ Гришкина М. В. Семья и община – социокультурные ценности удмуртского мира (XVII – первая половина XIX в.) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XV–XIX в.», посвящ. 80-летию юбилею доктора исторических наук С. Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань, 2010. С. 288–289.

⁵² Сулейманов Ф. М. Башкирский двор в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис... канд. ист. наук. Уфа, 1998.

⁵³ Ларичев А. А. Крестьянская семья в истории освоения и развития Среднего Поволжья (XVIII – первая треть XX в.): автореф. дис...канд. ист. наук. Самара, 2004; Его же. Структура и состав крестьянских семей Среднего Поволжья в XVIII – первой трети XX в. // Платоновские чтения. Сборник научных трудов. Вып. VI. Самара, 2004. С. 19–22.

⁵⁴ Егорова О. В. Межэтнические отношения чувашей и татар // Вестник Чувашского университета. 2002. № 2. С. 20–26; Ее же. Обычаи и обряды, связанные с родами, уходом за новорожденными и лечением детских болезней, в среде саратовско-пензенских чувашей // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. С. 162–165.

⁵⁵ Фокин П. П. Чувашская сельская семья в конце XIX в. – 1980-е гг.: Опыт историко-этнографического исследования: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Чебоксары, 2002.

⁵⁶ Халтурина Н. И. Положение помещичьих крестьян Яранского уезда Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 98–102.

⁵⁷ Николаев Г. А. Ежегодные переделы пахотных угодий в средневожской поземельной общине второй половины XIX – начала XX в. в фокусе рационального и иррационального начал в ее жизнедеятельности: к постановке проблемы // Марийский археографический вестник. 2006. № 16. С. 28–43; Его же. Вожское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары, 2016;

истории отдельные сюжеты посвящены семейно-брачным отношениям и вопросу народонаселения. Проблема этноконфессиональных отношений в Среднем Поволжье отражена в исследованиях Л. А. Таймасова⁵⁸. В монографии историка В. Н. Никулина особое внимание привлекают материалы о развитии крестьянских промыслов в северо-западных губерниях страны⁵⁹. В трудах Н. П. Прокофьевой, Р. А. Мухамедова нашли отражение отдельные сюжеты крестьянской проблематики, вопросы землевладения⁶⁰. В исследованиях историка Е. Н. Бикейкина, основанных на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР, обстоятельное освещение получили проблемы аграрной модернизации и развития сельского хозяйства Среднего Поволжья послевоенного времени, что в сравнительном плане весьма значимо и по нашей теме⁶¹.

Ведущим специалистом в области динамического исследования крестьянства Среднего Урала в XX в. является Л. Н. Мазур⁶². Ее отдельная статья посвящена статистико-этнографической характеристике расселения марийских крестьян на территории Среднего Урала в XIX–XX в. При выборе методологии исторического исследования большую ценность представляет ее работа о методах и технологиях, используемых для решения информационных задач⁶³. Историография российской семьи, в том числе крестьянской, наиболее полно изложена в статье исследовательницы А. Ю. Прокофьевой⁶⁴.

Шайдуллин Р. В., Зайнуллина Ф. Г. Крестьянство Казанской губернии в 1860–1910-е гг.: в экономическом и социокультурном измерении. Казань, 2013.

⁵⁸ Таймасов Л. А. Нерусские монастыри Казанского края: ориентиры конфессионального обновления (вторая половина XIX века) // Япония, Саппоро, 2004. Т. XXI. С. 97–104.

⁵⁹ Никулин В. Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2017.

⁶⁰ Прокофьева Н. П., Мухамедов Р. А. Крестьянские землевладения Симбирской губернии в начале XX века // Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 2016. Ульяновск, 2016. С. 279–284.

⁶¹ Бикейкин Е. Н. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953–1991 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук / 07.00.02. Саранск, 2017.

⁶² Мазур Л. Н. Марийцы на Среднем Урале в XIX–XX в. (статистико-этнографическая характеристика расселения) // Марийский археографический вестник. 2005. № 15. С. 97–115; Ее же. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2010.

⁶³ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010.

⁶⁴ Прокофьева А. Ю. Российская семья XVIII–XIX веков: анализ историографии // Российская история. 2011. № 4. С. 185–197.

Обзор российской историографии свидетельствует о том, что за более полутора веков российскими историками было выявлено значительное количество источников, что позволило ученым исследовать множество вопросов, связанных с проблематикой крестьянской семьи. На сегодняшний день достаточно изучены отдельные сферы жизни крестьян, их социально-экономическое, правовое положение, быт, духовный облик, традиционное воспитание детей и др. Лучшее всего исследованной оказалась крестьянская семья Уральского и Сибирского регионов. В хронологическом плане более тщательно и детально российские историки проанализировали период XVIII–XX вв.

В настоящее время на региональном уровне ведется активная работа, направленная на выявление и введение в научный оборот новых исторических источников. В этой связи заслуживают внимания труды А. Г. Иванова по истории марийской деревни, в том числе крестьянской семьи XVIII в.⁶⁵ Несомненную ценность представляют исследования Г. Н. Кадыковой, посвященные истории марийского крестьянства, главным образом, социально-экономическим процессам⁶⁶.

⁶⁵ Иванов А. Г. Расселение горных марийцев в XVIII в. // АЭМК. 1982. Вып. 6. С. 140–158; Его же. Марийцы Поволжья и Приуралья (По их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). Йошкар-Ола, 1993; Его же. Очерки по истории Марийского края XVIII в. Йошкар-Ола, 1995; Его же. О роли язычества в социально-экономической консолидации марийцев в XVIII – первой половине XIX века / Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII–XX в. Тезисы докладов региональной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. И. Д. Кузнецова. 27–28 мая 1996. Чебоксары, 1996. С. 17–19; Его же. Марийцы Поволжья и Приуралья в XIX в.: традиции и новации // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей. Slavic Research Center Hokkaido University, Sapporo, Japan, 2003. С. 285–315; Его же. Козьмодемьянская лесная ярмарка: к постановке проблемы // Марийский археографический вестник. 2008. № 18. С. 4–17; Его же. Природно-географический фактор в истории Марий Эл // Современное состояние окружающей среды в Республике Марий Эл и здоровье населения: мат-лы V научно-практ. конф., 10 ноября 2010 г. Йошкар-Ола, 2011. С. 3–8; Его же. Исследования по истории Среднего Поволжья (XVI – начало XX в.). Йошкар-Ола, 2013; Иванов А. Г., Халтурина Н. И. Яранская деревня Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Отечественная история XX–XXI веков: социальные, экономические и политические аспекты, вопросы теории. Памяти доктора исторических наук, профессора Ю. П. Смирнова. Чебоксары, 2012. С. 213–227; Иванов А. Г., Кадыкова Г. Н. Состав и структура семьи луговых марийцев середины XIX века // Материалы научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.): сб. ст. Казань, 2015. Вып. 5. С. 191–203.

⁶⁶ Кадыкова Г. Н. Крестьянская семья луговых марийцев в середине XIX века (по материалам «ревизских сказок» Царевококшайского уезда) // Финно-угроведение. 1998. № 3–4; Её же. Марийская крестьянская семья Вятской губернии в середине XIX в. // Европейский Север в культурно-историческом процессе (к 625-летию города Кирова). Материалы международной конференции. Киров, 1999. С. 431–438; Её же. Половозрастной состав крестьянской семьи горных марийцев в первой половине XIX века // Материалы докладов и выступлений на республиканской конференции, посвященной 450-летию вхождения горных мари в состав Российского государства. Козьмодемьянск, 9–10 июня 2001 г.; Её же. Земледельческие занятия марийцев

Отдельные сюжеты о положении марийского крестьянства, взаимоотношениях с государственной властью и церковью содержатся в совместных публикациях Г. Н. Айплатова, А. Г. Иванова, К. Н. Санукова⁶⁷. Общая картина расселения марийцев с древнейших времен до наших дней представлена в монографии Г. А. Сепеева⁶⁸.

В современной историографии значительное место занимают труды, посвященные развитию марийского крестьянского хозяйства, его рабочим возможностям, земельному вопросу, социально-экономическому положению в XVIII – начале XX в. Вопросам переселения средневожских марийцев на территории Прикамья и Приуралья и особенностям жизнедеятельности восточных марийцев посвящены исследования И. С. Гареева⁶⁹. обстоятельный анализ социального и экономического развития марийской деревни первой половины XIX в. провел А. С. Казимов⁷⁰. Богатейший материал о неземледельческих промыслах и положении марийцев в пореформенный период имеется в трудах А. Н. Чимаева⁷¹. Развитие крестьянского хозяйства Вятской губернии во второй половине XIX в. рассматривается в исследованиях А. А. Соловьева⁷². В них содержатся подробные материалы о крестьянском

Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология, этническая история: III часть. Йошкар-Ола, 2005. С. 231–232; Ее же. Крестьянская семья луговых марийцев Казанской и Вятской губерний в конце XVIII – первой половине XX в. // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 56–65; Ее же. Государственные марийские крестьяне Среднего Поволжья в конце XVIII – первой половине XIX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Чебоксары, 2006.

⁶⁷ Айплатов Г. Н., Иванов А. Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда 1625–1764 гг. Йошкар-Ола, 2000; Айплатов Г. Н. Этнодемографические процессы в Марийском крае во второй половине XVI–XVII в. // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология, этническая история: III часть. Йошкар-Ола, 2005. С. 197–198; Иванов А. Г., Сануков К. Н. История Марий Эл. Йошкар-Ола, 2015; Иванов А. Г., Сануков К. Н. История марийского народа. 3-е изд. Йошкар-Ола, 2017.

⁶⁸ Сепеев Г. А. Этнография марийского народа. Йошкар-Ола, 2001; Его же. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006.

⁶⁹ Гареев И. С. Землеустройство марийцев Прикамья и Приуралья в XVIII – первой половине XIX в. // Марийский археографический вестник. 1999. № 9. С. 53–68; Его же. Марийские крестьяне Прикамья и Приуралья в XVIII – первой половине XIX века. Бирск, 2014.

⁷⁰ Казимов А. С. Земледельческая культура крестьян Марийского края в первой половине XIX в. (традиции и новации) // Марийский археографический вестник. 1999. № 9. С. 68–78.

⁷¹ Чимаев А. Н. Некоторые особенности развития крестьянских промыслов на территории Марийского края в 60-х – начале 80-х гг. XIX в. // Марийский археографический вестник. 1993. № 3. С. 50–55; Его же. О предпринимательстве крестьян на территории Марийского края в конце XIX – начале XX в. // Марийский археографический вестник. 2005. № 15. С. 72–97.

⁷² Соловьев А. А. О крестьянском земледелии в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. // Марийский археографический вестник. 1998. № 8. С. 91–105; Его же. Вятская деревня на рубеже XIX–XX веков. Йошкар-Ола, 2013; Его же. Крестьянское земледелие Марийского края в условиях кризиса трехполья конца XIX –

землевладении и землепользовании, условиях сельскохозяйственного производства, численности и размещения населения. Впервые в целостном виде история развития лесного хозяйства в Марийском крае дореволюционного периода рассмотрена в работах А. А. Филонова, где особое внимание уделено изучению крестьянского лесного предпринимательства и лесных промыслов⁷³. Хозяйственная жизнь горных марийцев нашла отражение в фольклорном материале⁷⁴.

Результаты конкретных исследований об этногенезе и истории марийского народа, хозяйственных занятиях, семейных обрядах и календарных праздниках легли в основу коллективных монографий по истории Марийского края и соседних областей и республик⁷⁵. Отдельные сюжеты по семейной обрядности (родильной, свадебной) горных марийцев встречаются в статьях исследователей Т. Л. Молотовой, И. Н. Смирнова, О. А. Калининой и других⁷⁶. В описаниях родильных обрядов особое место занимают традиции и обычаи, связанные с рождением и наречением имени ребенку, уходом за ним и лечением от различных болезней. Некоторые вопросы по истории марийского крестьянства, в частности, взаимоотношения крестьян, приходского

начала XX в. и мероприятия земств по его улучшению // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23-24 мая 2018 г.). Йошкар-Ола, 2018. С. 250–257.

⁷³ Филонов А. А. Природно-географические условия развития лесного хозяйства Марийского края во второй половине XIX – начале XX в. // Марийский археографический вестник. 2013. № 23. С. 45–44; Его же. Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края. Йошкар-Ола, 2014; Его же. Развитие крестьянского лесного предпринимательства в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX веков // Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 2016. Ульяновск, 2016. С. 344–350.

⁷⁴ Грачева Ф. Т. Горномарийские пословицы, поговорки, приметы, загадки. Йошкар-Ола, 2001.

⁷⁵ Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000; Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005; Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. 2-е изд.

⁷⁶ Молотова Т. Л. Родильные обряды марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 1980-х годов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1993. С. 85–92; Ее же. Особенности этнического характера горных мари // Материалы докладов и выступлений на республиканской конференции, посвященной 450-летию вхождения горных мари в состав Российского государства. Козьмодемьянск. 9–10 июня 2001 г. Игнатевские чтения. Горные марийцы на рубеже веков. Йошкар-Ола, 2002. С. 60–64; Смирнов И. Н. Современная свадьба сельских марийцев в системе этноса // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 1980-х годов. Йошкар-Ола, 1993. С. 78–84; Калинина О. А. Свадебные обряды горных марийцев в этнографической литературе // XIII Игнатевские чтения. Материалы докладов и выступлений на Республиканской конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Л. П. Васиковой (Козьмодемьянск, 1 апреля 2013 г.). Йошкар-Ола, 2014. С. 240–246.

духовенства и сельской общины и отражены в статьях С. М. Васиной⁷⁷. Этнодемографическим процессам в современной марийской деревне посвящена научная работа Г. С. Зеленеевой⁷⁸.

Среди зарубежных исследований, посвященных истории народов Среднего Поволжья, в том числе истории марийцев XVI – первой половины XIX в., следует отметить работы историка Андреаса Каппелера⁷⁹.

Как видно, на современном этапе проблема истории крестьян, крестьянской семьи, как и аграрной истории в целом, продолжает оставаться предметом пристального внимания историков, этнографов, демографов и других специалистов. Примечательно, что на региональном уровне достаточно изучены отдельные вопросы заявленной проблематики (хозяйственные занятия, социально-экономическое развитие марийского крестьянства, отношения с государственной властью и церковью, система государственных податей и повинностей, обряды и календарные праздники и другое). Однако такие аспекты, как типология марийской крестьянской семьи, ее структура и состав, социально-демографическая характеристика, рабочие возможности до сих пор не являлись предметом специального исследования и требуют более глубокого изучения.

Цель диссертационного исследования – комплексное изучение крестьянской семьи горных марийцев XIX – начала XX в. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- выявить влияние природно-географического фактора на жизнеобеспечение горномарийской крестьянской семьи;
- охарактеризовать расселение и динамику численности горных марийцев рассматриваемого времени;

⁷⁷ Васина С. М. Строительство церквей в Марийском крае // Шестые Вавиловские чтения «Россия и мировое сообщество в поисках новых форм стабильности». Йошкар-Ола, 2002. С. 302–305; Ее же. Крестьянская община и приходское духовенство Марийского края в XIX веке // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Сборник материалов VI рег. науч. конф. Йошкар-Ола, 2002. С. 117–112; Ее же. Приходское духовенство Марийского края в XIX–XX веков. Йошкар-Ола, 2006.

⁷⁸ Зеленеева Г. С. Этнодемографические процессы на селе: как спасти деревню (на примере Республики Марий Эл). Йошкар-Ола, 2013.

⁷⁹ Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln; Wien, 1982; Kappeler A. Die Tschuwaschen: Ein Volk im Schatten der Geschichte». Köln; 2016.

- проанализировать основные хозяйственные занятия крестьянской семьи как основы жизнеобеспечения горномарийской деревни;
- проследить динамику брачности и выявить особенности семейно-брачных отношений среди горных марийцев;
- определить типологию, состав, структуру и рабочие возможности горномарийской крестьянской семьи.

Источниковая база исследования. Исследование основано на материалах архивных источников, которые хранятся в 26 фондах Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ. Ф. 3, 5, 11, 12, 13, 14, 23, 24, 29, 30, 36, 47, 49, 60, 66, 67, 74, 89, 172, 192, 194, 195, 300, 302, 305, 306), и опубликованных источниках, представленных в центральных и региональных библиотеках, в том числе в Национальной библиотеке имени С. Г. Чавайна Республики Марий Эл. Использованные в работе различные виды письменных источников представлены законодательными актами, статистическими и делопроизводственными документами, периодическими изданиями и свидетельствами современников. Среди них особое место занимают законодательные и нормативные акты, характеризующие правительственную политику по крестьянскому вопросу, в том числе в отношении государственной деревни, связанные, в частности, с реформами П. Д. Киселева 1837–1841 гг., и последующими реформами второй половины XIX – начала XX в.⁸⁰ В них отражено состояние и положение крестьянского хозяйства, охарактеризовано крестьянское землепользование и сельскохозяйственное производство в дореформенной и пореформенной деревне, в период империализма. Представленные документы свидетельствуют, что, несмотря на определенные успехи в сельском хозяйстве, в начале XX в. в стране наблюдался острый аграрный кризис. В комплексе законодательных мер, направленных на изменение формы землевладения, важно отметить специальный указ, дополнявший некоторые постановления действовавшего

⁸⁰ Полное собрание законов Российской империи. 1837 г. СПб., 1838. Т. 12. 2-е собр.; СПб., 1839. Т. 13. 2-е собр.; 1839 г. СПб., 1840. Т. 14. 2-е собр.; 1840 г. СПб., 1841. Т. 15. 2-е собр.

закона о землепользовании и землевладении⁸¹. Содержание этого указа показывает, что государственная политика была призвана разрушить общину и ввести частную собственность на крестьянские земли. При изучении вопросов подготовки, проведения и результатов столыпинской реформы важное значение имеют материалы выступлений и докладов государственных деятелей. Это материалы «высочайше учрежденного» 22 января 1902 г. «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (выступления С. Ю. Витте, А. П. Никольского, В. В. Евреинова, В. И. Гурко и Л. Д. Вяземского)⁸².

Чрезвычайную ценность представляет обширная делопроизводственная документация государственных и церковных учреждений, содержащая большой информационный потенциал о жизнедеятельности марийских крестьян, в том числе горных марийцев. В Различных циркулярах, указах, распоряжениях, постановлениях, рапортах и других документах, сохранившихся в фондах Козьмодемьянского исправника (ф. 3), уездного присутствия по воинской повинности (ф. 5), Козьмодемьянского казначейства (ф. 11), Козьмодемьянских земских начальников, приставов, мировых посредников и волостных правлений (ф. 11, 12, 13, 14, 30, 49, 60, 66, 67, 74), отражена система управления в государственной деревне, показана деятельность государственных органов земского и крестьянского самоуправления. Несомненный научный интерес при изучении системы землевладения и землепользования, влияния природно-географического фактора, развития поземельных отношений представляют материалы фондов Козьмодемьянской уездной землеустроительной комиссии (ф. 47), Межевой конторы Козьмодемьянского уезда (ф. 302).

Имеющиеся массовые источники церковной статистики – метрические книги и исповедные ведомости приходов Васильсурского (Васильского) уезда Нижегородской губернии и Козьмодемьянского уезда Казанской губернии

⁸¹ Российское законодательство X–XX веков. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. Т. 9.

⁸² Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период империализма). М., 1977.

(ф. 23, 24, 29, 36, 89, 192, 194, 195, 305) – с точки зрения исторического источника представляют большую ценность при изучении демографической характеристики крестьянской семьи горных марийцев. Метрические книги, включавшие в себя записи о рождении и крещении, браке и венчании, смерти и отпевании, дают возможность проанализировать динамику естественного движения населения и воссоздать демографическую картину семьи и горномарийской деревни в целом в различные исторические периоды. Первый раздел метрической книги «О родившихся» позволяет выявить динамику рождаемости, разницу соотношения полов родившихся детей, количество законнорожденных и незаконнорожденных, сезонность рождаемости, время крещения. На основе материалов второго раздела «О бракосочетавшихся» можно проанализировать динамику брачности, определить средний брачный возраст мужчин и женщин, наличие первичных и повторных браков, охарактеризовать межнациональные браки, сезонность брачных союзов, границы «брачного округа». Заключительный раздел метрической книги «О умерших», содержащий подробные сведения о возрасте и причинах смерти среди взрослого и детского населения, дает возможность изучить динамику смертности, определить разницу соотношения смертности полов, среднюю продолжительность жизни мужского и женского населения.

Первичные сведения исповедных ведомостей, представлявших собой ежегодный отчетный документ, составляемый по каждому церковному приходу и включавших посемейный список всех прихожан, присутствовавших и отсутствовавших во время постов на исповеди и причащении, позволяют исследовать типологию горномарийской семьи, ее родственную, численную, поколенную и половозрастную состав и структуру, охарактеризовать рабочие возможности крестьянского двора и горномарийской деревни в целом.

Особое внимание при изучении поставленной проблематики следует уделить архивным и статистическим источникам. В этом отношении весьма ценными являются опубликованные А. Г. Ивановым и Г. Н. Айплатовым

документальные материалы⁸³. Должного внимания заслуживают губернские статистические сведения о хозяйственном положении марийских крестьян⁸⁴. Богатейший материал, связанный с крестьянской проблематикой, ценные наблюдения за различными сторонами материальной и духовной жизни марийцев отражен в периодической печати⁸⁵.

Горномарийские свадебные, родильные, похоронно-поминальные обряды, хозяйственные занятия содержатся в описаниях современников из числа приходского духовенства, путешественников, краеведов (А. А. Фукс, Н. С. Толстого, С. М. Михайлова, М. С. Кроковского, П. С. Кушелева, П. Знаменского, И. А. Износкова, И. Я. Молярова, В. Рогозина, С. Рябинского, Х. А. Родионова и других)⁸⁶. В основном их историко-этнографические и

⁸³ История Марийского края в документах и материалах / сост. Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 1992; История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006; История сел и деревень Республики Марий Эл. Килемарский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006; Иванов А. Г. Источники по истории и культуре народов Волго-Вятского региона (XVIII – начало XX в.). Йошкар-Ола, 2013; История и культура народов Марий Эл в источниках середины XIX в. / Сост., предисл. и примеч. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2016; Иванов А. Г. Традиционная семья горных марийцев в источниках начала XVIII века. Йошкар-Ола, 2017.

⁸⁴ Лаптев М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861; Список населенных мест по сведениям 1859 года. Обработан Е. Огородниковым. СПб., 1868; Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887; Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Уезд Васильский. Выпуск IX. Нижний Новгород, 1890; Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Выпуск 10. Уезд Козьмодемьянский. Казань, 1891; Спиридонов А. Населенные местности Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Козьмодемьянск, 1898.

⁸⁵ Этнографическое описание Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. № 3. С. 350–410; Леонтьев Н. Этнографические записки о Казанской губернии // Журнал Министерства государственных имуществ. 1844. Ч. 2. С. 11–15; 77–84; 111–125; Вячеслов Н. Козьмодемьянский уезд Казанской губернии // Казанские губернские ведомости. 1854. № 18, 21, 23, 25–28, 30–32; Черемисы Козьмодемьянского уезда // Казанские губернские ведомости. 1856. № 9; Памятная книжка по Казанской губернии на 1863 год. Казань, 1862; Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 г. Нижний Новгород, 1864; Рождественский М. Быт горных черемис Козьмодемьянского уезда в религиозно-нравственном отношении // Известия по Казанской епархии. 1873. С. 9–25.

⁸⁶ Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1920; Толстой Н. С. Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии. М., 1857. С. 173–181; Знаменский П. Горные черемисы Казанского края: (Из наблюдений очевидца) // Вестник Европы. 1867. С. 33–45; Износков И. А. Обычай горных черемис: Гражданское право // Памятная книга Казанской губернии за 1868–1869 гг. Казань, 1868. С. 60–72; Его же. Обычай горных черемис: Уголовное право // Труды Казанского Губернского статистического комитета. Казань, 1869. Вып. 2; Его же. Замечательные в историческом отношении селения и местности Горночеремисского края // Труды Казанского губернского статистического комитета. Вып. 1–2. Казань, 1870; Кроковский М. С. Этнография горных черемис, обитающих Казанской губернии в Козьмодемьянском уезде (публ. А. Г. Иванова) // Марийский археографический вестник. 2003. № 13. С. 165–177; Его же. Горные черемисы в Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1853. Ч. 41. Кн. 1-3. С. 46–53; Кушелев П. С. О свадьбе марийцев во второй половине XIX века (публ. Г. А. Сепеева, Г. Н. Айплатова) // Марийский археографический вестник. 1998. № 8. С. 230–233; Моляров И. Я. Беседы к черемисам Кузнецовского прихода кузнецовского школьного учителя Ивана Яковлевича Молярова // Известия по Казанской епархии, 1873. № 74; Рогозин В. Черемисы. Историко-этнографический очерк. СПб., 1881; Рябинский К. С. Ардинский приход Козьмодемьянского уезда. Казань, 1899; Крестьянское хозяйство и быт

историко-географические материалы носили описательный характер и были основаны на личных наблюдениях современников. Выдающийся ученый-просветитель С. М. Михайлов большую часть своей жизни посвятил изучению этнографии чувашского, марийского и русского народов. Большую ценность представляют собранные им материалы о традиционном свадебном комплексе горных марийцев. Исследователь подробно описал предсвадебные обряды, религиозное оформление брака, выбор свадебных чинов и другое⁸⁷. Большое значение в изучении семейно-брачных отношений марийцев имеет работа исследовательницы А. А. Фукс⁸⁸. В ней достаточно подробно описана жизнь марийцев, календарные праздники и обряды, взаимоотношения внутри семьи.

Ценные наблюдения о расселении марийцев, особенностях их языка, материальной и духовной культуре, состоянии крестьянской семьи и хозяйства горных марийцев XIX – начала XX в. содержатся в работах зарубежных ученых-путешественников А. Гакстгаузена, М. Веске, А. О. Хейкеля, супругов Ю. Вихман и Ю. Вихман, посетивших Марийский край⁸⁹. В целом привлеченный круг разнообразных видов источников с насыщенным фактологическим материалом стал основой изучения заявленной темы.

Научная новизна исследования состоит в том, что на региональном уровне впервые проведен комплексный анализ различных аспектов крестьянской семьи горных марийцев XIX – начала XX в. Выявление и введение в научный оборот массовых архивных источников дали возможность автору представить в целостном виде систему жизнеобеспечения горномарийской деревни, связанную с особенностями природно-географического фактора и многоукладности крестьянского хозяйства.

горных марийцев в описаниях Х. А. Родионова начала XX века (публ. А. Г. Иванова, Г. А. Николаева) // Марийский археографический вестник. 2008. № 18. С. 148–159.

⁸⁷ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004.

⁸⁸ Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1920.

⁸⁹ Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1; Веске М. Исследование о наречиях черемисского языка // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1889. Т. VII; Хейкель А. О. Постройки черемис, мордвы, эстов и финнов. Хельсинки, 1888; Дневниковые записки Юлии Вихманн / пер. Э. Лебедевой // Финно-угроведение. 1996. № 3. С. 117–153; Вихманн Ю. У черемис. Из дневника / пер. Э. Лебедевой // Ончыко. 2001. № 3. С. 138–152; № 4. С. 111–125.

Благодаря системному анализу социально-демографических процессов, семейно-брачных отношений, состава, структуры и типологии марийской крестьянской семьи с учетом субэтнической специфики горных марийцев автору удалось выявить и оценить рабочий потенциал крестьянского двора рассматриваемого времени.

В результате проведенной систематизации большого объема фактического материала и его обобщения выявлены региональные особенности развития крестьянской семьи как основной хозяйственной, производительной, демографической, этнокультурной ячейки горномарийского социума. Проведенное исследование дает возможность в целом констатировать наличие как общих, так и специфических черт в этнодемографическом, социально-экономическом, социокультурном и ментальном облике горномарийских крестьян как составной неразрывной части марийского и российского крестьянства. Автором впервые предпринята попытка реконструирования динамики демографических процессов рассматриваемого времени – рождаемости, брачности и смертности, главным образом, на материалах церковной статистики, представленной метрическими и исповедными книгами. В ходе исследования удалось в полной мере представить эволюцию семейно-брачных отношений, трансформацию состава и структуры института семьи. Автором показано влияние природно-географических, социально-экономических, этнокультурных, религиозных и других факторов на жизнеобеспечение крестьянской семьи. Научная новизна исследования заключается в том, что заявленная проблематика до настоящего времени.

Вышеприведенные положения соответствуют пунктам 6, 12, 19 и 20 Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история ВАК при Минобрнауки России.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что ее основные положения и выводы могут использоваться при разработке актуальных проблем по истории крестьянства как на региональном, так и на российском уровне, написании этнической истории марийского народа и

истории Марий Эл, вспомогательных исторических дисциплин, а также могут применяться в просветительской деятельности учреждений культуры. Исторический опыт хозяйственной деятельности может быть востребован в известной мере в возрождении традиционных сельскохозяйственных занятий и народных промыслов. Материалы диссертационного исследования актуальны и востребованы среди исследователей разных специальностей, в первую очередь, среди специалистов, изучающих аграрную историю и историю российского крестьянства.

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование основано на общепризнанных научных принципах историзма, конкретности, объективности, истины, системности и целостности. Применение междисциплинарного подхода было обусловлено спецификой объекта исследования. Основные методы работы включают историко-системный, историко-сравнительный и историко-типологический методы, дающие возможность сопоставить основные характеристики крестьянской семьи. Применение историко-динамического метода позволило провести взвешенную оценку количественных и качественных изменений в демографических процессах, происходивших в горномарийской деревне рассматриваемого времени. Важнейшие аспекты, связанные с социально-экономическими и демографическими процессами, были проанализированы на основе математико-статистических методов, в значительной степени дополняющих и уточняющих логические умозаключения и придающих им большую доказательность⁹⁰.

При работе с числовыми данными была использована система обработки числовой информации с помощью программы Excel. Полученные результаты представлены в виде статистических таблиц, диаграмм и графиков, всесторонне усиливающих информационный потенциал, облегчающих восприятие и анализ числовой информации. Исследование типологии, структуры, родственного, поколенного, численного и половозрастного состава горномарийской

⁹⁰ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010.

крестьянской семьи проводилось с применением историко-типологического и историко-сравнительного методов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Развитие крестьянской семьи горных марийцев обуславливалось различными факторами. Во многом оно зависело от природно-географических условий, позволявших вести многоотраслевое комплексное хозяйство, максимально приспособленное к условиям окружающей среды, что было характерно как для нагорной, так и заволжской части горномарийского расселения.

2. Демографические процессы в рассматриваемое время имели положительную динамику и характеризовались высокими темпами прироста населения за счет естественного движения – превышения рождаемости над смертностью. В 1800–1917-х гг. более чем в два раза увеличились как численность горных марийцев, так и количество крестьянских семей. Вместе с тем, на рубеже XIX–XX вв. начался отток части горномарийского населения. Во многом это было связано с высокой густонаселенностью правобережья Волги. Для левобережной части была характерна слабая заселенность и невысокая плотность населения. Крестьянские семьи проживали в различных типах сельских поселений (село, деревня, выселок и околодок), относившихся к разным волостям и церковным приходам.

3. Сложившаяся система жизнеобеспечения обеспечивала крестьянскую семью горных марийцев всем необходимым. Крестьянские семьи, ведущие в основном натуральное хозяйство, довольствовались тем, что производили собственными силами. Ведущее место занимали пашенное земледелие и домашнее животноводство, в значительной мере дополняемые различными видами домашнего, ремесленного и мелкотоварного производства.

4. В нагорной части крестьянское хозяйство имело земледельческо-промысловый характер, а в заволжской части – промыслово-земледельческий. В правобережье бюджет семьи в значительной мере дополнялся товарным садоводством, хмелеводством и огородничеством, а в левобережье

преимущественное значение имели традиционные охота, рыболовство, собирательство и различные лесные промыслы. Основная масса крестьянских дворов была среднего достатка.

5. Стремление обеспечить семью всем необходимым, казенные подати и повинности, насущная потребность в деньгах способствовали постепенному подрыву натурального хозяйства и дальнейшему развитию в горномарийской деревне товарно-денежных отношений, широкому распространению крестьянских промыслов и отходничества сезонного характера, в особенности во второй половине XIX – начале XX в.

6. Семейно-брачные отношения горных марийцев отличались стабильностью и традиционализмом, способствовавшим положительной динамике роста заключаемых браков. На изменение брачного возраста, сезонности браков, брачного округа в значительной степени оказывали влияние социально-экономические, религиозные и другие факторы. Особенностью семейно-брачных отношений горных марийцев являлись моноэтнические браки, основанные на моногамии. Межнациональные браки, особенно марийско-чувашские, были характерны в пограничных этнических зонах.

7. Обеспечение рабочей силой и экономической потенциал крестьянского двора как важнейшей единицы в жизнеобеспечении горномарийской деревни зависели от состава и численности крестьянской семьи. Преобладавшая среди горных марийцев малая двухпоколенная семья, в среднем состоявшая из 1-5 человек, в условиях натурального хозяйства, основанного на ручном труде, имела достаточные рабочие возможности для поддержания и развития многоотраслевого хозяйства.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были заслушаны и обсуждены на заседаниях кафедры отечественной истории Марийского государственного университета, апробировались на 12 научных конференциях, в том числе одной международной, пяти всероссийских, четырех межрегиональных и двух региональных. Полученные результаты

исследовательской работы отражены в 15 научных публикациях (6,1 п.л.), из них 3 статьи в журналах, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертации включает в себя Введение, три главы, разделенные на параграфы, Заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

ГЛАВА 1. РАССЕЛЕНИЕ ГОРНЫХ МАРИЙЦЕВ И ХОЗЯЙСТВО КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

§ 1.1. Расселение и динамика численности горных мариЙцев

Известно, что горные мариЙцы (*«горная черемиса», «горные люди»*), как составная и неразрывная часть мариЙского народа, впервые упоминается в источниках XVI в. При этом территориальные рамки их размещения охватывали правобережье Волги (*«Горная сторона»*) и часть ее левобережья⁹¹. Основной ареал расселения оставался неизменным и в последующих XVII–XIX столетиях⁹². На рубеже XIX – начала XX в. горные мариЙцы компактно проживали в правобережной и частично левобережной части Волги. В это время среди них в зависимости от места жительства выделялись небольшие «земляческие» группы. В правобережье Волги (*Кырык сир*) обитали такие локальные группы, как сурские (*«шурмары»*), емангашские (*«шошмары»*), еласовские (*«марла мары»*), кушергские (*«кушыр мары»*) и другие. В левобережье Волги (*Кожла сир*) проживали юксарские, куплонгские, отарские (*«кожла мары»*), ветлужские (*«вѣйтлѣ мары»*), ардинские (*«арде мары»*), руткинские (*«рутка мары»*) и другие. В правобережной части Волги горные мариЙцы граничили с *«верховыми»* чувашами (*«вирьял»*) и русскими приволжских селений, а в левобережной – с луговыми мариЙцами (*«алык мары»*) и русскими⁹³.

В административном отношении после основания города Козьмодемьянска в 1583 г. горные мариЙцы входили в состав Акпарсовой,

⁹¹ История МариЙского края в документах и материалах / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 1992. С. 7–26; Иванов А. Г., Сануков К. Н. История мариЙского народа. 3-е изд. Йошкар-Ола, 2017. С. 74–75.

⁹² Сепеев Г. А. История расселения мариЙцев. Йошкар-Ола, 2006. С. 98; Акпарс: Исследования и материалы / Авторы-сост. Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2007. С. 28–32; Иванов А. Г. Традиционная семья горных мариЙцев в источниках начала XVIII в. Йошкар-Ола, 2017. С. 374.

⁹³ Козлова К. И. Очерки этнической истории мариЙского народа. М., 1978. С. 236; Янтемир М. Н. МариЙская автономная область: очерк (с приложением административной карты области). Йошкар-Ола, 2006. С. 60; История сел и деревень Республики МариЙ Эл. ГорномариЙский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 4–5; Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / Сост., предисл. и коммент. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2008. С. 370–371.

Аказиной, Кобяшевой, Токсубаевой сотен, Яныгитовой и Токпаевой пятидесятен Козьмодемьянского уезда⁹⁴.

Некоторые изменения в административном устройстве произошли в XVIII в. В 1779 г. часть горномарийских деревень правобережной Акпарсовой сотни (деревни Шалтыково, Емангаши, Средние и Крайние Шешмары) и несколько деревень левобережной Токсубаевой сотни Козьмодемьянского уезда Казанской губернии были присоединены к Васильсурскоу уезду Нижегородской губернии. Однако основная масса горномарийского населения оставалась в составе Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (см. приложение 1)⁹⁵.

С 1797 г. вместо сотен и пятидесятен было введено волостное деление. Каждая волость с численностью населения до 3 тыс. ревизских душ (около 6 тыс. чел. обоого пола) состояла из нескольких сельских обществ, включавших в себя различные типы сельских поселений: сел, деревень, починков, выселков и околодков, каждое из которых возглавлялось старостой⁹⁶. Управление марийской деревней усложнилось в результате реформы П. Д. Киселева в 1837–1841 гг. По данной реформе, каждая губерния была поделена на округа с 1-2 уездами, округа – на волости, волость – на сельские общества. В 1838 г. волости были укрупнены, и в каждой из них должно было числиться не менее 6 тыс. ревизских душ (до 12 тыс. чел. обоого пола)⁹⁷.

Этнический состав населения Козьмодемьянского уезда был неоднородным. Здесь проживали русские, горные марийцы и чуваша. По данным 1852 г., всего в Козьмодемьянском уезде проживало 70 423 чел. обоого

⁹⁴ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 235–236.

⁹⁵ История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 5; Иванов А. Г. Исследования по истории Среднего Поволжья (XVI – начало XX в.). Йошкар-Ола, 2013. С. 309.

⁹⁶ Иванов А. Г., Сануков К. Н. История Марий Эл. Йошкар-Ола, 2015. С. 116; 233; Черняева К. А. Волостное самоуправление марийских крестьян во второй половине XIX – начале XX в. // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология, этническая история: III часть. Йошкар-Ола, 2005. С. 272–273.

⁹⁷ Иванов А. Г., Сануков К. Н. История Марий Эл. Йошкар-Ола, 2015. С. 116–117.

пола, среди которых 41,28 % составляли горные марийцы и 50,38 – % чувашаи (см. таблица 1). Удельный вес русского населения был незначителен (8,34 %) ⁹⁸.

Таблица 1 – Состав населения Козьмодемьянского уезда в 1852 г. *

Состав населения		Численность населения					
Этнический	Социальный	Мужчины		Женщины		Всего	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Русские	крестьяне	2 695	8,02	3 176	8,62	5 871	8,34
Горные марийцы	крестьяне	13 654	40,64	15 414	41,85	29 068	41,28
Чуваши	крестьяне	17 245	51,34	18 239	49,53	35 484	50,38
Итого	крестьяне	33 594	100	36 829	100	70 423	100

* Составлено по: Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 110–113, 126–138.

В 1869 г. в 10 волостях Козьмодемьянского уезда общее количество дворов составляло 11 713 с численностью мужского населения 34 368 чел. (см. таблица 2).

Таблица 2 – Численность населения в волостях Козьмодемьянского уезда в 1869 г. *

Название волости	Численность мужского населения	Количество дворов
Козьмодемьянская	3 729	1 118
Больше-Юнгинская	4 164	1 464
Ардинская волость	1 680	683
Тойдаковская	342	128
Виловатовражская	5 165	1 846
Акрамовская	4 350	1 533
Сюндырская	4 002	1 364
Янгильдинская	2 484	797
Татар-Касинская	5 171	1 436
Мало-Карачкинская	3 281	1 344
Итого	34 368	11 713

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 37. Л. 19–23.

С учетом того, что соотношение мужчин и женщин было примерно одинаковым, можно предположить, что общая численность населения данного уезда равнялась более 68 тыс. чел. Средняя населенность двора составляла 6-7

⁹⁸ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 110–113, 126–138.

чел.⁹⁹ Согласно рапортам волостных правлений 1889 г., горные мари́йцы преобладали в 5 волостях Козьмодемьянского уезда: Ардинской, Больше-Юнгинской, Виловатовражской, Кулаковской, Тойдаковской – больше 80,9 %. Так, в Ардинской волости, насчитывавшей 1 084 двора с населением в 4 711 чел. (2 292 муж. и 2 419 жен.), проживали 3 976 горных мари́йцев (84,4 %). Незначительная часть населения была представлена русскими – 722 чел. (15,3 %) и татарами – 13 (0,3 %). В Больше-Юнгинской волости числилось 2 152 двора с общим количеством населения в 10 670 чел. (5 364 муж., 4 172 жен.).

Из них горные мари́йцы составляли 10 344 чел. (96,9 %), русские – 309 (2,9 %), чувашаи – 17 (0,2 %). Наибольшее количество дворов было отмечено в Виловатовражской волости – 2 474 двора с общим населением в 12 522 чел. (6 210 муж., 6 312 жен.). При этом горных мари́йцев насчитывалось 12 365 чел. (98,7 %), русских – 157 (1,3 %). В составе Кулаковской волости числился 791 двор с населением в 4 229 чел. (2 073 муж., 2 226 жен.), среди которых горные мари́йцы составляли 4 124 чел. (97,5 %), а русские – 175 (4,1 %). Наименьшее количество дворов было представлено в Тойдаковской волости – 192 двора с населением в 1 064 чел. (495 муж., 569 жен.). Здесь численность горных мари́йцев равнялась 861 чел. (80,9 %), соответственно русских – 203 (19,1 %) ¹⁰⁰.

К Мало-Карачкинской волости, где в большей степени проживали чувашаи, относились и некоторые селения с горномари́йским и русским населением. Всего в данной волости насчитывалось 2 066 дворов с населением в 10 307 чел. (5 325 муж., 4 982 жен.). Среди них удельный вес чувашей составлял 54,1 %, мари́йцев – 41,8 %, русских – 4,1 %. В Акрамовской, Сундырской, Татар-Касинской, Янгильдинской волостях решительно преобладали чувашаи – больше 95 %. В Козьмодемьянской волости население

⁹⁹ ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 37. Л. 19–23.

¹⁰⁰ ГА РМЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–154.

было полностью русским, здесь было сосредоточено 53,6 % всего русского населения уезда¹⁰¹.

Как отмечают исследователи, в распределении этих этнических групп по местности наблюдалась определенная закономерность. Так, на луговой стороне, в Тойдаковской и Ардинской волостях Козьмодемьянского уезда, решительно преобладали горные марицы¹⁰². По данным в 1890 г. их численность составляла 5 191 чел. обоего пола (90,4 %). В нагорной части Козьмодемьянского уезда горномарийское население абсолютное большинство представляло в Больше-Юнгинской и Виловатовражской волостях (свыше 99 %). Исключительно русское население проживало в приволжских поселениях Козьмодемьянской волости. Население Акрамовской, Сундырской, Татар-Касинской, Янгильдинской и Мало-Карачкинской волостей Козьмодемьянского уезда в основном было представлено чувашами. Однако следует учесть, что в последней из них свыше 40 % приходилось на марицкое население¹⁰³.

По церковно-административному делению в первой половине XIX в. горномарийское население относилось к 11 церковным приходам Козьмодемьянского уезда (с. Арда, с. Ахмылово (Предтеченское), с. Владимирское (Басурманово), с. Еласы (Чермышево), с. Кожважи, с. Кузнецово, с. Малый Сундырь, с. Пайгусово (Пингель Пернянгаши), с. Пертнуры (Шапкили, Вознесенское, Ценибеково Первое), с. Покровское, с. Малая Юнга (Спасское)) и к 2 приходам Емангашской волости Васильсурского уезда – с. Сумки и с. Хмелевка.

В начале XX в. количество церковных приходов с марицкими прихожанами в Козьмодемьянском уезде увеличилось более чем в два раза (см. приложение 2). В результате разукрупнения церковных приходов новые церкви были построены в 1866 г. в с. Кумья, в 1872 г. – в с. Емелево, в 1879 г. – в с. Юксары, в 1875 г. – в с. Виловатый Враг, в 1880 г. – в с. Картуково, в

¹⁰¹ Там же. Л. 1–154.

¹⁰² Рябинский К. С. Ардинский приход Козьмодемьянского уезда. Казань, 1900. С. 196.

¹⁰³ Материалы к оценке земель Казанской губернии. Экономическая часть. Выпуск X. Козьмодемьянский уезд. Казань, 1890. С. 6; Козлова К. И. Очерки этнической истории марицкого народа. М., 1978. С. 235.

1885 г. – в с. Емешево, в 1888 г. – в с. Большие Юльялы, в 1891 г. – в с. Отары, в 1896 г. – в с. Усола, в 1900 г. – в с. Кулаково, в 1900 г. – в с. Аксаево, в 1900 г. – в с. Актаюж¹⁰⁴. В начале XX в. в Емангашской волости Васильсурского уезда новые церковные приходы появились в с. Сумки, с. Сарлатово, с. Микряково и с. Емангаши (см. приложение 3). Заметим, что в рассматриваемое время активное строительство православных храмов развернулось по всему Марийскому краю¹⁰⁵.

По данным 1909 г., в церковных приходах Козьмодемьянского уезда насчитывалось 41 118 горных марийцев (40,3 % от общей численности населения по уезду), из них 20 329 муж. и 20 789 жен. (см. приложение 4)¹⁰⁶.

По социальному составу население Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в. состояло из числа сословных прослоек государственных и помещичьих крестьян. После отмены крепостного права бывшие государственные и крепостные крестьяне стали называться крестьянами, поселянами или уездными жителями¹⁰⁷. По конфессиональной принадлежности в Козьмодемьянском уезде среди крестьян различались приверженцы официальной православной церкви (русские, марийцы, чувашаи) и старообрядцы (русские)¹⁰⁸. Численность православного населения составляла 69 717 чел. (80,3 %), приверженцев ислама насчитывалось 16 858 чел. (19,4 %). Встречалось незначительное количество раскольников – 192 чел. (0,2 %)¹⁰⁹.

Движение народонаселения, в том числе горных марийцев, зависело от многих факторов, в том числе социальных, экономических, природно-географических и других¹¹⁰. Среди них особо важно отметить природно-климатические условия правобережья и левобережья Волги. Правобережье

¹⁰⁴ Справочная книга Казанской епархии. Казань, 1909. С. 128–162.

¹⁰⁵ Васина С. М. Строительство церквей в Марийском крае // Шестые Вавиловские чтения «Россия и мировое сообщество в поисках новых форм стабильности». Йошкар-Ола, 2002. С. 302–305.

¹⁰⁶ Справочная книга Казанской губернии. Казань, 1909. С. 22.

¹⁰⁷ Документы реформы 24 ноября 1866 года в государственной деревне (Козьмодемьянский уезд Казанской губернии) / Подготовка, предисловие и примечание В. П. Яковлева // Марийский археографический вестник. 2000. № 10. С. 215–216.

¹⁰⁸ Иванов А. Г., Сануков К. Н. История марийского народа. 3-е изд. Йошкар-Ола, 2017. С. 115.

¹⁰⁹ ГА РМЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–154.

¹¹⁰ Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987. С. 163–164.

Волги, расположенное в области северных отрогов Приволжской возвышенности, занимало 4,5 % общей площади Марийского края. Рельеф местности определялся следующим образом: «положение... наиболее ровнизнами и есть же места пригористые. Горная сторона глубоко изрезана руслами малых рек, впадавших в Волгу: Сура, Сумка, Юнга, Малая Юнга, Сундырь, Большая Сундырка и других речек. Южные склоны плато пологи и благоприятны в сельскохозяйственном отношении». Левобережная часть отличалась равнинным и однообразным ландшафтом. Этот лесной край характеризовался обилием озер, болот, торфяников, рек и речек, впадавших в Волгу¹¹¹.

Почва земли имела свои особенности. В правобережной части качество серой, черноземной, местами иловатой и песчаной земли в значительной мере способствовало развитию земледелия. В Левобережье Волги болотистая и песчаная земля являлась недостаточно плодородной. В некоторых местах произрастали солончаки, полезные для скота во время летнего пастбища. Между оврагами при реках, в особенности на правом берегу Волги, было отмечено значительное количество известковатого и бутового камня. По берегам рек Волги и Суры располагались обширные участки лугов¹¹².

Левобережье Волги было покрыто лесами хвойной породы (сосна, ель, пихта). В песчаных и влажных местах изредка встречались лиственные породы деревьев. Луговая сторона из-за холодного и сырого климата была неудобна для разведения плодовых садовых деревьев¹¹³.

По правобережной части Волги произрастали липы, дубы, березы, клены, осины, вязи. Ее юго-восточная сторона была изредка покрыта кустарниками орешника и мелкого дуба. Из плодовых деревьев и кустарников в садах росли яблони, вишни, кустарники малины, крыжовника, шиповника. Из хлебных культур наибольшее распространение получили рожь («ыржа»), озимая и

¹¹¹ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 111–114; Водовозов С. А. Марийская АССР. Экономико-географический очерк. Йошкар-Ола, 1956. С. 5.

¹¹² Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995. С. 29.

¹¹³ Димитриев В. Д. О чувашском ученом и писателе середины XIX века. Чебоксары, 2003. С. 74. 108.

яровая пшеница («шăдăнги»), овес, ячмень, горох («пырса»), гречиха и просо. Из овощей крестьяне выращивали картофель («роколма»), свеклу («ушман»), капусту («кавшита»), морковь («морко»), лук («охыра»), чеснок («чеснок»), бобы и редьку («ревѣ»)¹¹⁴. В Козьмодемьянском уезде климат был умеренным. Высота снежного покрова достигала 1,5 м. Весной снег сходил медленно. Дождливая и туманная осенняя погода не всегда была благоприятной для произрастания хлебных растений¹¹⁵.

На Горной стороне встречались самые крупные представители семейства оленей – лоси, из хищных животных – медведи, волки, рыси, лисы. Среди мелких млекопитающих следует отметить зайцев, белок, куниц, барсуков, норок, выхухолей и др. Сверх того находилось великое множество крыс и мышей, которые наносили большой вред хлебу, даже в то время, когда он был еще на корню, портили луга и много истребляли хлеба в скирдах и в самих амбарах. Лов зверей здесь был незначителен, а потому и торг ими не примечателен. Волки, в особенности зимой, водившиеся около населенных мест в округе лесов, истребляли значительное количество овец, а осенью – свиней. Лов оленей, зайцев и белок преимущественно производился в заволжской части уезда, и они употреблялись в пищу¹¹⁶.

Как видно, сложившаяся естественно-географическая среда обитания горных марийцев в значительной степени влияла на систему жизнеобеспечения в правобережной и левобережной ее частях. Ее особенности, безусловно, сказывались и на плотности населения. Так, в силу более благоприятных природно-климатических условий основная часть горномарийского населения была сосредоточена в правобережной части Козьмодемьянского уезда. В середине XIX в. плотность населения в нагорной части уезда равнялась

¹¹⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Нижегородская губерния, 1852. Т. 4. Ч. 4. С. 39, 62; Культура и быт марийцев в описаниях православного духовенства середины XIX века. Подготовка к публикации, предисловие и примечание А. Г. Иванова // Марийский археографический вестник. 2004. № 14. С. 153; Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 119.

¹¹⁵ Культура и быт марийцев в описаниях православного духовенства середины XIX века. Подготовка к публикации, предисловие и примечание А. Г. Иванова // Марийский археографический вестник. 2004. № 14. С. 153; Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 115.

¹¹⁶ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского, марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 23.

43-44 чел. на 1 кв. км, тогда как на левобережье Волги – 2-3 чел. на 1 кв. км. Максимальные показатели плотности были отмечены в Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда – 72-73 чел. на 1 кв. км. Так, по данным 1868 г., в этой волости насчитывалось 37 сельских обществ с общей численностью горномарийского населения 9 860 чел., из них 4 711 муж. и 5 149 жен. (см. приложение 5). В соседней Кулаковской волости плотность населения составляла 50-51 чел. на 1 кв. км, соответственно в Больше-Юнгинской волости – 48-49 чел. на 1 кв. км¹¹⁷. Для сравнения отметим, что в Царевококшайском уезде плотность населения не превышала 16 чел. В Уржумском и Яранском уезде она колебалась от 20 до 30 чел. на 1 кв. км¹¹⁸.

В целом по уезду плотность населения в середине XIX в. составляла 17-18 чел. на 1 кв. км и, несмотря на большую территориальную площадь (465 721 дес.), Козьмодемьянский уезд считался малонаселенным. В целом по Казанской губернии самым густонаселенным являлся Казанский уезд (44-45 чел. на 1 кв. км)¹¹⁹. В конце XIX в. плотность населения Козьмодемьянского уезда увеличилась до 19-20 чел. на 1 кв. км¹²⁰. Низкую плотность населения в Козьмодемьянском уезде можно объяснить тем, что большая часть территории (94,9 %) находилась на левобережье Волги, освоение и заселение которого было труднодоступно из-за лесистой, болотистой местности.

Система жизнеобеспечения крестьянской семьи вопреки некоторым негативным обстоятельствам позволяла в целом обеспечивать рост населения. Об этом убедительно свидетельствуют первичные материалы ревизских сказок и различных переписей, введенных в научный оборот. По данным 1795 г., общая численность горных марийцев Козьмодемьянского и Васильсурского уездов составляла 24 тыс., 1858 г. – 32, 7 тыс., 1897 г. – 43,5 тыс. чел., 1917 г. –

¹¹⁷ Материалы к оценке земель Казанской губернии. Экономическая часть. Выпуск X. Козьмодемьянский уезд. 1890. С. 4.

¹¹⁸ Иванов А. Г., Сануков К. Н. История Марий Эл. Йошкар-Ола, 2015. С. 178.

¹¹⁹ Лаптев М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861. С. 160.

¹²⁰ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Козьмодемьянский уезд. Казань, 1891. С. 4.

51,6 тыс. чел. обоого пола¹²¹. Как видно, численность населения за эти годы возросла более чем в два раза. При этом общий прирост населения в 1795–1858 гг. равнялся 8,7 тыс. чел. (36,25 %). В 1858–1917 гг. он увеличился до 18,9 тыс. чел. (57,8 %). На фоне общего демографического роста увеличивалось и количество крестьянских семей горных марийцев. Так, в 1795 г. их насчитывалось 4,8 тыс., 1858 г. – 5,3 тыс., 1890 г. – 7,5 тыс, 1917 г. – 8,5 тыс. семей.

Вместе с тем, общая картина динамики роста горномарийского населения, на наш взгляд, значительно может быть дополнена за счет привлечения первичных материалов церковной статистики, представленной метрическими книгами, благодаря которым можно изучить такие аспекты, как естественное движение населения, соотношение рождаемости и смертности, законнорожденных и внебрачных детей, сезонности рождаемости и смертности, средняя продолжительность жизни. Комплексное изучение демографических процессов у горных марийцев дает возможность понять особенности воспроизводства крестьянской семьи в рассматриваемое время.

Для рассмотрения поставленных вопросов нами были привлечены первичные сведения метрических книг Христорождественской церкви села Чермышево Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда 1800–1917 гг., а также материалы других церковных приходов¹²². Ценность метрических книг, как исторических источников, заключается в том, что они содержат подробные сведения о рождаемости, брачности и смертности населения в разные исторические периоды (см. приложение 6).

Выбор Чермышевского прихода обусловлен тем, что он являлся одним из типичных и характерных церковных приходов с горномарийским населением.

¹²¹ История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 6; Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / Сост, предисл. и коммент. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2008. С. 537; Иванов А. Г., Сануков К. Н. История Марий Эл. Йошкар-Ола, 2015. С. 178; Иванов А. Г., Сануков К. Н. История марийского народа. 3-е изд. Йошкар-Ола, 2017. С. 48, 74.

¹²² ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–335; Д. 2. Л. 1–296; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Д. 308. Л. 1–482; Д. 309. Л. 1–423; Д. 310 Л. 1–369; Д. 311. Л. 1–289; Д. 312. Л. 1–492; Д. 313. Л. 1–416.

Первое упоминание о деревне Чермышево относится к XVII в.¹²³ В середине XVIII в., в период массовой христианизации горных марийцев, деревня стала центром обширного церковного прихода и была переведена в разряд села. Здесь была построена деревянная церковь в честь Рождества Христова. Новокрещенское село получило название «Христорождественское, Чермышево тож»¹²⁴. В 1795 г. в нем с выселками насчитывалось 106 дворов с населением 626 чел. (299 муж., 327 жен.), в том числе в селе Чермышево – 40 дворов, в выселках Нуженал – 19 дворов, Писирьял – 30 дворов, Пиндуков – 11 дворов, Симулкин – 6 дворов¹²⁵. Материалы Генерального межевания показывают, что поселения более 100 дворов встречались крайне редко. В основном горномарийские поселения состояли менее чем из 20 дворов, около трети – из 30-50 дворов. Поселения из 60-70 дворов также встречались редко¹²⁶.

По данным клировой ведомости 1823 г., в приход этого храма входили 9 населенных пунктов: село Чермышево, деревни Большая Шудермара, Большая Юль Шудермара, Другая Юль Шудермара, Кого Шудермара, Чертаково, Юль Шудермара, Юль Кушерга, Юнга Кушерга. Число прихожан составляло 1 611 чел. обоого пола¹²⁷. В 1827 г. в связи с обветшанием деревянной церкви новое каменное здание было построено в деревне Еласы, находившейся от села Чермышево в 3 км. Новый центр церковного прихода получил название «село Чермышево (Еласы)»¹²⁸. На тот момент в приходе насчитывалось 203 двора с населением 1 933 чел. (950 муж., 983 жен.)¹²⁹.

К середине XIX в. количество дворов в приходе увеличилось почти в три раза и составляло 603 двора с населением 4 794 чел. (2 263 муж., 2 531 жен.)¹³⁰. Численность населения возросла на 148 %, что свидетельствует о

¹²³ Айплатов Г. Н., Иванов А. Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда 1625–1764 гг. Йошкар-Ола, 2000. С. 95–97.

¹²⁴ История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков // Сост, предисл. и коммент. А. Г. Иванов, Йошкар-Ола, 2006. С. 179.

¹²⁵ Там же. С. 369.

¹²⁶ Иванов А. Г. Традиционная семья горных марийцев в источниках начала XVIII века. Йошкар-Ола, 2017. С. 369.

¹²⁷ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹²⁸ История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Сост, предисл. и коммент. А. Г. Иванов, Йошкар-Ола, 2006. С. 369.

¹²⁹ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

¹³⁰ Там же. Л. 8 об.

благоприятной демографической ситуации. Рост населения, возможно, был связан и с периодически проводившимся дроблением больших неразделенных семей, причиной которого являлось стремление молодого поколения сельских жителей к самостоятельному ведению хозяйства¹³¹.

Обратная тенденция наблюдалась в конце XIX в. В это время было зафиксировано сокращение количества дворов в приходе и уменьшение численности прихожан на 44,4 % – 507 дворов с населением 2 667 чел. (1 274 муж., 1 393 жен.)¹³². Одной из основных причин, приведших к этому, стало строительство новых церквей, в результате которого часть деревень Чермышевского прихода отошла к новым приходским центрам. Так, в 1871 г. на средства прихожан из числа горных марийцев деревень Емелево, Большой Шудермары и Кого Шудермары была построена церковь в деревне Емелево, которая соответственно была переведена в разряд села¹³³. В 1881 г. была построена церковь в деревне Картуково, находившейся в 4 км от села Чермышево. К новому приходу отошли село Картуково, деревни Чертаково, Куликалы и часть Горной Кушерги. В итоге в составе Чермышевского прихода остались 4 населенных пункта: село Чермышево, деревни Юнга Кушерга, Юль Кушерга и Юль Шудермары. Активное строительство новых церквей продолжалось и во второй половине XIX – начале XX в., вследствие чего крупные приходские центры распадались на более мелкие приходы. Это было связано с усилением роли православной церкви и увеличением числа прихожан. В качестве подтверждения уместно привести высказывание священника Христорожественской церкви с. Чермышево из приходской летописи 1867–1872 гг.: «Прихожане все православного вероисповедания. Черемисы оставили язычество и сделались приверженцами святой церкви. Во дни Воскресные и праздничные посещают богослужение усердно»¹³⁴.

¹³¹ Николаев Г. А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары, 2016. С. 21.

¹³² ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.

¹³³ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8а. Л. 16 об.

¹³⁴ Там же. Л. 7.

При изучении естественного движения населения важным представляется рассмотрение вопроса относительно рождаемости. По нашим данным, в 1800–1917 гг. в горномарийских селениях Чермышевского прихода родилось всего 15 342 ребенка, из них 7 875 мальчиков (51,33 %) и 7 467 девочек (48,67 %). Анализ рождаемости по десятилетиям показывает, что в это время наблюдалась положительная динамика (см. таблица 3).

Таблица 3 – Естественное движение крестьянского населения
в Чермышевском приходе в первой половине XIX в. *

Годы	Количество родившихся				Всего родившихся обоюбого пола		Количество умерших				Всего умерших обоюбого пола	
	Муж.		Жен.				Муж.		Жен.			
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1800–1809	263	9,24	175	7,05	438	8,22	187	10,42	154	8,86	341	9,65
1810–1819	445	15,63	319	12,85	764	14,33	226	12,6	188	10,81	414	11,72
1820–1829	647	22,72	477	19,21	1 124	21,09	410	22,86	409	23,52	819	23,18
1830–1839	700	24,59	715	28,79	1 415	26,55	434	24,19	476	27,37	910	25,76
1840–1849	792	27,82	797	32,10	1 589	29,81	537	29,93	512	29,44	1 049	9,69
Итого	2 847	100	2 483	100	5 330	100	1 794	100	1 739	100	3 533	100

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310.

Так, в 1800–1809 гг. в Чермышевском приходе родилось 438 детей, что составляло 8,22 % от общего количества новорожденных детей в рассматриваемое время. В последующем десятилетии количество родившихся детей увеличилось до 764 (14,33 %). В 1820–1829 гг. их было значительно больше и насчитывалось 1 124 новорожденных (21,09 %). Заметный рост показателей рождаемости был отмечен в 1830–1839 гг. В это время родилось 1 415 детей (26,55 %). В 1840–1849 гг. количество новорожденных увеличилось

до 1 589 (29,81 %) ¹³⁵. Как видно, наибольший прирост населения наблюдался в 1820–1829 гг. В это время показатели рождаемости увеличились на 6,76 %. Наименьший прирост был отмечен в 1840–1849 гг., когда рождаемость увеличилась лишь на 3,26 %. В общей сложности в первой половине XIX в. в Чермышевском приходе родилось 5 330 детей, из них 2 847 мальчиков (53,41 %) и 2 483 девочки (46,59 %). При этом наибольшее количество новорожденных было зарегистрировано в 1848 г. – 188 детей (3,53 %), из них 89 мальчиков (47,34 %) и 99 девочек (52,66 %). Наименьшее количество родившихся детей наблюдалось в 1804 г. – всего 37 (0,69 %), из них 22 мальчика (59,46 %) и 15 девочек (40,54 %). В среднем в год в первой половине XIX в. рождалось 107 детей. Определенные изменения в динамике рождаемости происходили в 1850–1917 гг. (см. таблица 4).

Таблица 4 – Естественное движение крестьянского населения
в Чермышевском приходе во второй половине XIX – начале XX в. *

Годы	Количество родившихся				Всего родившихся обоого пола		Количество умерших				Всего умерших обоого пола	
	Муж.		Жен.				Муж.		Жен.			
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1850–1859	880	17,50	892	17,89	1 772	17,70	601	16,35	650	17,42	1 251	16,89
1860–1869	1076	21,40	1020	20,46	2 096	20,93	785	21,35	755	20,24	1 540	20,79
1870–1879	62	17,14	873	17,52	1 735	17,33	689	18,74	688	18,44	1 377	18,59
1880–1889	579	11,52	616	12,36	1 195	11,94	415	11,29	391	10,48	806	10,88
1890–1899	609	12,11	562	11,28	1 171	11,70	438	11,92	420	11,26	858	11,58
1900–1909	574	11,42	595	11,94	1 169	11,67	434	11,81	469	12,57	903	12,19
1910–1917	448	8,91	426	8,55	874	8,73	314	8,54	358	9,59	672	9,08
Итого	5 028	100	4984	100	10 012	100	3 676	100	3 731	100	7 407	100

* Составлено по: ГАРМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 305. Оп. 2. Д. 50. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 4. Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431.

Характерным представлялось значительное увеличение уровня рождаемости, в особенности в 1850–1869 гг. Так, в 1850–1859 гг. родилось

¹³⁵ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414.

1 772 ребенка, что составляло 17,70 % от общего количества новорожденных в рассматриваемое время. В последующем десятилетии их количество увеличилось до 2 096 детей (20,93 %). В 1870–1879 гг. был отмечен спад рождаемости, что было связано с процессом разукрупнения церковного прихода в 1870–1880 гг. В это время количество родившихся детей составляло 1 735 детей (17,33 %). В последующих трех десятилетиях показатели рождаемости оставались примерно на одинаковом уровне. Так, в 1880–1889 гг. родилось 1 195 детей (11,94 %), в 1890–1899 гг. – 1 171 (11,70 %) , в 1900–1909 гг. – 1 169 (11,67 %). Наименьшее количество новорожденных было отмечено в 1910–1917 гг. – 874 ребенка (8,73 %).

В целом, в 1850–1917 гг. в Чермышевском приходе количество новорожденных составляло 10 012, из них 5 028 (50,22 %) мальчиков и 4 984 (49,78 %) девочек. Ежегодно в среднем в горномарийских селениях рождалось 160 детей. При этом самые высокие показатели рождаемости были зафиксированы в 1866 и 1870 гг. (по 239 детей, что составляло 2,39 %). Наименьшее количество родившихся детей было отмечено в 1883 г. – всего 87 (0,87 %), из них 43 мальчика (49,43 %) и 44 девочки (50,57 %). Одной из причин низких показателей рождаемости в 1883 г., возможно, стало разукрупнение церковного прихода, в результате которого численность прихожан существенно сократилась. Уменьшение рождаемости могло быть связано с социально-экономическими условиями жизни крестьянской семьи в рассматриваемое время. В целом показатели рождаемости во второй половине XIX – начале XX в., по сравнению с I половиной XIX в., увеличились на 109,7 %.

В сравнительном плане можем привести данные церковных приходов с. Малый Сундырь Виловатовражской волости и с. Арда Ардинской волости, свидетельствующие о положительной динамике рождаемости. Так, в первой половине XIX в. в Малосундырском приходе родилось 7 104 детей, из них 3 718 мальчиков (52,34 %) и 3 386 девочек (47,66 %), а во второй половине XIX – начале XX в. количество родившихся детей увеличилось до 11 902 детей, из

них 6 023 мальчика (50,60 %) и 5 879 девочек (49,40 %) (см. приложение 7)¹³⁶. В Ардинском церковном приходе в первой половине XIX в. родилось всего 4 932 ребенка, из них 2 528 мальчиков (51,3 %) и 2 404 девочки (48,7 %). Во второй половине XIX в. количество новорожденных увеличилось до 5 912, из них 2 954 мальчика (49,9 %) и 2 958 девочек (50,1 %) (см. приложение 8)¹³⁷.

При изучении показателей рождаемости важным представляется определение соотношения законнорожденных и внебрачных детей. В горномарийских селениях изученного нами прихода выявлено 87 детей (0,57 %), рожденных вне брака. При этом в 1800–1849 гг. на долю внебрачных детей приходилось 0,83 %. В 1850–1917 гг. их удельный вес уменьшился до 0,43 %. В основном внебрачные дети рождались либо у женщин-вдов, либо у незамужних девиц. Случаи развода в это время не были зарегистрированы. Необходимо отметить, что в материалах метрических книг указывались факты и о мертворожденных младенцах. Такие явления в горномарийских селениях встречались крайне редко и были зафиксированы только во второй половине XIX в. (0,30 %)¹³⁸.

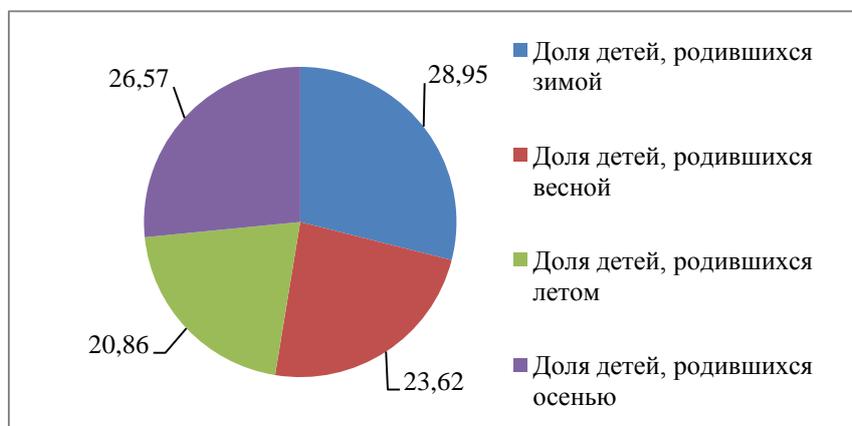
Изученные материалы дали возможность выявить определенную закономерность в сезонности рождений. В течение первой половины XIX в. разница между показателями рождаемости в различные времена года оставалась незначительной (см. диаграмма 1). К примеру, в 1800–1849 гг. удельный вес родившихся в зимнее время составлял 28,95 %. На долю новорожденных осеннего периода приходилось 26,57 %. Удельный вес детей, родившихся весной, равнялся 23,62 %.

¹³⁶ ГА РМЭ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–100; Ф. 305. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Оп. 2. Д. 483. Л. 1–489; Оп. 4. Д. 104. Л. 1–432.

¹³⁷ ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–51; Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Д. 355. Л. 1–52.

¹³⁸ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 305. Оп. 2. Д. 550. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 4. Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431.

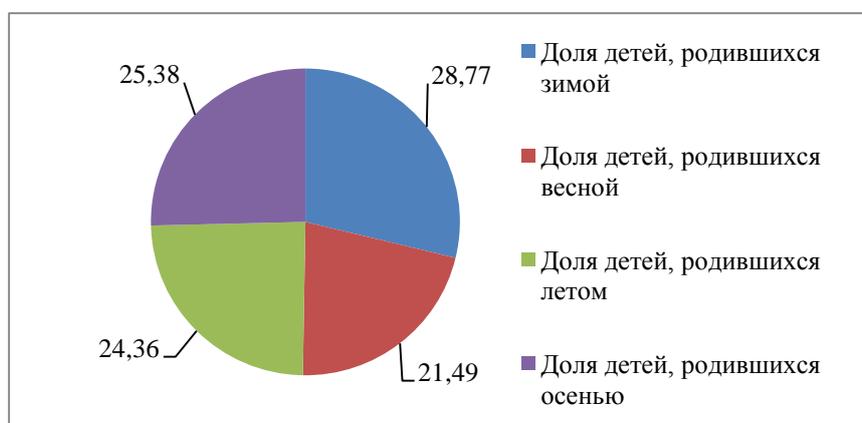
Диаграмма 1 – Сезонность рождаемости в Чермышевском приходе
в первой половине XIX в. (в процентах) *

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310.

Доля новорожденных в летнее время составляла 20,86 %¹³⁹. Практически равномерное распределение рождаемости в течение года свидетельствуют о том, что марийские женщины рожали много, несмотря на высокую детскую смертность. Эта закономерность сохранялась и в течение второй половины XIX – начала XX в. (см. диаграмма 2).

Диаграмма 2 – Сезонность рождаемости в Чермышевском приходе
во второй половине XIX – начале XX в. (в процентах) *

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–310; Д. 7. Л. 1–707; Д. 9. Л. 1–414; Ф. 305. Оп. 1. Д. 308. Л. 1–482; Д. 309. Л. 1–423; Д. 310. Л. 1–369; Д. 311. Л. 1–289; Д. 312. Л. 1–492; Д. 313. Л. 1–416; Оп. 4. Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431.

¹³⁹ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310.

Наибольший удельный вес новорожденных был отмечен в зимнее время – 28,77 %. На долю детей, родившихся осенью, приходилось 25,38 %. Удельный вес новорожденных в летнее время составлял 24,36 %. Меньше всего родившихся детей насчитывалось весной – 21,49 %. По наблюдениям врачей и священников, самыми здоровыми считались дети осеннего рождения. Менее благоприятными были рождения, которые приходились на лето – страдное время и изобилие инфекции, что могло способствовать большой смертности и рожениц, и их детей. В физическом отношении наиболее слабыми оказывались дети, зачатые весной и рожденные зимой. Весенние роды также были малоблагоприятны для детей¹⁴⁰.

В связи с высокой детской смертностью у марийского народа существовали различные приметы, по которым пытались определить судьбу новорожденного. Например, родители после рождения ребенка внимательно наблюдали за состоянием пуповины. Считалось, что если пуповина отсыхала 5-6 дней, значит, ребенок родился здоровым и крепким; если 3-4 дня – то ребенок будет жить недолго¹⁴¹. Марийцы верили, что в случае смерти безымянный ребенок не смог бы найти себе места в другом мире. Поэтому вскоре после рождения ребенка проводился обряд имянаречения, а у православных – крещение. В основном в горномарийских семьях оно совершалось в течение недели после рождения, чаще на 2-4 день. Главной причиной скорейшего проведения таинства крещения, по всей видимости, была боязнь, что младенец может умереть некрещеным. Эти опасения были небезосновательны, если принять во внимание высокий уровень младенческой смертности. Церковь также наказывала родителей за смерть младенца некрещеным: отлучала от причастия на три года¹⁴².

¹⁴⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 2-е изд., испр. СПб., 2003. Т. 1. С. 342.

¹⁴¹ Молотова Т. Л. Родильные обряды марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 1980-х годов. Йошкар-Ола, 1993. С. 86.

¹⁴² Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 233.

Младенца родители нарекали именем по христианскому имениннику. К примеру, 24 января 1841 г. в церкви села Чермышево были проведены таинства крещения трех новорожденных девочек под одним именем – Ксения. Все они были рождены 15 января 1841 г. (первая – в семье крестьянина Якима Ефимова из села Чермышево, вторая – в семье крестьянина Ивана Степанова из того же села, третья – в семье крестьянина Матвея Васильева из деревни Большой Шудермары). По церковному календарю ближайшим днем ангела Ксении является 31 января. Следующий пример также подтверждает тот факт, что родители при наречении имени особое внимание обращали православному календарю. Так, в августе 1841 г. шестерых новорожденных девочек покрестили под именем Наталия. Ближайший день ангела Наталии отмечается 8 сентября¹⁴³.

Во время крещения обязательно должны были присутствовать восприемники (крестные родители). Согласно материалам метрических книг, нередко в качестве них выступали либо церковнослужители, либо члены их семей. В частности, 25 августа 1857 г. при крещении сына крестьянина Ивана Алексеева и его жены Лукерьи Ивановой из деревни Кого Шудермары околodka Варашангер крестным отцом стал сын священника села Чермышево Михаила Кроковского Михаил Михайлов. 1 января 1855 г. при крещении сына крестьянина Василия Федотова и его жены Феклы Максимовой из деревни Кого Шудермары восприемником был пономарь села Чермышево Матвей Смирнов. 13 февраля 1855 г. при крещении дочери крестьянина Гавриила Алексеева и его жены Евфимии Павловой из деревни Чертаковой околodka Цаломкиной восприемницей стала дочь дьячка села Чермышево Григория Лебедева¹⁴⁴. Можно полагать, что служители церкви сами были заинтересованы в этом. Кумовьев уважали и всегда уделяли им большое внимание.

Анализ смертности в Чермышевском приходе показывает, что в целом в XIX – начале XX в. шел естественный прирост населения. Здесь в 1800–1917 гг.

¹⁴³ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

¹⁴⁴ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 7. Л. 86, 91, 256.

в общей сложности умерло 10 940 чел., из них 5 470 муж. (50,00 %) и 5 470 – жен. (50,00 %)¹⁴⁵. На протяжении всего изучаемого периода уровень смертности в основном оставался ниже уровня рождаемости. Так, в 1800–1809 гг. умер 341 чел. (9,65 %), из них 187 муж. (10,42 %) и 154 жен. (8,86 %). Естественный прирост населения в это время оказался наименьшим (97 чел.). В 1810–1819 гг. было зарегистрировано 414 умерших (11,72 %), из них 226 муж. (12,60 %) и 188 жен. (10,81 %). Естественный прирост населения увеличился и составлял 350 чел. В 1820–1829 гг. умерло 819 чел. (23,18 %), из них 410 муж. (22,86 %) и 409 жен. (23,52 %). Естественный прирост населения равнялся 305 чел. В 1830–1839 гг. умерших насчитывалось 910 чел. (27,76 %), из них 434 муж. (24,19 %) и 476 жен. (27,37 %). Естественный прирост населения составлял 505 чел. В последующем десятилетии был отмечен наибольший прирост населения (540 чел.). Общее количество умерших составляло 1 049 чел. (29,69 %), из них 537 муж. (29,93 %) и 512 жен. (29,44 %). Всего в первой половине XIX в. умерло 3 533 чел., из них 1 794 муж. (50,78 %) и 1 739 жен. (49,22 %). В среднем в год умирало 70-71 чел. В целом в 1800–1849 гг. наблюдался положительный прирост населения (на 1 797 чел.)¹⁴⁶.

Однако несмотря на положительную динамику роста численности населения в отдельные промежутки времени в Чермышевском приходе в редких случаях было отмечено превышение уровня смертности над уровнем рождаемости. Такая тенденция была характерна в 1817, 1822 и 1847 гг. В эти годы в результате вспышки оспы, других различных эпидемий и инфекционных заболеваний была отмечена высокая смертность. В 1817 г. на 72 родившихся приходилось 75 смертей, соответственно в 1822 г. на 96 новорожденных – 101 смерть, в 1843 г. на 130 родившихся – 147 смертей¹⁴⁷.

¹⁴⁵ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 305. Оп. 2. Д. 550. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 4. Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431.

¹⁴⁶ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310.

¹⁴⁷ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 8. Л. 1–296.

Прирост горномарийского населения сохранялся и в течение последующих десятилетий. Так, в 1850–1859 гг. умер 1 251 чел. (16,89 % от общего количества умерших в рассматриваемое время), из них 601 муж. (16,35 %) и 650 жен. (17,42 %). Естественный прирост составлял 521 чел. В 1860–1869 гг. количество умерших равнялось 1 540 чел. (20,79 %), из них 785 муж. (21,35 %) и 755 жен. (20,24 %). В это время был отмечен максимальный естественный прирост (556 чел.). В 1870–1879 гг. умерших насчитывалось 1 377 чел. (18,59 %), из них 689 муж. (18,74 %) и 688 жен. (18,44 %). Естественный прирост населения составлял 358 чел. В 1880–1889 гг. было зарегистрировано 806 смертей (10,8 %), из них 415 муж. (11,29 %) и 391 жен. (10,48 %). Естественный прирост населения равнялся 389 чел. В 1890–1899 гг. умерли 858 чел. (11,58 %), из них 438 муж. (11,92 %) и 420 жен. (11,26 %). Естественный прирост населения составлял 313 чел.

В 1900–1909 гг. было отмечено 903 умерших (12,19 %), из них 434 муж. (11,81 %) и 469 жен. (12,57 %). Естественный прирост населения составлял 266 чел. В 1910–1917 гг. умерло 672 чел. (9,08 %), из них 314 муж. (8,54 %) и 358 жен. (9,59 %). Естественный прирост оказался наименьшим (202 чел.). Всего в рассматриваемый период умерло 7 407 чел., из них 3 676 муж. (49,63 %) и 3 731 жен. (50,37 %). В целом, естественный прирост населения был практически в 1,5 раза больше, по сравнению с первой половиной XIX в., и составлял 2 605 чел.¹⁴⁸ Снижению уровня смертности способствовали многие факторы, в том числе и развитие системы здравоохранения, в том числе оказание безвозмездной врачебной помощи, улучшение санитарно-гигиенических условий. Положительная динамика роста также свидетельствует об определенном улучшении качества жизни и благосостояния народа¹⁴⁹.

В сравнительном плане отметим, что превышение уровня рождаемости над уровнем смертности наблюдалось и в Малосундырском приходе

¹⁴⁸ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–310; Д. 7. Л. 1–707; Д. 9. Л. 1–414; Ф. 305. Оп. 1. Д. 308. Л. 1–482; Д. 309. Л. 1–423; Д. 310. Л. 1–369; Д. 311. Л. 1–289; Д. 312. Л. 1–492; Д. 313. Л. 1–416; Оп. 4. Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431.

¹⁴⁹ Васканова Н. А. Материалы земской управы о противохолерных мерах среди крестьянского населения Козьмодемьянского уезда 1866 г. // Марийский археографический вестник. 2016. № 26. С. 138.

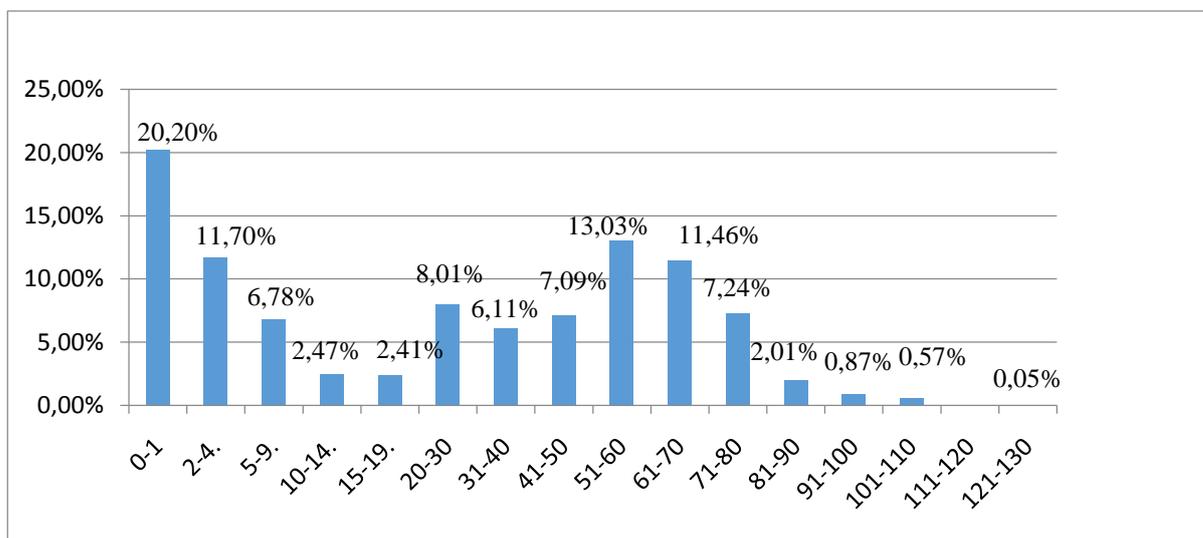
Виловатовражской волости (см. приложение 9) и Ардинском приходе Ардинской волости (см. приложение 10). В Малосундырском приходе за 1800–1917 гг. умерло 14 168 чел. (6 881 муж. и 7 287 жен.). Естественный прирост населения здесь составлял 34,1 %. В Ардинском приходе Ардинской волости количество умерших за 1803–1894 гг. равнялось 8 554 чел. Прирост населения равнялся 21,1 %. В рассматриваемое время в Чермышевском приходе, в отличие от первой половины XIX в., чаще фиксировались случаи, когда уровень смертности превышал уровень рождаемости. Подобные факты были отмечены в 1869, 1883, 1897, 1900, 1912 и 1917 гг. В 1869 г. на 235 родившихся приходилось 302 смерти, в 1883 г. на 87 родившихся – 144 смерти, в 1897 г. на 104 родившихся – 109 смертей, в 1900 г. на 108 родившихся – 128 смертей, в 1912 г. на 128 родившихся – 129 смертей, в 1917 г. на 78 родившихся – 89 смертей. Примечательно, что у луговых марийцев уровень рождаемости понижался (на 5 %), и увеличивался уровень смертности. В целом, по Казанской губернии самый высокий уровень смертности наблюдался у чувашей, а самый низкий – у татар¹⁵⁰.

Одной из характерных черт демографических процессов оставалась высокая детская смертность¹⁵¹. Чаще всего дети умирали в младенчестве – до 1 года (20,20 %), и в возрасте от 2 до 4 лет – 11,70 % (см. график 1). На возраст 5-9 лет приходилось 6,78 % смертей. Люди подросткового, юношеского и зрелого возрастов умирали в меньшей степени: в возрасте 10–14 лет – 2,47 %, 15–19 лет – 2,41 %, 20–30 лет – 8,01 %, 31–40 лет – 6,11 %. Взрослое население чаще умирало в 51-60 лет (13,03 %) и в 61-70 лет (11,46 %). Примерно на одинаковом уровне были показатели смертности в возрасте 41–50 лет (7,09 %) и 71–80 лет (7,24 %). Редкие случаи смерти зарегистрированы в 81-90 лет (2,01 %) и 91-100 лет – 0,87 %. Вместе с тем в горномарийских селениях встречались и долгожители. Удельный вес крестьян, умерших в возрасте от 101 до 110 лет, составлял 0,57 %, а до 121-130 лет – 0,05 %.

¹⁵⁰ Лаптев М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. СПб., 1861. С. 184.

¹⁵¹ Сепеев Г. А. Этнография марийского народа. Йошкар-Ола, 2001. С. 89.

График 1 – Возраст умерших людей в Чермышевском приходе
в первой половине XIX в. (в процентах) *

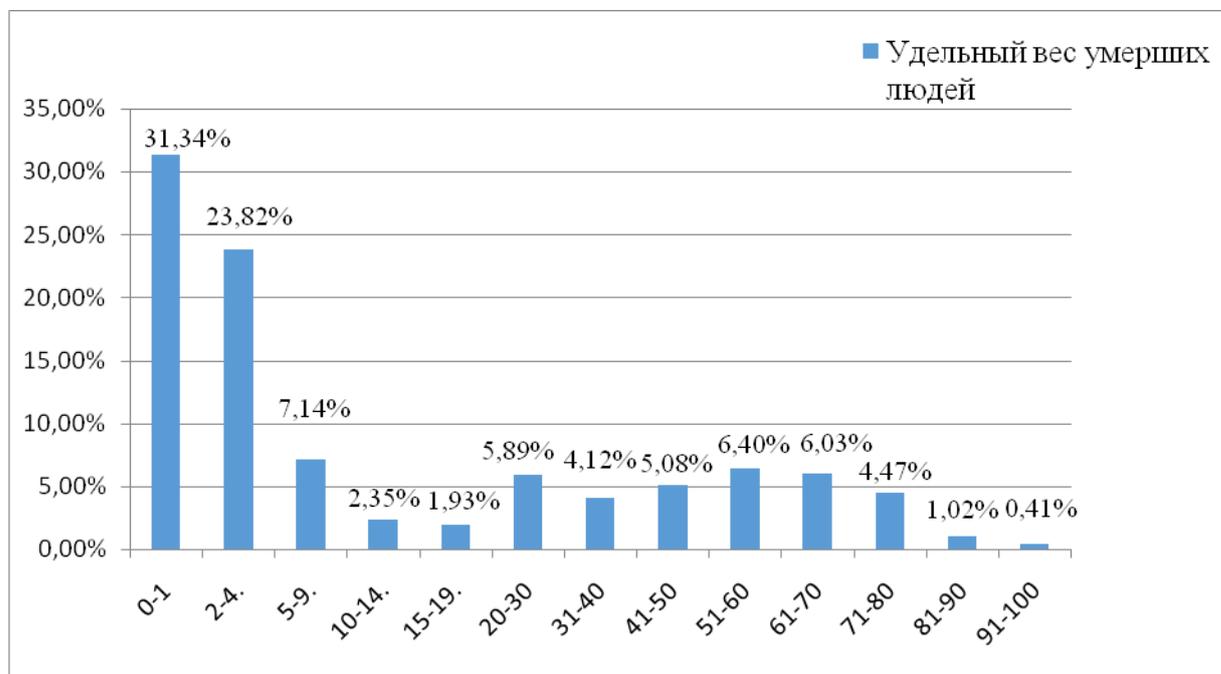
* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310.

В 1800–1849-х гг. на долю умерших в возрасте от 90 до 130 лет приходилось 4,12 %¹⁵². В этой связи уместно привести сведения о долгожителях Чермышевского прихода, зафиксированные в материалах метрических книг. Так, 22 января 1802 г. в деревне Большие Шудермары скончался 130-летний крестьянин Зиновий Сильвестров¹⁵³. Наличие долгожителей среди горных мариЙцев свидетельствует о том, что, несмотря на высокую детскую смертность, выживали самые крепкие и здоровые организмы. В рассматриваемое время произошли определенные изменения в процентном соотношении возраста умерших людей (см. график 2). Наибольшее количество смертей, как и прежде, было зарегистрировано в детском возрасте. Удельный вес младенческой смертности (до 1 года) составлял 31,34 %, а в возрасте от 2 до 4 лет – 23,82 %, 5-9 лет – 7,14 %. Высокие показатели детской смертности объясняются слабым иммунитетом, периодическими вспышками эпидемий, инфекционных заболеваний и другими факторами.

¹⁵² ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310.

¹⁵³ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 139.

График 2 – Возраст умерших людей в Чермышевском приходе
во второй половине XIX – начале XX в. (в процентах) *

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414.

Необходимо учесть, что роды у марийских женщин не всегда проходили благополучно. Об этом свидетельствуют записи о наступлении смерти у женщин во время родов (0,4 % случаев). Удельный вес умерших людей в возрасте 10–14 лет равнялся 2,35 %, 15–19 лет – 1,93 %, 20–30 лет – 5,89 %, 31–40 лет – 4,12 %. Взрослое население чаще умирало в 51-60 лет (6,40 %) и в 61-70 лет (6,03 %). Примерно на одинаковом уровне были показатели смертности в возрасте 41–50 лет (5,08 %) и 71–80 лет (4,47 %). Редкие случаи смерти зарегистрированы в 81-90 лет (1,02 %) и 91-100 лет (0,41 %) ¹⁵⁴.

Весьма важным представляется рассмотрение причин смерти. Большинство людей умирало в результате различных инфекционных заболеваний, среди которых наиболее распространенными были оспа, чахотка, дифтерия, водянка, удушье и др. Вспышки оспы, зафиксированные в 1817,

¹⁵⁴ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–310; Д. 7. Л. 1–707; Д. 9. Л. 1–414; Ф. 305. Оп. 1. Д. 308. Л. 1–482; Д. 309. Л. 1–423; Д. 310. Л. 1–369; Д. 311. Л. 1–289; Д. 312. Л. 1–492; Д. 313. Л. 1–416; Оп. 4. Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431.

1822, 1827, 1828 гг., унесли жизни многих людей. Редкой причиной смерти являлись несчастные случаи (утопление, обморожение, голод, различные травмы во время физической работы и др.). В частности, в записях метрических книг отмечено, что в декабре 1801 г. в реке Большая Юнга утонул 60-летний крестьянин Алексей Петров из деревни Большой Шудермары¹⁵⁵. Следующий несчастный случай произошел 7 февраля 1816 г., когда от мороза умер 10-летний сын вдовы Марии Ивановой Степан Андреев из деревни Чертаковой¹⁵⁶. 12 мая 1808 г. была задавлена лошадейю 30-летняя жена крестьянина Матвея Савельева Офимья Арсеньева из деревни Большой Юль Шудермары¹⁵⁷. Отсутствие медицинских знаний и навыков нередко становилось причиной смерти женщин во время и после родов. По данным 1866 г., попытки Казанской губернской и Козьмодемьянской уездной земских управ организовать бесплатное обучение марийских девушек акушерству и повивальному искусству были безуспешными. Это объяснялось стойкостью многовековых традиций, где первостепенное значение отводилось соблюдению традиционных родильных обрядов¹⁵⁸.

Вышеуказанные факторы во многом влияли на среднюю продолжительность жизни. В первой половине XIX в. в Чермышевском приходе у горных марийцев (*«горных черемис»*) она равнялась 29,37 годам, соответственно у мужчин – 27,21 годам, а у женщин – 31,49 годам. Во второй половине XIX – начале XX в. средняя продолжительность жизни горномарийских крестьян сократилась до 24,75 лет. У мужчин она составляла 24,33 года, а у женщин – 25,12 лет. По данным материалов для сравнительной оценки земель конца XIX в., «средняя продолжительность жизни крестьянского населения Козьмодемьянского уезда составляла 27,7 лет и была выше по сравнению с другими уездами Казанской губернии. Для Ядринского уезда она

¹⁵⁵ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 131.

¹⁵⁶ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 об.

¹⁵⁷ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 195.

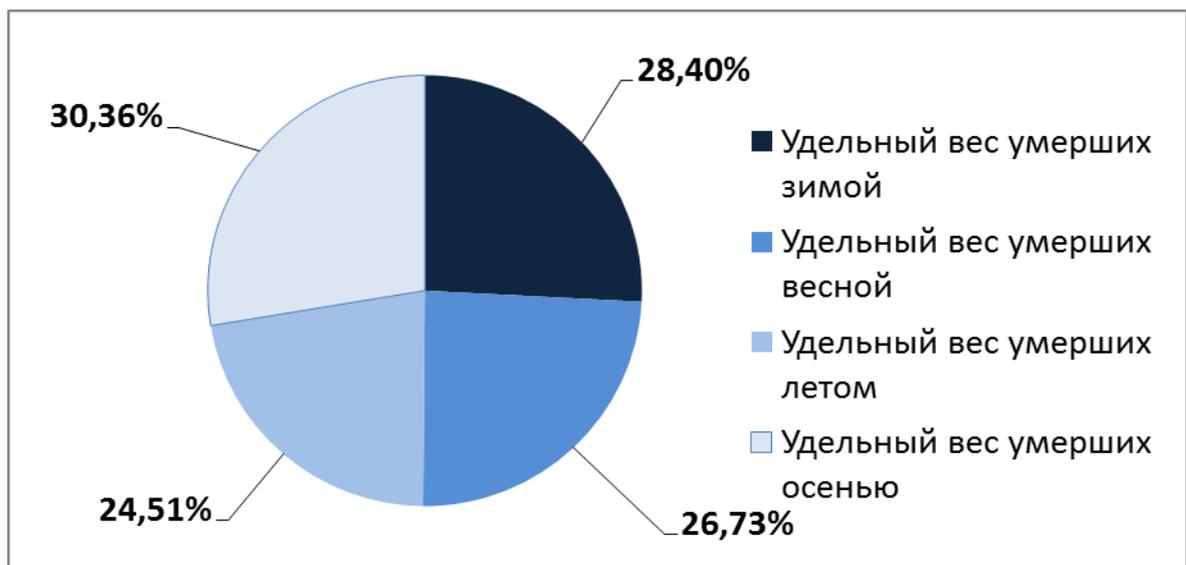
¹⁵⁸ ГА РМЭ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 35. Л. 4–5.

определялась в 26,7 лет, для Чебоксарского уезда – в 23,2 года (для православного населения)»¹⁵⁹.

Анализ сезонности смертности показывает, что в течение года случаи смерти распределялись неравномерно (см. диаграмма 3). В рассматриваемое время наиболее высокий уровень смертности наблюдался в зимнее (28,40 %) и весеннее время (26,73 %), что, возможно, было связано с более суровыми условиями жизни крестьянской семьи в этот период (нехватка продуктов питания, слабый иммунитет, голод, холод и др.). Удельный вес умерших людей летом составлял 24,51 %. Самые низкие показатели смертности были зарегистрированы осенью (20,36 %).

В целом в рассматриваемое время наблюдался значительный прирост численности горномарийского населения. Более чем за сто лет она увеличилась более чем в два раза. В среднем в год в горномарийских селениях Чермышевского прихода рождалось 130 детей, умирало 93 чел.

Диаграмма 3 – Сезонность смертности в Чермышевском приходе в XIX – начале XX в. *

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 8. Л. 1–296.

¹⁵⁹ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Козьмодемьянский уезд. Казань, 1891. С. 28.

Наибольший прирост рождаемости был зафиксирован в 1820–1829 гг. и 1860–1869 гг., когда показатели рождаемости, по сравнению с предыдущим десятилетием, увеличились соответственно на 6,76 % и 3,3 %. В основном дети рождались в законном браке. Удельный вес незаконнорожденных детей был незначительным (0,57 %), что свидетельствует об устойчивости института семьи и брака. Несмотря на положительный рост рождаемости, среди горных мариюцев сохранялась высокая детская смертность (43,53 %). Одними из факторов, способствовавших к этому, являлись неблагоприятные санитарно-гигиенические условия и отсутствие медицинских знаний. Тяжелые условия крестьянской жизни оказывали значительное влияние на среднюю продолжительность жизни – 27 лет. Вместе с тем уровень смертности лишь в редких случаях превышал уровень рождаемости, что было обусловлено многими факторами, в том числе неблагоприятными природно-климатическими условиями, социально-экономическими и другими, приведшими к неурожаю, голодным годам и вспышкам инфекционных заболеваний. Подобные факты были отмечены в 1817, 1822, 1847, 1869, 1883, 1897, 1900, 1912 и 1917 гг.

Таким образом, в рассматриваемое время территория расселения горных мариюцев оставалась неизменной. Основной их массив был расположен в правобережье Волги и в ее левобережье в бассейне рек Ветлуги и Юронги, Большой Кокшаги и Большого Кундыша. В административном отношении большая часть горных мариюцев была в составе нескольких волостей Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Незначительный их удельный вес относился к Емангашской волости Васильсурского уезда Нижегородской губернии. Расселение горных мариюцев в этноконтактных зонах и их постоянное взаимодействие с другими народами во многом отразилось в их материальной и духовной культуре. Демографический рост, густая населенность в правобережной стороне Волги приводили к острой нехватке земли, что способствовало оттоку некоторой части горномариюцкого населения со своей исконной территории расселения. Переселения, начавшиеся в пореформенный период, во многом были связаны с развитием

капиталистических отношений, а также периодическими возникавшими голодными годами, вспышками эпидемий и др. Но, несмотря на некоторые негативные факторы, демографические процессы в целом были положительными и характеризовались высокими темпами роста населения, особенно во второй половине XIX – начале XX в.

Наличие большого количества церквей способствовало более быстрому проникновению и укреплению православной веры в крестьянской среде, активизировалась просветительская и миссионерская деятельность среди горномарийского населения.

§ 1.2. Хозяйственные занятия крестьянской семьи в первой половине XIX в.

В системе жизнеобеспечения крестьянской семьи горных марийцев, в значительной степени обусловленной природно-географическими факторами, основное место занимало сельское хозяйство. Его важнейшими направлениями являлись земледелие, животноводство и другие виды хозяйственной деятельности.

Жизнедеятельность крестьянской семьи во многом зависела от структуры земельных угодий, которая, в свою очередь, во многом обуславливалась условиями окружающей среды. По подсчетам исследователя А. Г. Иванова «в конце XVIII – начале XIX в. лесные массивы на Горной стороне занимали 41,8 % территории, пахотные земли – 44,7 %, сенокосные угодья – 3,7 %, усадебные участки – 2,3 %, неудобные места – 7,5 %. На левобережной стороне Волги под лесами находилось 79,2 % территории, пашнями – 15,7 %, усадебными участками – 0,7 %, сенокосными угодьями – 1,6 %, неудобными местами – 2,8 %»¹⁶⁰. В середине XIX в. площадь пахотных земель в

¹⁶⁰ Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995. С. 356.

Козьмодемьянском уезде составляла 94 356 дес., а площадь лугов была меньше примерно в 7 раз (12 864 дес.)¹⁶¹.

В комплексном многоотраслевом крестьянском хозяйстве определяющая роль принадлежала повседневному труду и хозяйственным занятиям. Одним из ведущих отраслей сельского хозяйства традиционно оставалось пашенное земледелие, основные очаги которого размещались в правобережной части Козьмодемьянского уезда. Это было обусловлено тем, что на Горной стороне почва была более плодородной и благоприятной для выращивания хлеба. В то же время крестьяне Луговой стороны из-за недостаточно плодородной земли не имели возможностей максимального обеспечения необходимым количеством продуктов, в том числе и хлеба. Поэтому здесь многие семьи содержались за счет охоты и других лесных промыслов¹⁶².

Согласно введенному еще в 1724 г. душевому землепользованию, размер пашни в отдельных крестьянских хозяйствах различался. Это проявлялось не только внутри сельской общины, но и между крестьянскими дворами различных деревень как на уровне волостей, так и уездов. В конце XVIII в. средний размер земельного надела одного крестьянского двора в нагорной части Козьмодемьянского и Васильсурского уездов равнялся 6,2–10,6 дес., а на одну душу мужского пола приходилось 2,9–3,8 дес. земли. В марийских селениях заволжской части средняя обеспеченность крестьянского двора пашней составляла 4,9–20,6 дес., а на одну душу мужского пола – 1,7–6,8 дес. пашни. В среднем один двор имел 12,75 дес. пахотной земли (в трех полях)¹⁶³.

В середине XIX в. на одну ревизскую душу в Козьмодемьянском уезде приходилось 2,1 дес. пахотной земли. В Царевококшайском уезде она равнялась 2,2 дес., соседнем Уржумском уезде – 3,3 дес., Яранском уезде – 3,3 дес.¹⁶⁴ Как видно, для этого периода было характерно уменьшение площади

¹⁶¹ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 166.

¹⁶² История Марийского края в документах и материалах / Сост. Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 1992. С. 356, 369.

¹⁶³ Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995. С. 109–122.

¹⁶⁴ Терешкина М. И. Хозяйственная деятельность населения Марийского края в первой половине XIX в. // Ученые записки МГПИ. ИФФ. 1956. Т. 10. С. 34.

пахотных земель. Возможно, это было связано тем, что размеры землевладения и качество плодородия почвы в разных сельских общинах имели свои особенности.

В Козьмодемьянском уезде общинная форма землепользования являлась преобладающей. В функции общины входило регулирование земельных переделов, общее пользование лесными участками и выгоном. В системе земледелия ведущее место, как и в предшествующие столетия, занимало паровое трехполье с чередованием озимых, пара и яровых. В то же время в левобережных Ардинской и Тойдаковской волостях Козьмодемьянского уезда крестьяне в связи с истощением почвы сочетали трехполье с лесным перелогом. В основном оно применялось на дальних полях, которые обычно оставались без удобрений¹⁶⁵. Периодически трехпольная система сочеталась с некоторыми элементами подсеменной системы.

Заметим, что крестьяне особое внимание уделяли обработке пашни. Об этом свидетельствуют сохранившиеся материалы современников первой половины XIX в. Основные пахотные орудия труда делились на несколько различных типов. Среди них наиболее распространенной была перовая, двузубая соха, которой крестьяне обычно обрабатывали паровое поле под озимый посев. Как отмечает исследователь А. С. Казимов, использование сохи свидетельствует о достаточно развитом уровне земледельческой культуры марийских крестьян, в том числе горных марийцев. Они четко понимали, что глубокая вспашка земли плугом или сабаном несла опасность подрыва зернового производства. И по этой причине крестьянские семьи не отказывались от сохи, которая позволяла производить вспашку на глубину лишь 1,5–2,5 вершка¹⁶⁶.

В Тойдаковской волости Козьмодемьянского уезда озимую вспашку крестьяне производили косулей, в значительной степени удобной при

¹⁶⁵ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 240–241.

¹⁶⁶ Андреев И. А. Развитие пахотных орудий у марийцев (конец XVIII – начало XX в.) // Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР. АЭМК. 1989. Вып. 16. С. 65; Казимов А. С. Крестьянское хозяйство в Марийском крае в первой половине XIX века // Из истории крестьянства Марийского края. 1980. С. 71.

обработке почвы, подъеме нови, залежей и заросших полей толстым дерном¹⁶⁷. В правобережной части Козьмодемьянского уезда пароконная косуля и косая соха применялись при обработке земель ярового клина. В целом косуля была более известной в марийских селениях Царевококшайского уезда. Об этом свидетельствуют статистические описания, составленные А. Келлером в 1837 г. Согласно его исследованиям, марийцы использовали косулю, впрягая в двух лошадей¹⁶⁸. В материалах агрономических путешествий сохранились сведения о том, что горные марийцы Козьмодемьянского уезда такое пахотное орудие, как косуля, практически не использовали. Здесь характерным представлялась обработка земли сохой и деревянной бороной, состоявшей из четырех толстых брусков с 20 острыми дубовыми зубьями¹⁶⁹. Безусловно, различались и другие типы марийской сохи. Для подъема залежных полос использовался тяжелый сабан. В целом, способы обработки земли были разнообразными и зависели от многих факторов, в том числе и от качества земли и погодных условий.

Почва правобережной части Волги, отмеченная как слабо-среднеподзолистая с пятнами серых лесостепных суглинистых почв, имевшая высокое содержание органических веществ, обеспечивала большое плодородие. Однако крестьянской семье все равно приходилось тщательно обрабатывать пашню и удобрять ее навозом для получения насущного хлеба. В особо обильном удобрении нуждались земли, расположенные в левобережной части Волги. Здесь почва характеризовалась как супесчаная, подзолистая. В некоторых местах крестьяне могли собирать хороший урожай в течение 20 лет, а в некоторых требовалось постоянное внесение удобрения. В условиях трехполья каждый участок земли крестьяне удобряли через каждые три года. В Козьмодемьянском уезде для улучшения плодородия почвы на участок земли с площадью 8,5 кв. м требовался один тележный воз навоза. В то же время на десятину песчаных и глинистых земель вывозилось до 200-500 телег навоза.

¹⁶⁷ Бусыгин Е. П. Русское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). Казань, 1966. С. 96.

¹⁶⁸ Келлер А. Статистическое описание Царевококшайского уезда за 1837 г. С. 90.

¹⁶⁹ Толстой Н. С. Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии. М., 1857. С. 173–181.

Основным органическим удобрением служила сгнившая солома. Поэтому в связи с небольшим поголовьем скота весьма ощутимым был недостаток в навозе¹⁷⁰.

В основном крестьянские семьи выращивали «серые хлеба»: озимую рожь, яровые овес и ячмень. Рожь, как и в предыдущем столетии, составляла половину всех возделываемых культур¹⁷¹. Овес занимал не менее одной четверти площади. Посевные площади таких культур, как пшеница, яровая рожь, полба, гречиха, горох, просо, чечевица, были небольшими. Кормовые культуры не выращивались¹⁷².

Относительно сроков посева следует отметить, что крестьяне в первую очередь ориентировались в зависимости от погодно-климатических условий. В частности, в 1848 г. в с. Сумки Емангашской волости Васильсурского уезда сев овса начался 12 мая, ячменя – 15 мая, пшеничного хлеба – 26 мая. Ржаной хлеб сеяли с 20 августа. Как видно, для каждой культуры было характерно свое время посева. Многовековой опыт, основанный на глубоких знаниях об окружающей среде и длительных наблюдениях за природными изменениями, позволял крестьянской семье вести земледельческий календарь, который давал возможность выявлять оптимальные сроки для полевых работ¹⁷³. Эти сроки являлись крайне ограниченными. На обработку пашенной земли крестьянской семье требовалось более 3 месяцев. Примерно 2-3 недели необходимо было для сенокоса. Поэтому одנותягловый дворохозяин при обработке больших земельных участков максимально привлекал труд своих детей и пожилых родителей.

Нормы посева в целом были устойчивы и повторялись из года в год. Так, в военно-статистических описаниях середины XIX в. отмечено, что на десятину с длиной 80 сажень и шириной 30 сажень высевалась 1 четверть 2 четверика ржи,

¹⁷⁰ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 241.

¹⁷¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 38.

¹⁷² Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 121.

¹⁷³ Казимов А. С. Земледельческая культура крестьян Марийского края в первой половине XIX в. (традиции и инновации) // Марийский археографический вестник. 1999. № 9. С. 69; История и культура народов Марий Эл в источниках середины XIX в. / Сост., предисл. и примеч. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2016. С. 96.

2 четверти овса, 1 четверть 4 четверика льна. В середине XIX в. в Козьмодемьянском уезде высевалось до 43 500 четвертей озимого хлеба, а ярового – до 55 000 четвертей¹⁷⁴. В зависимости от качества плодородия почвы нормы посева различались.

Урожайность зерновых культур зависела от многочисленных факторов, в том числе и от природно-климатических условий, господствовавших феодально-крепостнических отношений, уровня знаний агрокультуры и др. Вместе с тем, несмотря на эти факторы, урожайность крестьянских полей в целом была «средственной» и «достаточной». Так, урожай ржи достигал «сам–4–5», а яровой пшеницы, овса, полбы, ячменя – «сам–6». По данным С. М. Михайлова, собранного урожая хлеба хватало не только на продовольственные расходы, но и оставалось в запасе около 2,5 пудов на одну душу¹⁷⁵.

Примечательно, что хлебопашество у горных марийцев заметно дополнялось садоводством и огородничеством, приносящим неплохие доходы крестьянскому двору. Горная сторона истари была известна своими яблоневыми, вишневыми, сливовыми садами. В них росли сортовые ягодные кустарники малины, смородины, крыжовника. Согласно описаниям С. М. Михайлова, в 1852 г. по Козьмодемьянскому уезду насчитывалось более 10 тыс. огородов и 1 тыс. садов, в которых росло 10 тыс. яблоневых, 8 тыс. вишневых, 500 сливовых, 100 грушевых деревьев, более 1 тыс. смородиновых кустов и 100 кустов крыжовника. Горномарийские поселения Малые Юльялы, Малый Сундырь, Юль Кушерга, Носелы, Шелаболки и другие имели лучшие сады в округе. Значительная часть фруктов и ягод шла на продажу на базарах Козьмодемьянского и Яранского уездов¹⁷⁶.

Из овощей в крестьянском хозяйстве выращивали капусту, лук, редьку, чеснок, свеклу, огурцы. После реформы П. Д. Киселева в марийских селениях

¹⁷⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи. 1850. Вятская губерния. Т. 2. Ч. 4. С. 55–56.

¹⁷⁵ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 155; Иванов А. Г. Марийцы Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 1993. С. 31; Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 73.

¹⁷⁶ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 360.

стали выращивать картофель. Согласно сведениям 1852 г., в огородах Козьмодемьянского уезда было посажено около 40 тыс. четвертей капусты, 1 тыс. четвертей свеклы, 5 тыс. четвертей огурцов, 500 четвертей бобов, 3,5 тыс. четвертей моркови, 5 тыс. четвертей картофеля, 300 четвертей репы¹⁷⁷.

В известной мере бюджет крестьянской семьи пополнялся за счет выращивания хмеля. Так, в Козьмодемьянском уезде ежегодно с хмелевых угодий крестьяне собирали до 1,6 тыс. пудов хмеля.¹⁷⁸ Лишнюю продукцию крестьяне продавали за 200-300 руб. серебром. Цена за фунт хмеля колебалась от 4 до 5 коп. серебром. В основном хмель в больших количествах сбывали на винокуренные заводы. Об этом свидетельствуют статистические отчеты 1849 г., в которых отмечено, что продукция скупалась зажиточными людьми и увозилась на Ирбитскую ярмарку и в другие города, в частности, в Пермь¹⁷⁹.

Характеризуя земледельческие занятия горномарийской крестьянской семьи, уместно привести описание двора зажиточного марийца Юрия Родионова из д. Куликалы Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда, сделанное прусским (немецким) исследователем, чиновником, экономистом, бароном Августом Гакстгаузенем (см. приложение 11). Согласно наблюдениям путешественника, «в этой деревне росли липы, березы, дубы, цветущие фруктовые деревья. В саду виднелись вишни, яблоки, малина, клубника. Уже третий год жители деревни сажали картофель. Почти половина посевных площадей отводилась под озимую рожь. Среди яровых культур две трети посевов занимал овес, а остальные – полба, ячмень, яровая пшеница. Обработка полей была хорошей, полосы были довольно широкими»¹⁸⁰.

В описании А. Гакстгаузена приведены уникальные сведения о домохозяйстве горных марийцев. Традиционный крестьянский, по его наблюдениям, «состоял из жилого дома (*«пöрт»*), сарая для подвод, саней и сельскохозяйственных орудий, хлебного амбара (*«клät»*), летнего бревенчатого

¹⁷⁷ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 362.

¹⁷⁸ Там же. С. 121.

¹⁷⁹ ГА РМЭ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 13. Л. 42.

¹⁸⁰ Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. 294–314.

жилья («куды»), нового дома для женатого сына. Хозяйственный комплекс включал в себя приусадебный луг, огород, хмельник, фруктовый сад и пчельник. Рядом с домом располагались ворота на улицу, росли две высокие липы, в изгороди и саду – черемухи. Жилая изба состояла из ведущей в нее лестницы, печи, кухни, жилой комнаты и чулана. На окнах и под крышей была сделана резьба»¹⁸¹.

Начиная с 1840-х гг. в государственной деревне наблюдалось повышенное внимание к агрономическому просвещению крестьянства. Министерство государственных имуществ было заинтересовано в распространении среди крестьян передового опыта агрономических знаний по внедрению новых сортов злаковых культур и новых пород скота. Определенный прогресс происходил и в Марийском крае, в том числе среди горных марийцев. Улучшалось семенное дело, велся поиск новых систем земледелия, возникали образцовые крестьянские хозяйства. Ведущее место в этом деле занимали Уржумский и Яранский уезды Вятской губернии¹⁸². Однако из-за ограниченных кредитных возможностей казенного ведомства этот процесс не получил широкого распространения¹⁸³.

Второе место по значимости среди хозяйственных занятий занимало животноводство («скотоводство»). поголовье домашнего скота во многом определяло благополучие крестьянской семьи. В основном дворохозяева держали лошадей, коров, овец, свиней и различную домашнюю птицу. По данным 1852 г., «в Козьмодемьянском уезде насчитывалось более 25 тыс. лошадей, 14 тыс. рогатого скота, 35 тыс. овец, 7,5 тыс. свиней, 3,5 тыс. коз»¹⁸⁴. В хлебопашестве использовалось 24 тыс. лошадей. Их наличие, как основной тягловой силы, являлось важнейшим условием хозяйственной

¹⁸¹ Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. 294–314.

¹⁸² Андреев И. А. Распространение агрикультурных знаний среди населения Уржумского и Яранского уездов Вятской губернии в период капитализма // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1961. Вып. XVI. С. 55.

¹⁸³ Казимов А. С. Земледельческая культура крестьян Марийского края в первой половине XIX в. (традиции и инновации) // Марийский археографический вестник. 1999. № 9. С. 74.

¹⁸⁴ История Марийского края в документах и материалах / Сост. Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 1992. С. 346.

самостоятельности крестьянской семьи. В связи с этим уход и содержание лошадей требовали самого пристального внимания, поэтому они находились в ведении мужчин. Остальной домашний скот был под присмотром женщин и детей. Как отмечали современники, марийские крестьяне в основном держали лошадей малорослой и слабосильной, но достаточно прочной породы.

В сравнительном плане можем отметить, что в предшествующем XVIII в. зажиточная марийская семья в среднем имела по 4-5 лошадей, семья среднего достатка – по 2-3 лошади. В маломощных хозяйствах имелось по одной лошади. Сходная во многом картина была типична и для первой половины XIX в. В хозяйстве среднего достатка имелось не менее 1-2 лошадей, 1-3 коров и другой живности. Между тем у зажиточных крестьян было много скота. Среди них немаловажную роль играла овца. Из овечьей шерсти крестьяне изготавливали одежду и обувь, из шкуры – шубы и полушубки, мясо использовали при приготовлении пищи. Почитание овец было обусловлено и тем, что они были менее прихотливы к кормам и уходу. Среди домашних птиц крестьяне больше всего разводили кур. В некоторых хозяйствах имелись гуси и утки. Примечательно, что куриные яйца в рассматриваемое время использовались в качестве денежного эквивалента, за счет продажи которых домохозяева покупали различные товары у разъезжавших торговцев. Примечательно, что домашняя птица не требовала особого ухода. С весны до осени гуси и утки обычно находились на ближайшем водоеме, а на ночное время хозяева пригоняли их домой¹⁸⁵.

В развитии животноводства большое значение имела кормовая база, а именно обеспеченность крестьянского двора сеном. Необходимость большого запаса кормовой базы была связана с длительным периодом стойлового содержания домашнего скота. При этом период сенокоса (20-30 суток) приходился на очень сжатые сроки, нередко на стыке с полевой страдой, когда мобилизовывались все трудовые ресурсы крестьянской семьи, от мала до

¹⁸⁵ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 80.

велика¹⁸⁶. Необходимо учесть и такой негативный фактор, связанный с недостатком сенокосных угодий, в качестве которых использовались луга, лесные поляны и залого. Так, в правобережной части Козьмодемьянского и Всильсурского уездов в конце XVIII в. размер сенокосных угодий одного крестьянского двора в разных общинах составлял 0,4-1,0 дес. Соответственно, в среднем площадь сенокосных угодий одного двора составляла 0,7 дес. В левобережной части Козьмодемьянского, Чебоксарского, Царевококшайского и Чебоксарского уездов размер сенокосных угодий значительно отличался и равнялся 0,1–10,2 дес.¹⁸⁷ В целом, нехватка сенокосных угодий сохранялась на протяжении всего рассматриваемого времени.

Объем собранного сена полностью зависел от погодно-климатических условий: с десятины пойменных лугов в среднем собирали 20–50 копен. В 1848 г. в Козьмодемьянском уезде было собрано более 68 тыс. копен, а в соседнем Царевококшайском уезде в 2,6 раза больше¹⁸⁸. В середине XIX в. с одной луговой десятины в среднем можно было собрать 50-75 пудов сена, а с одной десятины зерновых культур – 800–300 пудов соломы¹⁸⁹. В Марийском крае практически повсеместно ощущался недостаток сенокосных угодий, что крайне тяжело сказывалось на развитии животноводства. Вследствие этого сено в значительной степени компенсировалась соломой, мякиной и веточным кормом.

В летний период времени вольный выпас домашних животных проводился на лугах и оврагах, на территориях лесных рощиц и паровых залежей. Большое количество комаров, слепней, мошек нередко становилось причиной ночной пастбы¹⁹⁰. Особенно остро это ощущалось в лесном левобережье Волги. В зимнее время домашний скот содержался в сараях. Так, в описаниях современников середины XIX в. отмечено, что в хозяйстве горных

¹⁸⁶ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 49.

¹⁸⁷ Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995. С. 122–123.

¹⁸⁸ История Марийского края в документах и материалах / Сост. Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 1992. С. 346.

¹⁸⁹ Казимов А. С. Крестьянское хозяйство в Марийском крае в первой половине XIX века // Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола, 1980. С. 102.

¹⁹⁰ Иванов А. Г., Сануков К. Н. История Марий Эл. Йошкар-Ола, 2015. С. 124.

марийцев имелось несколько двухэтажных амбаров, на первом этаже которых держали лошадей, а на втором – хранили сено¹⁹¹. Выше отмеченные факторы сказывались на поголовье скота. Так, в начале 1840-х гг. крестьяне Козьмодемьянского уезда в расчете на 100 душ обоего пола имели около 60 лошадей. В Царевококшайском уезде эти показатели были значительно меньше и составляли 28 лошадей, Уржумском – 26, Яранском – 24 лошади. В 1843 г. в Козьмодемьянском уезде поголовье скота составляло 46,4 тыс., Царевококшайском – 17,4 тыс., Уржумском – 35,8 тыс., Яранском – 39,7 тыс. Согласно материалам уездных властей Казанской и Нижегородской губерний в 1846–1848 гг., заметное влияние на сокращение поголовья скота оказывали бескормица и эпизоотия домашних животных. Эти факторы влияли и на стоимость поголовья скота. В середине XIX в. средняя стоимость одной лошади составляла 10 руб., коровы – 6 руб., овцы – 1 руб., свиньи – 2 руб., козы – 1 руб. 50 коп.

Заметное место в жизнеобеспечении горномарийской крестьянской семьи в условиях роста податей и повинностей занимали различные промыслы и отходничество, развитию которых способствовали обширные лесные богатства. В середине XIX в. лесные площади на Луговой стороне Козьмодемьянского уезда занимали 276 513 дес. 1 508 саж., из них крестьянские и заказные – 143 684 дес. 1 891 саж. На Горной стороне лесная площадь насчитывала всего 56 187 дес., из них крестьянских – 40 041 дес. 104 саж.¹⁹² Близость к обширным лесным массивам, особенно в левобережной части Волги, способствовала развитию охоты, собирательства, бортничества, лесозаготовительных работ, являвшихся настоящим подспорьем в хозяйстве крестьянской семьи.

Охота на зверей, имевшая промысловый характер, занимала значительное место в хозяйстве заволжских крестьян. В основном ею занимались в зимнее время. Мужчины охотились на лосей, медведей, куниц, белок, зайцев, лисиц,

¹⁹¹ Кроковский М. С. Этнография горных черемис, обитающих Казанской губернии Козьмодемьянского уезда в селе Чермышеве. Публикация текста, предисловие и примечание А. Г. Иванова // Марийский археографический вестник. 2003. № 13. С. 169–170.

¹⁹² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. 15 а. С. 616.

волков. Объектом охоты также являлись рябчики, глухари, тетерева, для ловли которых использовались лук и стрелы, различные капканы, копыя, самострелы, сети и силки. Особенно прибыльным данное занятие было в заволжской части. Согласно сведениям 1852 г., стоимость медвежьей шкуры достигала 120 руб., шкура лося оценивалась от 50 коп. до 1 руб., куницы – до 2 руб. 28,5 коп., зайца – 7 коп., белки – от 6 до 10 коп. серебром¹⁹³.

Важное значение в крестьянском хозяйстве имело пасечное пчеловодство. Полученный мед и воск шли на приготовление традиционных блюд, напитков, свечей, а часть сбывалась скупщикам и купцам на крупных ярмарках в Казани, Нижнем Новгороде, Перми, Архангельске и других городах¹⁹⁴. Согласно сведениям Козьмодемьянского уезда 1853 г., 222 крестьянина были заняты пчеловодством, количество ульев равнялось 1 360. Цена пуда меда и воска колебалась от 4 до 6 руб. серебром¹⁹⁵. Эти факты свидетельствуют о том, что пчеловодство в значительной степени дополняло бюджет семьи. Заметим, что развитие пчеловодства, требовавшее достаточного времени и много затрат, во многом зависело от площади общинных лесных угодий, наличия липовых деревьев, сохранности бортей, ульев и других факторов. Им в основном занимались зажиточные крестьянские семьи, иногда и середняки, в пасеках которых «насчитывалось до 180 ульев и колод»¹⁹⁶.

В рассматриваемое время свою значимость в крестьянском хозяйстве сохраняло собирательство. Весьма ценными и полезными являлись лесные ягоды, грибы, лекарственные растения и другое сырье, использовавшееся в промысловых целях. По данным 1850 г., пуд сырых орехов оценивался примерно в 25 коп., сушеные орехи стоили около 60 коп. серебром. Стоимость ведра любых ягод равнялась примерно 20-30 коп. серебром. Ведро грибов стоило 10-15 коп. серебром¹⁹⁷.

¹⁹³ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 167.

¹⁹⁴ Иванов А. Г. Марийцы Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 1993. С. 35.

¹⁹⁵ История Марийского края в документах и материалах /Сост. Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 1992. С. 370.

¹⁹⁶ Иванов А. Г., Сануков К. Н. История марийского народа. Йошкар-Ола, 2017. С. 80.

¹⁹⁷ Военно-статистическое обозрение Казанской губернии за 1850 год. Вятская губерния. 1850. Т. 2. Ч. 4. С. 349.

Крестьянские промыслы в определенной степени дополнялись рыбной ловлей. К волжской речной системе относилось 67 рек. Кроме того, в Козьмодемьянском уезде насчитывалось 60 озер, большая часть которых было расположено в заволжской части. С помощью сетей, морд, острог, крючков и других орудий крестьяне ловили белуг, стерлядей, судаков, щук, голавлей, лещей, окуней, карасей, налима и другие, часть из них шла на продажу. В основном лов рыб производился весной, летом и осенью. Как отмечали современники, в первой половине XIX в. «наблюдалось сокращение улова рыб»¹⁹⁸.

В крестьянском хозяйстве все большее распространение начали получать лесные промыслы, важнейшей из которых являлась заготовка строевого и дровяного леса, проводившаяся весной. В казенных лесах вырубка производилась по подряду лесопромышленников. Строевой лес обычно сплавлялся в Симбирскую, Саратовскую, Астраханскую губернии и частично в Казань, а дровяной лес – на продажу в городах и не более восьмой части в Свияжский уезд на обжиг извести. На пристанях за загрузку дров и других лесных изделий рабочий получал от 20 до 25 коп. серебром в день¹⁹⁹.

Плата одному рабочему за сплав леса от спорных вод в города низовых губерний составляла 6-17 руб. серебром в зависимости от расстояния. Каждое бревно оценивалось примерно 25-30 коп. Гужевая вывозка производилась на своих лошадях, за наем рабочего на расстояние 30 км платили 3-10 коп. серебром с вершка толщины доставляемого бревна в отрубе. Сырье на одну кубическую сажень, подготовленное рабочими, оценивалось в 1 руб. 40 коп. – 1 руб. 60 коп.²⁰⁰ Сплав леса по Волге в Казань, Самару, Астрахань и Саратов продолжался в течение всего летнего сезона до самых заморозков. Сроки сплава в зависимости от расстояний различались. Так, для сплава до Казани

¹⁹⁸ Филонов А. А. Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края. Йошкар-Ола, 2014. С. 616.

¹⁹⁹ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 167.

²⁰⁰ Военно-статистическое обозрение Казанской губернии за 1850 год. Вятская губерния. Т. 2. Ч. 4. 1850. С. 347.

необходимо было 8 дней, до Самары – 3 недели, до Саратова – 5 недель, до Астрахани – 2 месяца²⁰¹.

В селениях Козьмодемьянского уезда, расположенных рядом с Волгой, в значительной степени преобладали бурлачество и судопромышленность. Приволжские крестьяне строили барки, дощеники, паромы и лодки. Обычная лодка оценивалась от 3 до 4 руб. серебром, большие суда – 300, 500, 1 000 руб. серебром. В Козьмодемьянском уезде в среднем в год в судовой работе были заняты 4–5 тыс. чел. В 1853 г. здесь насчитывалось 50 судопромышленников, доход которых колебался от 10 до 15 тыс. руб. серебром за лето²⁰². Основная часть полевых работ в таких случаях ложилась на плечи женщин²⁰³.

Кроме сплава леса большое распространение получили и другие лесные промыслы: мочальное производство, изготавливание веревок, канатов, конских упряжей, теса и драниц. Выделка мочал из липовых деревьев длиной 3 сажени, толщиной 4 и 5 вершков производилась в мае и июне. Плата за каждое дерево составляла 12-15 коп. серебром. Из 18 пудов мочала можно было изготовить 60-80 и более цинковок и кулей. Основную продукцию крестьяне сбывали в Казани и других городах, а также частично в пристанях Волги для отправления в низовые и верховые губернии²⁰⁴. Относительно стоимости продукции можно привести материалы А. Фукса, в которых отмечено, что «пуд мочала стоил от 60 до 80 коп., соответственно четырехаршинные циновки – 1 руб., трехаршинные – 45 коп., трех с половиной аршинные – 75 коп., 100 простых рогож – 18–20 руб., 100 кулей для набивания муки – 40 руб., а для овса – 30 руб.»²⁰⁵

В Козьмодемьянском уезде доставка рогожи, лубья, куля и других лесных изделий шла в Рыбинск, Нижний Новгород. Вниз по Волге реализовывалась доставка дегтя, смолы, осинового золь, сторожек, дров, лучины. Перезагрузка производилась при устье Ветлуги, которое находилось

²⁰¹ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 165.

²⁰² Там же. С. 163.

²⁰³ История Марийского края в документах и материалах / Сост. Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 1992. С. 369.

²⁰⁴ Казимов А. С. Крестьянское хозяйство в Марийском крае в первой половине XIX века // Из истории крестьянства Марийского края. Йошкар-Ола, 1980. С. 102.

²⁰⁵ Фукс А. А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 311–312.

напротив села Покровское Козьмодемьянской волости Козьмодемьянского уезда²⁰⁶.

В первой половине XIX в. наблюдалось возрастание значимости мукомольного промысла. Переработка зерновых культур производилась на водяных мельницах, принадлежавших крестьянским общинам, деревням и отдельным семьям. Характерным представлялся рост количества мельниц. В конце XVIII в. Козьмодемьянском уезде на р. Большая Юнга функционировали 6 водяных мельниц, на р. Сумка – 6, на р. Малая Юнга – 7. В соседнем Васильсурском уезде функционировали 49 водяных мельниц. По данным 1852 г., в Козьмодемьянском уезде казенных водяных мельниц насчитывалось 37, обывательских – 201²⁰⁷.

Среди неземледельческих промыслов особое внимание следует обратить на изготовление гнутой мебели из черемуховых прутьев, орешника и тальника, корзиноплетение и изготовление дуг. Горные марийцы славились своими мастерами по изготовлению деревянной посуды и колес, бочек, кадки, ушатов, ведер, чашек из липы, ели, березы. Сбыт этих продуктов производился в Казани, Астрахани, Саратове²⁰⁸.

Широкое развитие торговли стало возможным благодаря Московскому (Екатерининскому) тракту, проходившему через Козьмодемьянский уезд. На ярмарках и базарах продавались хлеб, мясо, масло, сало, мед, воск, овощи и фрукты, хмель, шерсть, пушнина, древесина, бревна, мочала, веревки, деготь, изделия различных ремесел (сани, колеса, телеги и другие). Согласно описанию современника С. М. Михайлова, с 1 по 5 октября ежегодно проходила ярмарка в с. Покровское Козьмодемьянской волости Козьмодемьянского уезда. Еженедельных базаров в этом уезде было 7, которые проходили в селах Троицкий Посад, Еласы, Малый Сундырь, в выселке Сундырка, в деревнях Хоракасов, Ишаки и Пихтулино²⁰⁹. Обращение к рынку давало возможность

²⁰⁶ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 137.

²⁰⁷ Там же. С. 137.

²⁰⁸ Тарасова В. М. Экономическое развитие Марийского края и классовая борьба в крае в первой половине XIX века. // Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1962. Вып. 17. С. 87.

²⁰⁹ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 137.

горномарийской семье заполучить дополнительные деньги на своевременную выплату податей. Местом сбыта товаров являлись уездные (Козьмодемьянск, Васильсурск, Чебоксары, Царевококшайск), и губернские города (Казань, Нижний Новгород). Постепенное влечение в начавшиеся товарно-денежные отношения способствовало появлению ничтожного количества отдельных крестьянских хозяйств, в которых помимо земледелия важное значение имела торгово-промысловая деятельность²¹⁰.

Как видно, условия окружающей среды во многом определяли крестьянский уклад жизни. Материалы народного фольклора свидетельствуют о многовековых наблюдениях крестьян за изменениями в природе. Множество сохранившихся горномарийских пословиц и поговорок указывает на предстоящие погодные²¹¹.

При изучении системы жизнеобеспечения горномарийского двора следует учесть и негативные факторы, тормозившие его развитие. В первую очередь необходимо отметить господство крепостнических отношений, государственной земельной собственности и произвол чиновничества. Денежные налоги, включавшие подушную подать, земские повинности и мирские, усложняли жизнь крестьянской семьи. В 1818 г. размер подушной подати составлял 3 руб. 30 коп. с одной ревизской души. Размер оброчного обложения равнялся 10 руб. В 1849 г. земские сборы составляли 2 руб. серебром и 53 чети коп. с каждой ревизской души, а мирский сбор – 44 коп. серебром. Средний годовой размер расхода крестьянской семьи, в которой имелось трое-четверо детей, доходил до 13 руб. серебром. В основном расходы шли на покупку соли, постного масла, дегтя, рукавиц, вина, уплату за шитье зимней верхней одежды, покупку шляпы, размол зерна, покупку

²¹⁰ ГА РМЭ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 103; Д. 5. Л. 14 об. – 112.

²¹¹ Васканова Н. А., Иванов А. Г. Природно-географические условия жизнедеятельности крестьянской семьи горных марийцев Козьмодемьянского уезда в XIX – начале XX веков // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 31–36; Грачева Ф. Т. Горномарийские пословицы, поговорки, приметы, загадки. Йошкар-Ола, 2001. С. 217.

сельскохозяйственных орудий труда. Платежный бюджет семьи горных марийцев не был достаточным, что нередко приводило к упадку хозяйства²¹².

Экономический гнет усугублялся тем, что марийские крестьяне страдали от разграбления царских чиновников. Незаконные денежные поборы производили волостные головы и писари. Судебные разбирательства часто сопровождались взяточничеством. Реформа П. Д. Киселева 1837–1841 гг. еще больше усложнила управление марийской деревней. Увеличение расходов вдвое на содержание чиновников доставило лишь новые тяготы крестьянам. Их злоупотребления вызывали различные бунты со стороны крестьян. Одним из самых стихийных крестьянских восстаний стала «Акрамовская война» 1842 г., участие в которой приняли десятки тысяч марийских, чувашских и русских крестьян²¹³.

Важным фактором в развитии сельского хозяйства являлись природно-климатические условия, которые не всегда были благоприятными для получения богатого урожая и приплода скота. Как отмечали исследователи, в каждом десятилетии «два-три года являлись неурожайными»²¹⁴. Холодная погода в мае часто становилась причиной повреждения огородных растений и цветений садовых деревьев. Так, в результате дождливой весны и прохладного лета 1852 г. урожайность хлебов в горномарийских селениях была крайне низкой. Кроме того, уборка хлеба в дождливую погоду делала яровые культуры непригодными для кормления домашнего скота. Весь урожай мог быть уничтожен в результате неожиданного выпадения снега. Именно так произошло во время жатвы летом 1852 и 1858 гг. Неблагоприятные последствия имели и малоснежные зимы, в результате которых повреждались

²¹² История и культура народов Марий Эл в источниках середины XIX в. / Сост., предисл. и примеч. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2016. С. 21.

²¹³ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. Реализация и последствия реформы. М., 1958. С. 34; Казимов А. С. Земледельческая культура крестьян Марийского края в первой половине XIX в. // Марийский археографический вестник. 1999. № 9. С. 68-78; Иванов А. Г. Сануков К. Н. История марийского народа. 3-е изд. Йошкар-Ола, 2017. С. 87.

²¹⁴ Иванов А. Г. Марийцы Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 1993. С. 31; Иванов А. Г. Природно-географический фактор в истории Марий Эл // Современное состояние окружающей среды в Республике Марий Эл и здоровье населения: мат-лы V научно-практ. конф., 10 ноября 2010 г. Йошкар-Ола, 2011. С. 3–7.

всходы озимых хлебов²¹⁵. В частности, в 1833–1835 гг., 1841–1842 гг. нехватка хлеба была основной причиной голода, который, в свою очередь, сопровождался вспышками инфекционных заболеваний, эпидемий и эпизоотии.

Следует заметить, что положение марийских крестьян усложнялось выполнением рекрутской повинности. В результате ежегодных призывов марийских парней на службу в армию, периодических войн состояние крестьянского хозяйства в значительной степени подрывалось. Отечественная война 1812 г., заграничные походы (1813–1814 гг.), Кавказская и Крымская войны (1853–1854 гг.) стали настоящим социальным потрясением для крестьян²¹⁶. Тем не менее, несмотря на негативные факторы, в развитии сельского хозяйства горных марийцев наблюдались определенные позитивные сдвиги. В это время было отмечено расширение посевных площадей. Особенно это коснулось технических культур и картофельных «огородов». Производительность труда увеличивалась за счет постепенного внедрения более приспособленных сельскохозяйственных орудий.

Таким образом, в первой половине XIX в. горномарийская крестьянская семья вела многоотраслевое комплексное хозяйство, полностью приспособленное к условиям окружающей среды. Основное место в нем занимало пашенное земледелие. В правобережной части Козьмодемьянского и Васильсурского уездов в связи с более плодородной почвой большое развитие получили садоводство и огородничество, носившие торговый характер. Крестьянский опыт был богат множеством способов, приемов землеобработки, повышавших эффективность ручного труда, улучшавших плодородие почвы и увеличивавших урожайность. По уровню земледельческих знаний горные марийцы не отставали от русских, чувашей, татар и других народов Среднего Поволжья.

²¹⁵ Иванов А. Г., Сануков К. Н. История Марий Эл. Йошкар-Ола, 2015. С. 123.

²¹⁶ История Марийского края в документах и материалах / сост. Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 1992. С. 356.

Вторым по важности хозяйственным занятием являлось животноводство, развитие которого во многом определялось наличием кормовой базы, отсутствием стихийных бедствий и эпизоотии. Немаловажное место в системе жизнеобеспечения занимали неземледельческие промыслы, являвшиеся настоящим подспорьем для крестьянской семьи. В целом удобное географическое расположение и благоприятные природно-климатические условия способствовали развитию сельского хозяйства горных марийцев рассматриваемого времени.

§ 1.3. Жизнеобеспечение крестьянской семьи во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX – начале XX в. основное место в жизнеобеспечении горномарийской крестьянской семьи продолжало занимать пашенное земледелие. В рассматриваемое время его положение заметно ухудшилось. В ходе реформы 1866 г. государственные крестьяне были переведены в разряд крестьян-собственников. Однако они не становились полноправными собственниками наделной земли. Несмотря на преобразование оброчной подати на выкупные платежи в 1887 г., площадь наделной земли у бывших государственных крестьян не менялась²¹⁷.

Среднестатистические показатели крестьянских наделных земель на одну ревизскую душу в разных волостях Козьмодемьянского уезда почти не отличались. По данным 1867 г., во владении селений Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда, где числилось 4 155 ревизских душ, находилось 14 280,4 дес. удобной земли. В среднем на одну ревизскую душу приходилось 3,4 дес. Сведения 1867–1870 гг. показывают, что в с. Малый

²¹⁷ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 240–242; Документы реформы 24 ноября 1866 года в государственной деревне (Козьмодемьянский уезд Казанской губернии) / Подготовка, предисловие и примечание В. П. Яковлева // Марийский археографический вестник. 2000. № 10. С. 215–216; Иванов А. Г. Марийцы Поволжья и Приуралья в XIX в.: традиции и новации // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей. Slavic Research Center Hokkaido University, Sapporo, Japan, 2003. С. 287; Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 148.

Сундырь Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда, где числилось 239 ревизских душ, общая площадь удобной земли составляла 812 дес., а неудобной – 125 дес. Из них усадебной земли насчитывалось 44 дес., пахотной – 517 дес., сенокосной – 221 дес., лесной – 27 дес., выгонной – 125 дес. Средний размер наделной земли на одну ревизскую душу составлял 3,4 дес. В д. Другой Яктерли этой же волости с численностью населения 77 ревизских душ в среднем на одну душу приходилось 3,7 дес.²¹⁸ В с. Кузнецово Первое с 227 ревизскими душами и в с. Кузнецово Второе, где численность ревизских душ составляла 65 чел., он равнялся 3,6 дес.²¹⁹

По данным 1890 г., у горномарийских крестьян средний размер земельного надела на одну ревизскую душу составлял 5,33 дес., а соответственно на одну мужскую наличную душу – 4,13 дес., на одного едока – 2,03 дес., на один наделный двор – 10,56 дес., на одного работника – 7,77 дес.²²⁰ Горномарийских общин со средним размером земельного надела (от 3,5 до 7 дес.) насчитывалось 21, с большим наделом (от 7 до 9 дес.) – 3 общины. Данные показывают, что со времен X ревизии 1858 г. размер надела на каждое хозяйство в целом по уезду уменьшился на 26,3 %, а на каждого едока – на 20,8 %²²¹.

По данным 1892 г., в с. Малый Сундырь Виловатовражской волости с численностью населения 58 чел. (23 муж., 35 жен.) площадь общинной земли составляла 98,4 дес. под полями, 10,2 дес. лугов, около 2 дес. садов и 4 дес. под огородами. В с. Юльялы этой же волости с общей численностью населения 521 чел. (273 муж., 248 жен.) в общинном владении имелось 563,2 дес. земли под полями, 156,4 дес. земли под лугами, 4,6 дес. земли под лесами, 3,5 дес. земли под садами, 18,3 дес. земли под огородами²²².

²¹⁸ ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 43. Л. 95.

²¹⁹ ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 43. Л. 101 об. – 103 об.

²²⁰ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Выпуск 10. Уезд Козьмодемьянский. Казань, 1891. С. 32.

²²¹ Там же. С. 33–35.

²²² Приволжские города и селения в Казанской губернии с картою р. Волги и рисунками. Казань, 1892. С. 37.

Согласно данным волостных правлений 1906 г., в с. Владимирское Кулаковской волости, где числилось 59 семей с 98 ревизскими душами, на одну ревизскую душу приходилось 6,2 дес. земли, а на одну наделную – 2,3 дес. В Козьмодемьянском уезде до 2 дес. земли имели 4,2 % ревизских душ. Большинству ревизских душ (93,0 %) приходилось от 2 до 4 дес. земли. Только 2,8 % душ мужского пола имели свыше 4 дес. земли. Как видно, в начале XX в. в среднем одна наличная душа имела 3,3 дес. земли. Примерно так же земля распределялась и в Царевококшайском уезде: на одну ревизскую душу в среднем приходилось 3,4 дес. земли²²³.

По мнению П. С. Кабытова, крестьянский двор с 5,3 дес. земли относился к низшему слою бедности. Дворы, в расположении которых имелось в среднем 10,7 дес., едва сводили концы с концами и находились на грани полуголодного существования²²⁴. В Козьмодемьянском уезде к началу XX в. удельный вес марийских хозяйств, имевших по 17,7 дес. земли, составлял 21 %, а по 6,9 дес. – 32,6 %. В Васильсурском уезде Нижегородской губернии в 1871–1905 гг. средний размер наделной земли на один крестьянский двор сократился соответственно с 8,6 до 6,5 дес.²²⁵ Кроме того, в рассматриваемое время в Козьмодемьянском уезде числились безземельные крестьянские хозяйства: их насчитывалось 216 дворов (1,0 %). Их количество особенно увеличилось в годы Первой мировой войны²²⁶. Распределение леса характеризовалось не в пользу крестьян: основная часть лесов принадлежала казне. Так, в 1912 г. площадь крестьянских лесных наделов в Козьмодемьянском уезде составляла всего 7,8 %²²⁷.

Как видно, одним из характерных черт в системе землевладения горных марийцев являлось малоземелье. По данным 1907 г., в Козьмодемьянском уезде

²²³ Крестьянское землевладение Казанской губернии. Козьмодемьянский уезд. Выпуск 10. Казань, 1907. С. 58.

²²⁴ Кабытов П. С. Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции. Куйбышев, 1977. С. 7.

²²⁵ Патрушев А. С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974. С. 11.

²²⁶ Чимаев А. Н. О предпринимательстве крестьян на территории Марийского края в конце XIX – начале XX в. // Марийский археографический вестник. 2005. № 15. С. 74.

²²⁷ Патрушев А. С. Состояние крестьянского хозяйства и классовая борьба в деревнях Марийского края в годы Первой мировой войны // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1961. Вып. XVI. С. 67.

площадь удобных земель, находившихся во владении крестьянских общин, товариществ и отдельных крестьян, составляла 43,1 %. Малоземелье ощущалось среди крестьян и других уездов Казанской губернии. В частности, в Царевококшайском уезде во владении крестьянских общин, товариществ и отдельных крестьян находилось 30,5 % удобной земли. В основном эта проблема была обусловлена значительным приростом населения, усилившимся расслоением крестьянства в результате быстрого развития капиталистических отношений и другими факторами, которые стали причиной активного миграционного движения крестьян Козьмодемьянского уезда, в том числе и горных марийцев. Так, в архивных источниках сохранились сведения о переселениях горных марийцев в Тобольскую губернию в 1895–1897 гг., в Сибирь в 1894–1901 г.²²⁸ Так, в 1895 г. увольнительные свидетельства на переселение получили 32 крестьянина из селений Больше-Юнгинской волости²²⁹. Встречались факты и о попытках самовольного переселения горных марийцев в Сибирь. Так, 22 мая 1894 г. в рапорте Больше-Юнгинского волостного правления было отмечено, что 21 семья из деревни Емешево, Ямолино Второе Ямолинского общества была задержана в Казани и возвращена на прежнее местожительство. С целью переселения на казенные земли Сибири большинству семей приходилось продавать все свое имущество. Так, глава семьи Никита Игнатьев из деревни Емешево самовольно продал дом, сарай, амбар, лачугу, лошадь, корову и овец на общую сумму 302 руб.²³⁰

Господствующей формой землепользования в марийской деревне, в том числе и горных марийцев, оставалось общинное землепользование. Именно община регулировала сложные поземельные отношения. Согласно закону, она периодически распределяла наделную землю между крестьянскими дворами в зависимости от количества душ мужского пола в каждом дворе. Однако в это время, в отличие от первой половины XIX в., общинные переделы проводились реже и начали заменяться местными, когда от малых по численности

²²⁸ ГА РМЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 154. Л. 3–12; Ф. 67. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–9.

²²⁹ ГА РМЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 892. Л. 1–19.

²³⁰ ГА РМЭ. Ф. 67. Оп. 1. Д. 31. Л. 8–9.

крестьянских дворов часть наделов передавалась большим дворам. Так, в 1907 г. произошло разделение Больше-Яктерльского сельского общества Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда на две части. В состав первой вошли селения Мичакнур с 20 дворами, 37 ревизскими и 50 наличными душами, Носелы с 85 дворами, 156 ревизскими и 195 наличными душами, Важнангер с 23 дворами, 42 ревизскими и 65 наличными душами, Колумбаево с 8 дворами, 10 ревизскими и 14 наличными душами. К Больше-Яктерльскому Второму обществу отошли деревни Ключево с 37 дворами, 51 ревизской и 89 наличными душами, Пикузино и Мартышкино, состоявшие из 82 дворов с 120 ревизскими и 164 наличными душами²³¹. Такая тенденция была характерна и для других сельских обществ (см. таблица 5). Так, в 1910 г. в Виловатовражской волости вновь были образованы такие сельские общества, как Троицкое 1-е, Мало-Сундырское, Мало-Яктерльское, Колумбаевское, Больше-Яктерльское 1-е, Больше-Яктерльское 2-е, Тетяновское, Больше-Юльяльское. Из таблицы 5 видно, что на одну наличную душу в среднем приходилось 2,7 дес. земли. При этом распределение между дворами было неравномерным. Так, в д. Важнангер Мало-Сундырского сельского общества в среднем на один крестьянский двор приходилось 12,1 дес. земли, в д. Колумбаево Колумбаевского общества – 41,2 дес. земли, в д. Носелы Больше-Яктерльского общества – 6,5 дес., в д. Мичакнуры этого же общества – 8,8 дес., в д. Ключево Больше-Яктерльского 2-го общества – 6,5 дес., Пикузино – 5,2 дес., Мартышкино – 4,7 дес.²³² Иногда при распределении крестьянских наделов происходила определенная путаница. Так, по данным 1904 г., пахотные земли некоторых марийских крестьянских дворов Кулаковской волости Козьмодемьянского уезда располагались на территории соседних волостей в пределах 12-15 км, а земельные участки крестьян д. Юнга-Кушерга Мало-Карачкинской волости находились в составе Кулаковской волости.

²³¹ ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1293. Л. 7.

²³² Там же. Л. 31–35.

Таблица 5 – Земельное обеспечение сельских обществ
Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда в 1910 г.*

Наименование общества	Число дворов	Число наличных душ	Количество десятин			
			земли		леса	
			всего	Средний размер на одну наличную душу	дес.	Средний размер на одну наличную душу
Троицкое 1-е	–	–	–	–	–	–
д. Шиндырьялы	–	307	837	2,7	–	–
д. Яндушево	–	75	204	2,7	–	–
Итого	–	382	1041	2,7	291	0,8
Мало-Сундырское	–	–	–	–	–	–
с. Малый Сундырь	–	21	57	2,7	–	–
д. Важнангер	23	102,5	279	2,7	–	–
д. Мидяково	–	45	122	2,7	–	–
Итого	23	168,5	458	2,7	134	0,8
Мало-Яктерльское	–	–	–	–	–	–
д. Мишкино	–	61	165	18,8	–	–
д. Пичушкино	–	16	43	2,7	–	–
Итого	–	77	208	–	59	0,8
Колумбаевское	–	–	–	–	–	–
д. Колумбаево	8	121	–	2,7	–	0,8
Больше-Яктерльское 1-е	–	–	–	–	–	–
д. Носелы	85	201	548	2,7	–	–
д. Мичакнуры	20	65	177	2,7	–	–
Итого	105	266	725	2,7	197	0,8
Больше-Яктерльское 2-е	–	–	–	–	–	–
д. Ключево	37	89	242	2,7	–	–
д. Пикузино	42	80	218	2,7	–	–
д. Мартышкино	40	68,5	186	2,7	–	–
Итого	119	237,5	646	2,7	189	0,8
Тетяновское	–	–	–	–	–	–
д. Тетяново	–	97	264	2,7	–	–
д. Тепаево	–	44	120	2,7	–	–
Итого	–	141	384	2,7	108	0,8
Больше-Юльяльское	–	–	–	–	–	–
с. Юльялы	–	99,5	402	4,04	–	–
д. Юльялы	–	100	404	4,04	–	–
Итого	–	199,5	806	4,04	376	1,9

* Источник: ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1293. Л. 31–35.

Из-за дальности расстояния крестьяне не имели никакой возможности обрабатывать свои земли и сдавали их в аренду за бесценок²³³. За предоставленный в постоянное пользование земельный надел крестьяне обязаны были вносить государственные подати. По данным 1867 г., общий размер податей крестьян д. Юлькушерга, д. Чермышево, д. Чертаково 2-е, д. Юльшудермары, с. Чермышево, д. Большая Юльшудермара, д. Большая Юлькушерга, д. Большая Шудермара, д. Большая Шудермара Емелево, д. Кого Шудермары, д. Юнга Кушерга Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда составлял 15 146 руб. 42 коп.²³⁴ В 1891 г. размер земского сбора в Тойдаковской волости составлял 234 руб. 2 коп., в Ардинской – 2 408 руб. 52 коп., Козьмодемьянской – 2 716 руб. 08 коп., Кулаковской – 3 691 руб. 24 коп., Больше-Юнгинской – 6 287 руб. 70 коп., Виловатовражской – 7 486 руб. 93 коп. Тогда как средняя доходность от одной десятины пашни была низкой. В Козьмодемьянском уезде она составляла 3 руб. 66 коп.²³⁵

Как и в предшествующие десятилетия XIX в., в системе севооборота преобладало трехполье, когда пашня делилась на три части, в первой из которых сеяли озимые культуры, во второй – яровые, третья часть оставалась под паром. На следующий год на бывшем озимом поле сеяли яровые, бывшее яровое поле оставалось под пар, а пар засеивался озимыми. В пореформенное время трехпольный севооборот испытывал серьезные трудности, которые были связаны с отсталостью животноводства, нехваткой корма и удобрения. Лишь в левобережье Волги сохранялись лесопольная система в сочетании трехполья с перелогом и местами остатки подсечно-огневой системы земледелия²³⁶.

До конца XIX – начала XX в. в крестьянских хозяйствах среди пахотных орудий труда больше всего была распространена соха, деревянная борона, цеп.

²³³ Николаев Г. А. Ежегодные переделы пахотных угодий в средневожской поземельной общине второй половины XIX – начала XX в. в фокусе рационального и иррационального начал в ее жизнедеятельности: к постановке проблемы // Марийский археографический вестник. 2006. № 16. С. 28.

²³⁴ ГА РМЭ. Ф. 66. Оп. 2. Д. 13. Л. 6–7 об.

²³⁵ ГА РМЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

²³⁶ Андреев И. А. Традиционное земледелие горных марийцев (материалы к историко-этнографическому атласу) // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. 1981. Вып. 5. С. 56–57; Соловьев А. А. Вятская деревня на рубеже XIX–XX веков. Йошкар-Ола, 2013. С. 130.

С начала XX в. зажиточные крестьяне стали приобретать больше сельскохозяйственных орудий. По данным 1906 г., в Козьмодемьянском уезде имелись один плуг, 94 сохи, 5 косулей. До конца этого года крестьянам было продано 28 плугов²³⁷. Устойчивое сохранение сохи было обусловлено тем, что горномарийские крестьяне имели самый минимальный земельный надел с множеством участков и пашенных полосок²³⁸.

Особое внимание уделялось повышению агрикультурных знаний среди крестьянского населения, о чем свидетельствуют сохранившиеся делопроизводственные документы губернской и уездной земских управ. Так, 24 апреля 1902 г. губернской земской управой было принято решение о введении агрономической организации в 12 уездах Казанской губернии, в том числе и в Козьмодемьянском, основной задачей которой стало проведение в жизнь крестьян агрономических познаний, способствовавших улучшению и подъему сельского хозяйства. Реакция крестьян на введение агрономической организации, в частности распространении новых пахотных орудий труда, была неоднозначной. Основная часть сельских жителей, в особенности представители молодого поколения, проявляли большой интерес к новым сельскохозяйственным орудиям. Так, агроном Козьмодемьянского уезда в 1903 г. отмечал, что из 18 селений, где была продемонстрирована работа новых плугов (однолемешных и двухлемешных), крестьяне двух селений (с. Коротни и с. Моргауши) сразу же приобрели новые пахотные орудия труда²³⁹.

В начале XX в. земской управой начала применяться практика использования разъездных куклеотборников по очистке посевных семян. Так, в 1904 г. очистка производилась двумя машинами с ноября по февраль. Убедившись в пользе очистки семян, многие крестьяне, в частности Больше-Юнгинской, Мало-Карачкинской и Татар-Касинской волостей, ассигновали по

²³⁷ Патрушев А. С. О сельском хозяйстве Марийского края в начале XX века // Новые страницы в истории Марийского края. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1971. Выпуск XXIII. С. 63; Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 154.

²³⁸ Андреев И. А. Развитие пахотных орудий у марийцев (конец XVIII – начало XX в.) // Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР. АЭМК. 1989. Вып. 16. С. 67.

²³⁹ Шомина В. П. Некоторые материалы по истории сельского хозяйства Марийского края конца XIX – начала XX в. // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 72–73.

130 руб. на приобретение общественных куклеотборников. В 1905 г. крестьяне из 31 селения Больше-Юнгинской волости пропустили через куклеотборник 140 пудов овса, 6 380 пудов ячменя, 2 025 пудов пшеницы, 205 пудов разных семян, что в общей сложности составляло 8 750 пудов²⁴⁰. Кроме того, в рассматриваемое время проводились опыты по улучшению лугов и применению минеральных удобрений.

Горные марийцы в основном возделывали зернобобовые и технические культуры. Из озимых культур преобладала рожь, а на яровом поле крестьяне выращивали овес, ячмень, пшеницу, полбу, горох, чечевицу, яровую рожь (ярицу) и очень редко гречиху. Овес занимал от одной трети до двух третей всей пахотной площади. В 1894 г. более 34 тыс. дес. земли было засеяно рожью. Собранный с них урожай равнялся «сам-4,6». По данным 1917 г., в Емангашской волости Васильсурского уезда площадь озимого посева на крестьянских землях составляла свыше 1 605 дес. Пшеницей было посажено 485 дес. земли, овес занимал 210,5 дес. земли, ячмень – 875 дес. земли²⁴¹. Из технических культур крестьяне возделывали лен и коноплю. В 1907 г. в Козьмодемьянском уезде лен занимал 151 дес. земли, а конопля – 498 дес.²⁴²

При изучении пашенного земледелия следует обратить внимание на урожайность, которая в зависимости от местности имела свои особенности. В 1895 г. в Козьмодемьянской волости Козьмодемьянского уезда она составляла «сам-3,5», соответственно в Больше-Юнгинской – «сам-4», Мало-Карачкинской – «сам-6», Кулаковской – «сам-5», Тойдаковской – «сам-3,5», Ардинской – «сам-3,5». Как видно, в целом урожайность хлебов была невысокой. При лучших условиях она составляла «сам-3», «сам-4». В сравнительном плане следует отметить, что в левобережных частях Козьмодемьянского, а также Чебоксарского и Васильсурского уездов, в Царевококшайском, Макарьевском уездах хлеба часто не хватало и для собственного потребления, что

²⁴⁰ ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1429. Л. 7; Шомина В. П. Некоторые материалы по истории сельского хозяйства Марийского края конца XIX – начала XX в. // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 80, 88.

²⁴¹ ГА РМЭ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 12. Л. 12 об.

²⁴² Патрушев А. С. О сельском хозяйстве Марийского края в начале XX века // Новые страницы в истории Марийского края. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1971. Вып. XXIII. С. 68.

объяснялось менее благоприятными природно-климатическими условиями этих территорий, малоземельем, недостаточностью удобрений и другими факторами, что ставило многих крестьянских семей в бедственное положение. Тогда как в Уржумском и Яранском уездах Вятской губернии зерновые культуры производились не только для собственных нужд крестьянской семьи, но и на продажу²⁴³.

Многие современники во второй половине XIX в. отмечали хорошую удобряемость полей на Горной стороне. По наблюдениям Ф. Целлинского, горные марийцы старались накопить навозное удобрение. Так, крестьянин Сидуганов из д. Емангаши Емангашской волости Васильсурского уезда на основе заключенной сделки поставлял солому держателю постоянного двора в обмен на навоз. Согласно кадастровым данным 1857–1858 гг., в Козьмодемьянском уезде площадь удобряемых пашен в разных волостях различалась. В частности, в Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда она равнялась 23,9 %, в Больше-Юнгинской волости – 25 %. Наибольшая удобряемость наблюдалась в Пертнурской (33,9 %) и в левобережной Ардинско-Тойдаковской волостях (34,5 %). В Козьмодемьянской волости, где значительно преобладало русское население, площадь удобряемой пашни составляла 13,7 %. Высокий уровень удобряемости земли у горных марийцев обусловлен их лучшей обеспеченностью поголовьем скота. Традиционно крестьяне вывозили навоз на поле после завершения весенне-полевых работ²⁴⁴.

В конце 1880-х гг. удобряемость земельных наделов начала сокращаться, что было связано с резким сокращением поголовья домашнего скота в результате периодических наступлений неурожайных лет, уменьшения сенокосных угодий за счет распашки земель. В рассматриваемое время в Виловатовражской волости площадь удобряемой земли составляла 7,5 %, в

²⁴³ ГА РМЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 192. Л. 74 об.

²⁴⁴ Андреев И. А. Традиционное земледелие горных марийцев (материалы к историко-этнографическому атласу) // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. 1981. Вып. 5. С. 57.

Больше-Юнгинской – 4,1 %, Пертнурской – 7,5 %, Ардинско-Тойдаковской – 3,8 %²⁴⁵.

Характеризуя урожайность, необходимо учитывать природно-климатический фактор. В целом он был благоприятен и способствовал развитию сельского хозяйства. Однако периодически наблюдались и пагубные погодные условия, негативно сказывавшиеся на произрастании хлебов, огороднических культур, фруктов и ягод. Так, в связи с неблагоприятными климатическими условиями и вследствие этого крайне низкой урожайности хлебов в 1890 г. в Козьмодемьянском уезде начался массовый голод. В частности, градобитие, отмеченное 29 мая в Виловатовражской волости, погубило 40 дес. озимого хлеба на сумму 9 251 руб. Град, выпавший в августе этого же года, побил 76 дес. ярового хлеба на сумму 1 120 руб.²⁴⁶ О бедственном положении крестьян в это время свидетельствуют сохранившиеся архивные материалы, в которых приведены списки крестьян, нуждавшихся в продуктах. Для оказания помощи им было организовано попечительство Красного Креста в уездах Казанской губернии²⁴⁷. Большую поддержку местному населению в неурожайные годы оказывало земство, которое, в частности, выражалось в выделении семян для нового посева. Так, в 1891 г. помощь в обсеменении озимых полей получили крестьяне Владимир Григорьев и Семен Павлов из околотка Саратеево Виловатовражской волости²⁴⁸.

Бедственное положение крестьянских семей сохранялось и в 1892 г. Так, в сохранившейся докладной записке крестьянина Ивана Федорова д. Шапкилей Кадышевского общества Кулаковской волости от 25 июня этого года указано, что в результате неурожая 35 крестьянских дворов с общей численностью населения 151 человек остались без продовольствия, в связи с чем они вынуждены были обратиться к земскому начальнику первого участка

²⁴⁵ Андреев И. А. Развитие систем земледелия у марийцев // Этнокультурные традиции марийского народа. АЭМК. 1986. Вып 10. С. 29.

²⁴⁶ ГА РМЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 103. Л. 6–6 об.

²⁴⁷ ГА РМЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 106. Л. 1–2; Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 2–4.

²⁴⁸ ГА РМЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–8.

Козьмодемьянского уезда за помощью в предоставлении ссуды на покупку хлеба²⁴⁹. Такое положение среди крестьян было характерно во многих горномарийских деревнях. Так, в Больше-Яктерльском сельском обществе Виловатовражской волости 194 крестьянина обратились в Благотворительный комитет Казанской губернии с просьбой о выдаче пособий на покупку хлеба²⁵⁰. Как свидетельствуют архивные материалы, многие горномарийские семьи летом 1892 г. в силу неблагоприятных погодных условий и неурожая находились в бедственном положении, часть из которых были на грани голода.

Неурожайным был и 1906 г., в результате чего у большинства крестьян собственного хлеба хватило лишь до января следующего года. В связи с этим общеземской организацией была оказана продовольственная помощь населению. Кроме того, Казанским губернским земским собранием было принято решение о выделении 150 000 руб. для покупки 500 000 пудов сена на прокорм лошадей и коров в Козьмодемьянском уезде. Однако сумма в итоге была уменьшена до 66 837 руб. 20 коп.²⁵¹

Необходимо учесть, что погодные условия не всегда имели пагубные последствия. Время от времени собранный урожай был выше среднего, что позволяло крестьянскому хозяйству укрепить свое положение и расширить бюджет семьи. Так, 1904 г. была весьма благоприятным для произрастания озимых и яровых культур. Крестьяне отмечали, что такого богатого урожая не было за последние 30 лет. Примечательно, что и результаты посевов улучшенных семян ржи были высокими. Так, урожай «Альпийской» ржи составлял «сам-13», а «Ивановской» – «сам-10». Удовлетворительным оказался и урожай трав. В той местности, где трава в предыдущем году не косилась, было собрано 5-75 пудов с десятины. С пойменных лугов было собрано около 300 пудов, а с суходольных – до 100 пудов с десятины²⁵².

²⁴⁹ ГА РМЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 73–74.

²⁵⁰ ГА РМЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56. Л. 66–67 об.

²⁵¹ Алметева И. В. Козьмодемьянское уездное земское хозяйство в начале XX века // Марийский археографический вестник. 2011. № 21. С. 156.

²⁵² Шомина В. П. Некоторые материалы по истории сельского хозяйства Марийского края конца XIX – начала XX в. // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 75–76.

Несмотря на негативные факторы, в развитии сельского хозяйства горных марийцев наблюдались определенные позитивные сдвиги. В рассматриваемое время было отмечено расширение посевных площадей, что особенно коснулось технических культур и картофельных «огородов». Производительность труда увеличивалась за счет постепенного внедрения более приспособленных сельскохозяйственных орудий. В начале XX в. земство начало проводить различные опыты по травосеянию. В этом отношении большую помощь оказывали сельские священники и учителя, активно участвовавшие в объяснении и распространении нововведений земства. С другой стороны, крестьяне проявляли большой интерес к агрономическим опытам, желая получить семена новых трав. Об этом свидетельствуют многочисленные письменные обращения крестьян Козьмодемьянского уезда в земскую уездную управу с просьбой о выдаче семян клевера, тимофеевки и желая руководствоваться правилами, обозначенными уездным агрономом. Такое отношение крестьян к нововведениям объясняется тем, что в сельской местности ощущался сильный недостаток кормов для домашней скотины²⁵³.

В результате проведения первых опытов по травосеянию показательные участки были выделены в 24 селениях Козьмодемьянского уезда, в том числе и в марийских. Собранный урожай с этих участков был успешным. Так, в 1904 г. с опытно-показательного участка д. Юнга-Кушерга Больше-Юнгинской волости за первый покос с 425 кв. сажен было собрано 85 пудов клеверного сена²⁵⁴.

На Горной стороне большой толчок в развитии получили садоводство, огородничество и хмелеводство. Так, в отчетных документах земской управы Козьмодемьянского уезда отмечено, что в Кулаковской волости в 1897 г. на 829 дворов приходилось 444 приусадебных сада. Общая площадь усадебной земли составляла 6 594,5 дес., при этом средний размер усадебных садов колебался от 100 до 2 400 кв. сажен. Наибольшее количество садов в данной волости

²⁵³ ГА РМЭ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 26.

²⁵⁴ Шомина В. П. Некоторые материалы по истории сельского хозяйства Марийского края конца XIX – начала XX в. // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 77–79.

имелось в таких деревнях, как Верхние и Нижние Шелаболки, Коптяково, Куликалы, Четнаево. По наблюдениям уездного агронома, в Козьмодемьянском уезде фруктовые сады приносили большое количество плодов. Сады, состоявшие из 15 яблонь 12-15-летнего возраста, оценивались скупщиками до 35-40 руб. Яблони в более старых садах стоили дороже: за одну яблоню выплачивалось 5-6 руб. Как видно, в крестьянском хозяйстве горных марийцев плоды фруктовых садов становились товаром розничной и оптовой торговли. Вместе с тем развитие садоводства и огородничества во многом было связано с природно-климатическими условиями. Так, холодная сырая погода в мае 1904 г., сопровождавшаяся несколько раз утренними морозами, привела к гибели большей части яблоневых цветов, в результате чего урожай яблок оказался бедным. В связи с этим для подъема урожайности фруктовых садов была предпринята практика опрыскивания яблонь парижской зеленью с известью²⁵⁵.

В 1910 г. в правобережной части Козьмодемьянского уезда под садами находилось 518,14 дес. земли, где росли 251 507 яблонь, 93 груши, 5 335 вишен, 160 слив, 4 220 кустов малины, 4 000 кустов смородины, 827 кустов крыжовника. Своими садами особенно славились крестьяне Больше-Юнгинской и Козьмодемьянской волостей. В Емангашской волости Васильсурского уезда площадь садов составляла 210 дес., годовой доход от которых доходил до 25 000 руб. На развитие садоводства большое влияние оказывал питомник уездного земства, где выращивались разные сорта плодовых культур²⁵⁶. В пореформенный период большое развитие получило разведение земляники. Такие плантации имелись у крестьян деревень Амануры

²⁵⁵ Андреев И. А. Традиционное земледелие горных марийцев (материалы к историко-этнографическому атласу) // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. 1981. Вып. 5. С. 71–73; Шомина В. П. Некоторые материалы по истории сельского хозяйства Марийского края конца XIX – начала XX в. // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 72.

²⁵⁶ Патрушев А. С. О сельском хозяйстве Марийского края в начале XX века // Новые страницы в истории Марийского края. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1971. Вып. XXIII. С. 85.

и Алешкино Больше-Юнгинской волости. Средний доход одного крестьянского двора от сбыта земляники варьировал от 70 до 100 руб. за лето²⁵⁷.

В крестьянском хозяйстве горных марийцев важное значение после земледелия имело животноводство, от уровня развития которого во многом зависело благосостояние семьи. В основном скот крестьяне содержали для собственных потребностей и для ведения земледельческих работ. В рассматриваемое время характерным представлялись нехватка кормовой базы, периодические вспышки эпизоотии, возникавшие часто вследствие неурожайных лет, распродажа скота за недоимки и другое. Так, в 1885 г. в Козьмодемьянское уездное по крестьянским делам присутствие поступило прошение крестьянина Петра Гаврилова из д. Луговая Кушерга Ардинской волости о том, что его корова и три овцы были изъяты старостой деревни и проданы сборщику налогов Семену Иванову на сумму 31 руб.²⁵⁸

Материалы 1865 г. содержат сведения о том, что в селениях Вилатоввражской волости Козьмодемьянского уезда насчитывалось 1 980 голов рогатого скота, 3 600 лошадей. В Ардинской волости этого же уезда числилось 1 455 лошадей, 1 137 коров, 1 833 овец, 13 коз, 294 свиньи²⁵⁹. Примечательно, что наличие лошади как единственного вида рабочего скота характеризовало благосостояние крестьянского хозяйства. С помощью лошади крестьяне не только проводили обработку своих земель, но и занимались другими промыслами. Это и лесные работы, извоз, гужевой подвоз сельскохозяйственной продукции для продажи на базарах и рынках и др.

В описаниях священника И. Яблонского 1865 г. сохранились следующие сведения о развитии животноводства в крестьянском хозяйстве горных марийцев: «Скотину держат сравнительно с русскими много, особенно лошадей, так что иногда на две души приходится их от 6-10; коров при каждом дворе бывает от 2-3 кроме множества телят; овец от 10-20 и более при каждом

²⁵⁷ Шомина В. П. Некоторые материалы по истории сельского хозяйства Марийского края конца XIX – начала XX в. // Марийский археографический вестник. 1992. № 2. С. 77.

²⁵⁸ ГА РМЭ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 159. Л. 8–9.

²⁵⁹ ГА РМЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 192. Л. 15; 28 об. – 29.

дворе; много гусей, уток и по нескольку, смотря по местности, свиней. Только весь этот скот самой мелкой породы от малопитательного и в малом количестве даваемого корма... Главные занятия черемис заключаются в земледелии и скотоводстве, и тот считается самым плохим крестьянином, у которого скота не столько, сколько бы по их расчету надлежало ему иметь»²⁶⁰.

По данным 1887 г., в Козьмодемьянском уезде на 100 крестьянских дворов приходилось 10,7 % безлошадных хозяйств. Из них русские составляли 36,9 %, марийцы – 8,6 %, чувашаи – 9,4 %, бывшие помещичьи русские – 19,6 %. У бывших государственных русских крестьян Царевококшайского уезда доля безлошадных хозяйств равнялась 20,2 %, а у марийских крестьян – 17,6 %, у татарских – 45,5 %, у бывших удельных русских – 19,5 %, у бывших помещичьих крестьян – 55,9 %²⁶¹. Средняя продажная цена рабочей лошади в рассматриваемое время колебалась от 8 до 12 руб.²⁶² В 1890 г. в Козьмодемьянском уезде в 7 065 крестьянских дворах горных марийцев имелось 15 074 лошади, из них 11 315 рабочих, 17 316 коров, 41 254 мелкого скота. В среднем в одном дворе имелось 2,1 лошади, 2,4 коровы, 5,8 мелкого скота²⁶³. Заметим, что в 1882–1890 гг. наблюдалась значительная убыль лошадей (до 34,6 %). Пагубные последствия были вызваны массовым голодом 1891 г., в результате чего в Марийском крае поголовье лошадей сократилось на 20-30 %, и соответственно увеличилось количество безлошадных и бескоровных дворов. В Царевококшайском уезде более половины крестьянских дворов держали лишь по одной лошади, а пятая часть дворохозяев были безлошадными²⁶⁴. В это время уменьшилось абсолютное число многолошадных дворов.

²⁶⁰ Яблонский И. О горных марийцах второй половины XIX века (публ. Г. Н. Айплатова, Г. А. Сепеева) // Марийский археографический вестник. 1997. № 7. С. 181.

²⁶¹ Чимаев А. Н. О предпринимательстве крестьян на территории Марийского края в конце XIX – начале XX в. // Марийский археографический вестник. 2005. № 15. С. 75.

²⁶² ГА РМЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 35. Л. 6 об.

²⁶³ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Выпуск 10. Уезд Козьмодемьянский. Казань, 1891. С. 32.

²⁶⁴ Там же. С. 72.

Вместе с тем, по данным 1894 г., в 554 населенных пунктах Козьмодемьянского уезда с общим количеством 18 368 дворов, в том числе 391 безземельный двор, и численностью населения 93 182 душ обоего пола (46 144 муж., 47 038 жен.), насчитывалось 22 052 лошадей, 21 006 коров, 55 500 овец, 7 032 свиней, 913 коз²⁶⁵. В среднем на один двор приходилось 1,2 лошади, 1,2 коровы и 3 овцы. В большинстве крестьянских хозяйств скот был беспородным. А местная порода была мелкой и малоценной. Средний вес коров в Козьмодемьянском уезде составлял 18,97 пудов. Здесь 59 % коров имело вес до 20 пудов, а свыше 25 пудов – лишь 2,1 %. Средний годовой удой коровы равнялся 88,18 пудам²⁶⁶. Хозяйство, имевшее одну лошадь, относилось к бедным или мелкотоварным, соответственно с двумя лошадьми – к средним, с тремя и более лошадьми – к зажиточным²⁶⁷.

Развитие животноводства, в первую очередь, зависело от кормовой базы. В этом отношении характерной чертой было то, что крупный рогатый скот был обречен на полуголодное существование, особенно в зимнее время. Так, зимой 1907–1908 гг. в Козьмодемьянском уезде нехватка корма была отмечена у 82,3 % хозяйств. Большой урон крестьянскому хозяйству горных марийцев нанесла Первая мировая война, когда значительно увеличилось количество безлошадных хозяйств. Так, в Вилатоввражской волости Козьмодемьянского уезда удельный вес таких дворов составлял 3,6 %, в Больше-Юнгинской – 14,1 %, в Козьмодемьянской – 41,7 %²⁶⁸. Отсутствие лошади заставляло крестьян за высокие цены нанимать у зажиточных крестьян рабочий скот с целью проведения полевых работ.

В рассматриваемое время охота, собирательство, рыболовство, пчеловодство среди крестьянских занятий занимали более скромное место. Так, в 9 волостях Козьмодемьянского уезда рыболовством занимались около

²⁶⁵ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. 15 а. С. 616–617.

²⁶⁶ Патрушев А. С. О сельском хозяйстве Марийского края в начале XX века // Новые страницы в истории Марийского края. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1971. Вып. XXIII. С. 83.

²⁶⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 126.

²⁶⁸ Патрушев А. С. О сельском хозяйстве Марийского края в начале XX века // Новые страницы в истории Марийского края. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1971. Вып. XXIII. С. 80, 84.

500 чел. Оно в основном было распространено в селениях, расположенных вблизи от Волги (Важнангер, Шиндырьялы, Малый Сундырь, Юльялы, Сауткино Виловатовражской волости и др.)²⁶⁹. Рыбная ловля являлась важным подспорьем для горных марийцев Емангашской волости Васильсурского уезда. Согласно сведениям 1917 г., крестьяне производили аренду богатых рыбных ловлей в озерах Пикино, Шараты, Озерское, Ереминское, Полоцкое, Кадезнанъяр, Шуданъяр, Вильное, Шудан, Орехин, Черное, Тростяное, Бараков. При этом ежегодная уплата оброчных денег в казну составляла 1 130 руб. 50 коп.²⁷⁰

Охота, бортничество сохраняли промысловое значение в заволжской части. В 1890 г. здесь охотой занимались 128 чел. Охота велась на медведей, волков, лис, куниц, лосей, зайцев, белок и др. Большой интерес вызывают факты о самовольной охоте крестьян в казенных лесах. Так, в 1913 г. было заведено дело по обвинению крестьян Андрея Иванова и Марка Васильева из д. Тогашево Ардинской волости за самовольное пользование бортовым деревом и охоту на рябчиков в казенном лесу Кумьинского лесничества. Число дворов, занятых пчеловодством, было незначительным. В 1890 г. в Козьмодемьянском уезде 31 горномарийская семья имела свои пасеки²⁷¹. В этом уезде в начале XX в. количество ульев составляло 1 561, из них 221 улей был отмечен в Виловатовражской волости, 194 – в Больше-Юнгинской, 137 – в Кулаковской²⁷².

Земледелие и животноводство не везде обеспечивало крестьянский двор необходимым достатком. В летописи Микряковской церкви Емангашской волости Васильсурского уезда 1894 г. отмечено, что в этой местности народ

²⁶⁹ ГА РМЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 54. Л. 13; Л. 115 об. – 116; Л. 133 об. – 134; Л. 143 об.; Д. 103. Л. 2; Иванов А. Г. Марийцы Поволжья и Приуралья в XIX в.: традиции и новации // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей. Slavic Research Center Hokkaido University, Sapporo, Japan, 2003. С. 291.

²⁷⁰ История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район : Сборник документальных очерков / Сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 375.

²⁷¹ ГА РМЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 297. Л. 1–11; Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. X: Козьмодемьянский уезд. Казань, 1891. С. 81.

²⁷² Пчеловодство в Казанской губернии. По обследованию 1908 года и другим данным. Составил А. Е. Хабачев. Казань, 1911. С. 13, 22, 43, 69, 70, 72.

«кормится своим хлебом, коего продает на нужды, имеет на стороне заработок, работают на делянках и кварталах за Волгой, это полозьи, это спицы и доски, это брусья и т. п., дома же – только лозоплетение, которое год от году, за неимением своего лыка, падает и дает мизерный доход»²⁷³. Данное описание свидетельствует о стремлении крестьян находить дополнительный заработок за счет отходничества и занятия различными промыслами. По данным 1890 г., в Емангашской волости Васильсурского уезда 294 чел. из 1 219 были заняты на отхожих промыслах (24,2 %), из них 102 (8,4 %) – круглый год, 184 (15,1 %) – летом, 8 (0,7 %) – зимой²⁷⁴.

Обращение крестьян к различным неземледельческим занятиям было связано с необходимостью уплаты постоянно растущих прямых платежей. Крестьяне нуждались в дополнительных заработках в силу острой нехватки земли, роста количества безлошадных и бескоровных дворов. Так, в Козьмодемьянском уезде в начале 1870-х гг. земледелие как основное занятие крестьян сохранялось только в трех волостях. В остальных волостях доход крестьянских семей складывался за счет других заработков. В общей сложности в этом уезде более 2/3 населения были заняты посторонними заработками²⁷⁵. Примечательно, что тенденция роста неземледельческих промыслов наблюдалась по всей Казанской губернии. При этом абсолютное большинство среди кустарей представляли русские крестьяне, затем татары²⁷⁶.

Во второй половине 1880-х гг. первое место в крестьянских промыслах занимали лесные работы и обработка дерева. В Козьмодемьянском уезде эти показатели составляли 88 %, в соседнем Царевококшайском уезде – 95 %, в Чебоксарском – 71,6 %. По данным 1886 г., площадь лесов в Козьмодемьянском уезде составляла 62,9 % от общей удобной площади уезда. В 1907 г. она

²⁷³ ГА РМЭ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

²⁷⁴ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Нижегородской губернии. Уезд Васильский. Выпуск IX. Нижний Новгород, 1890. С. 196.

²⁷⁵ Чимаев А. Н. Некоторые особенности развития крестьянских промыслов на территории Марийского края в 60-х – начале 80-х гг. XIX в. // Марийский археографический вестник. 1993. № 3. С. 50.

²⁷⁶ Шайдуллин Р. В., Зайнуллина Ф. Г. Крестьянство Казанской губернии в 1860–1910-е гг.: в экономическом и социокультурном измерении. Казань, 2013. С. 180.

сократилась до 61,4 %, а в 1914 г. – до 58,9 %²⁷⁷. В конце XIX в. здесь под лесами находилось более 300 тыс. дес. земли, из них свыше 280 тыс. – казенный лес. Из лесных промыслов значительное место занимали вырубка леса, гонка смолы и дегтя, выделка деревянной посуды, транспортных средств и другое. Рост лесоразработок, связанных с увеличением спроса на древесину, способствовал сокращению лесных площадей²⁷⁸.

В рассматриваемое время среди горных марийцев появились крупные лесопромышленники. В частности, в начале XX в. разработкой леса занимались крестьяне с. Кумья Тойдаковской волости Козьмодемьянского уезда. Предпринимательскую деятельность вели крестьяне из деревни Шалтыкова Емангашской волости Васильсурского уезда, братья С. Г. Лукоянов и Л. Г. Лукоянов, а также Д. Ф. Саракеев и О. Ф. Саракеев. Братья Лукояновы занимались не только торговлей лесными изделиями, но и бондарным производством. В начале 1890-х гг. под руководством одного из братьев началось производство водочных бочонков, в результате чего ежегодно изготавливалось до 12 тыс. бочонков с общей стоимостью до 9 тыс. руб. Согласно подворной переписи 1891 г., семья Лукояновых имела два дома на 2 300 руб., 1 шалаш в 10 руб., 6 лошадей на 70 руб., 6 коров на 60 руб., 10 овец на 5 руб. Вместе с тем в этом селении в среднем на один двор приходилось 1,6 коров и 1,9 лошадей²⁷⁹. Торговлей дубовым лесом и его разработкой занимался крестьянин Д. Ф. Саракеев. Он, как успешный предприниматель, владел 2 пароходами: «Черемисин» и «Измаил», которые плавали по Волге, Суре и Каме. Он вел активное сотрудничество с акционерным обществом «Сормово», поставляя дубовые кряжи²⁸⁰. Как видно, в горномарийской деревне наблюдалось социальное расслоение, приведшее к формированию узкого слоя

²⁷⁷ Чимаев А. Н. Некоторые особенности развития крестьянских промыслов на территории Марийского края в 60-х – начале 80-х гг. XIX в. // Марийский археографический вестник. 1993. № 3. С. 52; Филонов А. А. Природно-географические условия развития лесного хозяйства Марийского края во второй половине XIX – начале XX в. // Марийский археографический вестник. 2013. № 23. С. 47.

²⁷⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. 15 а. С. 616.

²⁷⁹ Чимаев А. Н. О предпринимательстве крестьян на территории Марийского края в конце XIX – начале XX в. // Марийский археографический вестник. 2005. № 15. С. 86.

²⁸⁰ Филонов А. А. Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX – начала XX веков. Йошкар-Ола, 2014. С. 146.

предпринимателей и наемных рабочих. Благоприятные природно-климатические условия и удобное географическое расположение способствовали успешному функционированию лесосплава по Волге и ее притокам. Большое развитие получили извоз, бурлачество, портничество, жнитва и др.²⁸¹

Ежегодно в Козьмодемьянске проводилась крупная лесная ярмарка, имевшая всероссийское значение. Благодаря густой сети притоков Волги на этом месте была сосредоточена доставка лесоматериалов из разных уездов Вологодской, Костромской, Казанской, Нижегородской и Симбирской губерний. В рассматриваемый период наблюдалась тенденция роста участников Козьмодемьянской лесной ярмарки. По данным 1863 г., численность рабочих, прибывших на ярмарку, составляла 2 тыс. чел., а в 1877 г. она увеличилась до 10 тыс. чел., соответственно в 1889 и 1893 гг. – до 20 тыс. чел., в 1913 г. – до 30 тыс. чел. Как отмечают исследователи, в начале XX в. рабочих на ярмарке иногда насчитывалось до 50 тыс. чел. Основную массу участников ярмарки представляли рабочие-сплавщики, среди которых встречались и крестьяне из числа горных марийцев. Значимость Козьмодемьянской лесной ярмарки заключалась в том, что она способствовала развитию крестьянского лесного предпринимательства²⁸². В годы Первой мировой войны наблюдалось сокращение заготовки леса и его сплава на Козьмодемьянскую лесную ярмарку. В результате революции и начавшейся Гражданской войны деятельность лесной ярмарки прекратилась²⁸³.

В рассматриваемое время на территории Козьмодемьянского уезда начали функционировать различные заводы. По данным 1886 г., в Козьмодемьянском уезде действовал единственный в этой местности вароварный и скипидарный завод, который находился в с. Отары Ардинской

²⁸¹ ГА РМЭ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 44. Л. 56.

²⁸² Иванов А. Г. Козьмодемьянская лесная ярмарка: к постановке проблемы // Марийский археографический вестник. 2008. № 18. С. 4–14.

²⁸³ Документальные материалы о Козьмодемьянской лесной ярмарке конца XIX – начала XX в. / Подготовка к публикации, предисловие и примечание А. Н. Чимаева // Марийский археографический вестник. 2013. № 13. С. 198.

волости. Часть добываемой смолы поступала на завод, а оставшаяся часть поставлялась крупным скупщикам²⁸⁴. Норма поставки продукта составляла 2 000 пудов смолы и 700 пудов скипидара. Весьма широкое развитие получило смолокурение. В Козьмодемьянском уезде в конце XIX в. действовало 19 скипидарных печей в сочетании со смологонными казанами²⁸⁵.

Широкое распространение среди крестьянских промыслов получил рогожно-кулеткацкий. По данным 1890 г., в Козьмодемьянском уезде этим промыслом были заняты 30 марийских крестьян. Для работы у рогожного стана требовалось 3 чел. В общей сложности рогожным промыслом занимались 90 чел. из числа горных марийцев, в основном работавших на скупщиков. Получив сырье, ткали рогожи на дому, привлекая к этому детей с 10-12 лет. Кроме того, в Козьмодемьянском уезде действовали 16 рогожных предприятий, принадлежавших представителям крестьянской верхушки. Размер полугодового среднего дохода горномарийской семьи от занятия рогожным промыслом равнялся 17,7 руб.²⁸⁶ Как видно, данный промысел имел важное значение в поддержании жизнеобеспечения крестьянского двора. По данным 1890 г., в незначительной степени в Виловатовражской и Кулаковской волости Козьмодемьянского уезда встречались крестьяне, занимавшиеся добычей извести и камня, в Тойдаковской волости – драньем лыка и мочала, Ардинской волости – собирательством меха и клюквы.

Большое развитие получила обработка продуктов земледельческой культуры, в том числе мукомольный, солодовенный, маслобойный, пекарный промыслы. В последней четверти XIX в. в Марийском крае, в том числе и у горных марийцев, встречались мукомольные мельницы, основанные на наемном труде. В рассматриваемое время начали появляться ветряные мельницы, что было связано с хозяйственным освоением территории, вырубкой леса и обмелением рек. Согласно статистическим данным середины XIX в., в

²⁸⁴ Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии. Казань, 1887. С. 68–69.

²⁸⁵ Данилович К. В. Кустарные промыслы Марийского края и их экономическая организация в пореформенный период // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1961. Вып. XVI. С. 42.

²⁸⁶ Там же. С. 53–54.

Козьмодемьянском уезде насчитывалось 325 водяных мельниц. Впервые было отмечено наличие 3 ветряных мельниц²⁸⁷. В 1916 г. в Козьмодемьянском уезде функционировало 12 мелких заводов по переработке растительных продуктов, в которых сумма производства составляла 358 215 руб.²⁸⁸

Вторая половина XIX в. стала расцветом различных кустарных промыслов. Согласно данным Козьмодемьянской земской уездной управы от 14 апреля 1889 г., различными промыслами в уезде было занято 3 135 чел., среди них кузнечным ремеслом занимались 52 чел., слесарным – 15, изготовлением изделий из серебра и производством украшений – 16, добыванием камня и обработкой извести – 11, кирпичным производством – 76, печным, штукатурным, малярным и стекольным – 22, смолокурением – 130, драньем корья, лыка, мочала и мха – 90, изготовлением изделием из лыка и мочала – 538, пилкой леса – 1 380, плетением корзин и изготовлением гнутой мебели – 65, плотничеством – 191, бондарным и изготовлением деревянной посуды – 45, изготовлением всякого рода экипажей (телеги, сани, повозки, полозья и т. п.) – 263, столярным, токарным и паркетным – 45, овчинным – 11, кожевенным, шорным, рукавичным – 12, сапожным – 30, шерстобойным – 3, валяльным – 23, портняжным и шапочным – 117 чел., не считая кустарей по изготовлению «козьмодемьянок», палок из карельской березы, мастеров по изготовлению пологов (*шб́нгӓлык*) из домашнего холста и других промыслов. Характерно, что в эту сферу все больше проникали скупщики²⁸⁹.

По наблюдениям современника А. Ф. Риттиха, среди горных марийцев все больше становилось всевозможных мастеров и кустарей. В 1890 г. в Козьмодемьянском уезде насчитывалось 204 плотника, 49 кузнецов, 17 слесарей, 46 столяров, 154 кирпичника, 14 печников, 224 мастера, производившего колеса, дуга, телеги и сани, 45 бондарей, 71 мастер по гнутой

²⁸⁷ Андреев И. А. О марийско-русских историко-культурных взаимосвязях в земледелии // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. АЭМК. 1987. Вып 11. С. 52.

²⁸⁸ Козьмодемьянск и его уезд в 1916 году (по сведениям адрес-календаря и справочной книжки Казанской губернии) / Предисловие, подготовка к печати и примечания Н. А. Вахрушевой // Марийский археографический вестник. 1993. № 3. С. 111.

²⁸⁹ ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 647. Л. 12–14 об., 36, 50–58 об., 98–108.

мебели, 8 мастеров по изготовлению гуслей и гармоней, 57 чел. по плетению лаптей, 16 золотых и серебряных дел мастеров, каменщики, маляры, неплохо зарабатывавшие в различных городах²⁹⁰. Изделия народных умельцев были весьма разнообразны: это различной формы сундуки, гнутая мебель, плетеные тарантасы, деревянные сани, бочки, трости и даже гусли и гармони. В начале XX в. из Козьмодемьянского уезда было вывезено 13 000 стульев, половина из них – в Москву²⁹¹.

В горномарийских селениях большое развитие получили промыслы по производству шейных цепочек из альпака. По данным 1909 г., в Козьмодемьянском уезде этим промыслом были заняты 49 чел. Своими ювелирными мастерами прославилась д. Чаломкино Больше-Юнгинской волости, являвшаяся единственным центром в Марийском крае по производству серебряных цепочек. Здесь в каждом доме крестьяне от мала до велика занимались изготовлением цепочек, крестиков, перстней, дужков к цепочкам, колец, браслетов, подков для женских сапогов из бронзы, пуговиц к кафтанам и колокольчиков. Недаром характеризуя чаломкинских парней, местные жители говорили: «Чаломкинские молодцы – серебряные ложечки». Местом сбыта этих изделий являлись г. Ядрин, с. Большой Сундырь, с. Еласы и с. Сумки²⁹².

Среди горных марийцев Васильсурского уезда большое распространение получили мукомольный, кузнечный, поташный, бондарный, кирпичный промыслы, жжение извести, изготовление ободьев и полозьев, лаптеплетение, лесоторговля, отхожий и другие промыслы. Согласно свидетельству И. И. Звездина, в конце XIX в. многие крестьяне Емангашской волости

²⁹⁰ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. X: Козьмодемьянский уезд. Казань, 1891. С. 86.

²⁹¹ Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV. Казань, 1891. С. 79; Иванов А. Г. Марийцы Поволжья и Приуралья в XIX в.: традиции и новации // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей. Slavic Research Center Hokkaido University, Sapporo, Japan, 2003. С. 292–293.

²⁹² История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 259–260; Иванов А. Г., Николаев Г. А. Крестьянское хозяйство и быт горных марийцев в описаниях Х. А. Родионова начала XX века // Марийский археографический вестник. 2008. № 18. С. 149.

Васильсурского уезда были заняты отхожими промыслами, что объяснялось близостью к Волге и ее притокам. На работу в речных судах и хлебных пристанях в среднем в год уходило 150 чел. Их средний заработок колебался от 30 до 100 руб. в год. Некоторые емангашские крестьяне были заняты производством полозьев на стороне в 50-70 км в Симбирском и Курмышском уездах²⁹³. Территориальное размещение рядом с Волгой и ее притоками способствовало развитию мукомольного промысла. Так, несколько мукомольных мельниц действовало на р. Сумка²⁹⁴.

Немаловажное значение среди домашних промыслов имело плетение лаптей. Как отмечал краевед-современник И. И. Звездин, в Емангашской волости Васильсурского уезда этим промыслом были заняты 990 дворов, из них 340 дворов в Емангашском обществе, 350 дворов – в Шалтыковском, 200 дворов – в Крайних Шешмарах, 100 дворов – в Средних Шешмарах. В среднем в год умелый домохозяин мог изготовить до 200 пар лаптей, а в течение дня – 4 пары. В целом по Емангашской волости в среднем за год горномарийские крестьяне могли сплести до 120 тыс. пар лаптей с общей суммой в 9,6 тыс. руб. Основными местами сбыта емангашских лаптей являлись с. Сумки, Юрино и Воротынец. Среднегодовой доход одного работника равнялся 5 руб.²⁹⁵ Занятия различными промыслами приносили крестьянской семье немалый доход. Так, за 1870–1880-е гг. доходы от неземледельческих промыслов увеличились в 4 раза. За счет этого у горномарийских крестьян появилась возможность погасить более половины своих платежей. По данным 1890 г., в данном уезде различными промыслами занимались 8 123 чел. (9,3 % общего населения уезда), доход которых достигал

²⁹³ Звездин И. И. Краткий очерк состояния кустарно-отхожих промыслов Васильского уезда // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом. Т. IX. Под ред. А. С. Гацисского. Нижний Новгород, 1890. С. 13.

²⁹⁴ История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 376.

²⁹⁵ Звездин И. И. Краткий очерк состояния кустарно-отхожих промыслов Васильского уезда // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом. Т. IX. Под ред. А. С. Гацисского. Нижний Новгород, 1890. С. 14.

до 150 593 руб.²⁹⁶ В начале XX в. их удельный вес составлял 14,7 %, а в Чебоксарском – 11,2 %, в Царевококшайском – 14 %. В целом по Казанской губернии средний показатель равнялся 9,2 %.

Большую ценность представляют сведения о мастерах по обработке дерева в Козьмодемьянском уезде на 1890 г. В это время в уезде насчитывалось 42 крестьянина из деревень Цыганово и Никон-Лык Больше-Юнгинской волости, занимавшихся изготовлением дубовых гробов. Количество мастеров по изготовлению плетеных сундуков и гнутой мебели из черемуховых прутьев составляло 71 чел. Основной территорией сбыта этих продуктов были крупные города, в том числе Москва, Нижний Новгород и другие. Их скупкой занимались не только русские купцы, но и марийские крестьяне. В частности, крестьянин из числа горных марийцев деревни Сарапаево Больше-Юнгинской волости был одним из скупщиков гнутой мебели в Козьмодемьянском уезде²⁹⁷. Согласно сведениям 1892 г., 2 жителей с. Малый Сундырь Виловатовражской волости занимались шитьем и починкой обуви. В с. Юльялы этой же волости 3 крестьян занимались портняжным делом, доход которого равнялся 45 руб. Печным делом были заняты 2 жителей. Их заработок в среднем доходил до 30 руб.²⁹⁸

Горные марийцы славились своими умельцами по корзиноплетению. В частности, горные марийцы Виловатовражской волости сбыт своих изделий производили скупщикам И. О. Парандаеву и И. Г. Кириллову из д. Пикузино этой же волости. В начале XX в. прибыль крестьян от продажи корзин доходила до 3 тыс. руб. Известный скупщик И. О. Парандаев из д. Пикузино Виловатовражской волости участвовал на Всероссийской кустарно-ремесленной выставке в Санкт-Петербурге в 1902 г. Его уникальная работа была удостоена бронзовой медали. Скупкой плетеных корзин занимались и

²⁹⁶ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. X: Козьмодемьянский уезд. Казань, 1891. С. 79.

²⁹⁷ Данилович К. В. Кустарные промыслы Марийского края и их экономическая организация в пореформенный период // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1961. Вып. XVI. С. 55.

²⁹⁸ Приволжские города и селения в Казанской губернии с картою р. Волги и рисунками. Казань, 1892. С. 36–37.

другие жители д. Пикузино. Так, в 1898 г. в Козьмодемьянскую земскую уездную управу поступило обращение от крестьянина Г. К. Курнова с просьбой выдачи кредита на сумму 500 руб. В своем прошении он объяснял, что основной род его деятельности представлен скупкой корзин у крестьян из соседних деревень и их сбыт в Москве, Симбирске, Нижнем Новгороде, Саратове, Астрахани, Царицыне, Самаре²⁹⁹. Сохранившиеся материалы 1897 г. в значительной степени дополняют сведения о торгово-промышленных заведениях и хлебных амбарах в Козьмодемьянском уезде (см. таблица б).

Таблица б – Торговые занятия и промыслы в
Козьмодемьянском уезде в 1898 г. *

Перечень торговых занятий и промыслов	Название волости с горномарийским населением					Всего
	Ардин- ская	Больше- Юнгинская	Виловато- вражская	Кулаков- ская	Мало- Карачкинская	
Мукомольные мельницы	6	20	26	5	3	60
в т.ч. водяные	6	19	22	5	3	55
ветряные	—	1	4	—	—	—
Кузница	5	8	—	1	—	14
Заводы	4	26	6	2	—	38
в т.ч.:						
Лесопильный	1	—	—	—	—	1
Скипидароварный	1	—	—	—	—	1
Стружечный	1	—	—	—	—	1
Кирпичный	—	18	5	—	—	23
Для гнутья полозьев, ободьев	—	8	—	—	—	8
Кожевенные	—	—	1	1	—	2
Маслобойные	—	—	—	1	—	1
Кумысное	1	—	—	—	—	1
Пчельники	1	15	—	1	—	17
Торговые лавки	15	14	3	7	5	44
Общественные хлебо-запасные амбары	16	4	6	16	4	46

* Составлено по: А. Спиридонов. Населенные местности Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Козьмодемьянск, 1898. С. 3–90.

²⁹⁹ Чимаев А. Н. О предпринимательстве крестьян на территории Марийского края в конце XIX – начале XX в. // Марийский археографический вестник. 2005. № 15. С. 88.

Как видно из таблицы 6, в волостях Козьмодемьянского уезда с горномарийским населением имелось 60 мельниц, в том числе 55 водяных и 5 ветряных, 14 кузниц, 38 заводов, в том числе лесопильный, скипидароварный, стружечный, 23 кирпичных, 8 заводов для гнутья полозьев и ободьев, 2 кожевенных, маслобойный и кумысный; 17 пчельников, 44 торговые лавки и 46 общественных хлебо-запасных амбаров. В Ардинской волости насчитывалось 6 мукомольных водяных мельниц, 5 кузниц, 4 завода, в том числе лесопильный, скипидароварный, стружечный, кумысный; пчельник, 15 торговых лавок и 16 хлебо-запасных амбаров. В Больш-Ююнгинской волости было отмечено наибольшее количество заводов – 26, из них 18 кирпичных и 8 для гнутья полозьев и ободьев. Кроме того, здесь было расположено 20 мукомольных мельниц (19 водяных и 1 ветряная), 15 пчельников, 14 торговых лавок, 4 хлебо-запасных амбара.

Наибольшее количество мельниц имелось у крестьян Виловатовражской волости – 26, из них 22 водяные и 4 ветряные. Здесь же функционировали 6 заводов: 5 кирпичных и один кожевенный, 3 торговые лавки и 6 хлебо-запасных амбаров. В Кулаковской волости во владении крестьян находилось 5 ветряных мельниц, 1 кузница, кожевенный и маслобойный заводы, пчельник, 7 торговых лавок и 16 хлебо-запасных амбаров. В смешанной Мало-Карачкинской волости в марийских селениях имелось 3 ветряные мельницы, 5 торговых лавок и 4 амбара³⁰⁰. Мельницы и заводы имели только зажиточные крестьяне. В целом обращение крестьян к неземледельческим занятиям приносило немалый доход, который служил подспорьем для крестьянского двора. Нередко, особенно в неурожайные годы, эти промыслы являлись основным источником существования крестьянской семьи и ее членов³⁰¹.

Материальное положение отдельных крестьянских хозяйств горных марийцев рассматриваемого времени можно изучить благодаря сохранившимся

³⁰⁰ Спиридонов А. Населенные местности Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Козьмодемьянск, 1898. С. 3–90.

³⁰¹ Никулин В. Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2017. С. 71.

описаниям современников. Так, финский ученый А. Хейкель в своем исследовании 1884 г. оставил уникальные зарисовки старинной планировки марийского крестьянского двора д. Важнангер Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда (см. приложение 12). Как видно, в нем традиционно были расположены жилая изба «*nört*», летняя кухня «*куды*», клеть «*клäт*», хлева и сараи, погреб «*мүгреш*». По данным 1917 г., крестьянские хозяйства горных марийцев характеризовались следующим образом. В частности, в с. Арда Ардинской волости крестьянская семья Ивана Ефремова Горшкова, состоявшая из 10 чел., в своем хозяйстве имела две избы с сенями, лачугу, хлебный амбар, две теплые конюшни, два сарая на столбах, амбар³⁰². Встречались и такие семьи, которые оказались в более бедственном положении. Так, в хозяйстве крестьянина Ивана Васильева Толбаева, в котором проживало 6 чел., имелись одна изба, сарай и клеть. В д. Чаломкино Больше-Юнгинской волости хозяйственный двор крестьянина Семена Сергеевича Сергеева, в семье которого числилось 6 чел., состоял из избы, сарая, конюшни, бани³⁰³. Эти данные свидетельствуют о наличии глубокого социального расслоения среди крестьянства. Усиление торговли между волостями, уездами и губерниями способствовало проникновению товарно-денежных отношений в марийскую деревню и изменению натурального уклада жизни крестьян. В рассматриваемое время в быт горных марийцев постепенно проникала фабричная и промышленная продукция (сукна, шелковые и бумажные ткани, сахар, чай, керосиновые лампы, самовары и другое).

Таким образом, территория расселения горных марийцев оставалась неизменной и характеризовалась устойчивыми темпами прироста населения. Этому в значительной мере способствовали благоприятные природно-географические условия и традиционная система жизнеобеспечения. Основными хозяйственными занятиями горных марийцев продолжали оставаться пашенное земледелие и животноводство, носившие экстенсивный

³⁰² ГА РМЭ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 45. Л. 11.

³⁰³ Там же. Л. 18.

характер. Однако устоявшиеся способы возделывания земли и попытки введения новшеств не всегда давали желаемого результата. На развитие животноводства существенное влияние оказывали недостаток сенокосных угодий и кормовой базы, периодические вспышки эпизоотии и другие негативные факторы. Характерной особенностью второй половины XIX – начала XX в. стало увеличение количества безлошадных и бескоровных хозяйств, в особенности в годы Первой мировой войны. Мобилизация трудоспособной части мужского населения, сокращение рабочей силы, скота стали причиной уменьшения посевных площадей, и соответственно падения урожайности, роста налогов и недоимок для основной массы крестьян.

В целом, в рассматриваемое время все большее значение в крестьянской семье приобретали различные промыслы и отходничество, носившие в основном сезонный характер. Примечательным стало как расширение перечня различных видов ремесленной деятельности, так и увеличение численности горномарийского населения, занятого в этой сфере. Одновременно крестьянские промыслы претерпели качественные изменения. Домашние и кустарные занятия постепенно перерастали в мелкотоварное производство. В условиях начавшегося процесса имущественного и социального расслоения крестьянского населения происходило формирование узкого слоя деревенской верхушки, вкладывавшей свои средства в различные виды торгово-предпринимательской деятельности. Основная масса крестьянских дворов была среднего достатка, и лишь незначительная часть относилась к деревенской бедноте. Развитие горномарийской деревни исторически обуславливалось как общими, так и специфическими факторами.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОРНОМАРИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

§ 2.1. Особенности развития семейно-брачных отношений в первой половине XIX в.

Социально-экономическое развитие российской деревни, в том числе марийской, и в частности горномарийской, в XIX – начале XX в. было обусловлено многими факторами, среди которых особое место занимал институт семьи как основная демографическая, хозяйственная, фискально-податная, социокультурная и этноконфессиональная единица сельской общины. Традиционно семья создавалась на основе брака, который становился залогом самостоятельности в общине. Только люди, состоявшие в браке, имели возможность участвовать на сельских сходах, могли получить земельный надел – главный источник средств существования, и завести самостоятельное хозяйство³⁰⁴. Брак являлся моральным долгом для крестьянина. Здоровый человек, не желавший по каким-либо причинам заводить семью, даже не считался настоящим крестьянином³⁰⁵. По существу, несоблюдение этических норм и нарушение обычаев способствовали тому, что крестьянин оказывался вне общества. Поэтому проблема семейно-брачных отношений занимала важнейшее место в жизни крестьян в XIX – начале XX в.

Процесс создания семьи был тесно связан со свадебными обрядами. Свадьба являлась не только эмоциональным составляющим, но и в значительной мере была призвана узаконить и обеспечить семью необходимым материальным и денежным достатком, движимым и недвижимым имуществом. В связи с этим важным представляется рассмотрение традиционной горномарийской свадебной обрядности, анализ которой дает возможность выявить особенности процесса оформления брака. В данном случае большую

³⁰⁴ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере. М., 1976. С. 24.

³⁰⁵ Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. 2010. С. 46.

ценность представляют историко-этнографические описания горномарийской свадьбы середины XIX в. известного чувашского историка, просветителя и писателя С. М. Михайлова. Он первым из исследователей обратил внимание на такие вопросы, как традиционная свадебная обрядность горных мариюцев, сезонность брачных союзов, возраст вступления в брак, традиционное и религиозное оформление брака³⁰⁶. В своей работе автор подробно описал предсвадебные обряды, включая подготовку к свадьбе, выбор и функции свадебных чинов, сценарий праздничной церемонии, фольклор и устойчивые обрядовые элементы³⁰⁷.

По наблюдениям С. М. Михайлова, как очевидца, главное предназначение крестьянской семьи отражалось в молитве, с которой молодожены обращались к богу в день сватовства: *«Юма, перегге, Юма, шулукым пу, Юма, пурлукум пу, Юма, паян лишта, Юма, шюмь удюрюм пу, Юма, шюмь эргем пу, Юма, пиялам пу!»* (*«Господи, сохрани, Господи, благополучие подай, Господи, дай богатства, Господи, семь дочерей дай, Господи, семь сыновей дай, Господи, всякого счастья дай!»*)³⁰⁸. И это не случайно, в условиях натурального ведения хозяйства жизнеспособность крестьянской семьи во многом зависела от количества рабочей силы в ней. Поэтому основные обрядовые действия уже в предсвадебный этап были направлены на дальнейшее благополучие новой семьи, которое, в первую очередь, выражалось в возможности продолжении рода.

Благосостояние будущей семьи во многом зависело от материального и денежного достатка. Поэтому при заключении брака горные мариюцы преследовали и хозяйственные цели. По сложившейся традиции, горномарийская семья строилась на основе патриархальных отношений. После

³⁰⁶ Калинина О. А. Свадебные обряды горных мариюцев в этнографической литературе // XIII Игнатьевские чтения. Материалы докладов и выступлений на Республиканской конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Л. П. Васиковой (Козьмодемьянск, 1 апреля 2013 г.). Йошкар-Ола, 2014. С. 242.

³⁰⁷ Васканова Н. А. Вклад С. М. Михайлова в изучение этнографии горных мари / Краеведческий музей: история, коллекции, люди» (к 150-летию Кировского областного краеведческого музея): сб. статей и материалов. Киров, 2016. Т. 2. С. 12.

³⁰⁸ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского, мариюского народов. Чебоксары, 1972. С. 133.

вступления в брак женщина переходила в дом мужа, что влекло потерю рабочей силы и тяжело отражалось на состоянии семьи ее родителей.

В связи с этим по традиции жених обязан был отдать выкуп родителям невесты – калым (*ална*). В Козьмодемьянском уезде его максимальный размер достигал до 57 руб. 16 коп. серебром, а минимальный – от 1 до 26 руб. серебром³⁰⁹. Среди горных марийцев Емангашской волости Васильсурского (Васильского) уезда калым был выше и колебался от 50 до 100 руб.³¹⁰ Точно также отмечал в своих описаниях прусский чиновник, экономист Август Гакстгаузен, побывавший в д. Куликалы Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда в 1843 г.³¹¹ Судя по размеру калыма, можно предполагать, что он расценивался как компенсация родителям невесты от семьи жениха за переход их дочери в другую семью. При этом факты поселения мужа в доме жены или ее родителей, как правило, встречались лишь в исключительных случаях. Это отразилось и в народном фольклоре. Так, одна из горномарийских пословиц гласит следующим образом: «*Бӱдӱр тоны ак ӱлӱ, курымок марлан кей*» («*Девушка у родителей (дома) не живет, во все века замуж выходила*»)³¹².

Сведения о выплате денежных или материальных средств как обязательного условия горномарийской свадьбы встречались и в описаниях других современников. Так, в заметках одного из видных нижегородских краеведов 40-х гг. XIX в., архимандрита Макария отмечено, что у горных марийцев Васильсурского уезда Нижегородской губернии во время сватовства ворота дома невесты не отворялись до тех пор, пока жених не даст «... известное число денег и пирог, или лепешку» брату или ближайшему родственнику невесты»³¹³. В свою очередь, невеста дарила жениху и его

³⁰⁹ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского, марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 134.

³¹⁰ История и культура народов Марий Эл в источниках середины XIX века / Мар. гос. ун-т; сост., предисл. и примеч. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2016. С. 99.

³¹¹ Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. Т. 1. С. 408.

³¹² Грачева Ф. Т. Горномарийские пословицы, поговорки, приметы, загадки. Йошкар-Ола, 2001. С. 23.

³¹³ История и культура народов Марий Эл в источниках середины XIX века / Сост., предисл. и примеч. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2016. С. 105.

родственникам заранее приготовленные холсты. Как видно, при заключении брака горные мари́йцы преследовали и экономические цели.

В рассматриваемое время горные мари́йцы при заключении брака особое внимание уделяли устойчивым обрядовым элементам. По описанию С. М. Михайлова, уже день сватовства можно было расценивать как начало формирования супружеской пары (предсвадебный этап). Об этом свидетельствует обряд трехкратного обмена кольцами молодоженов³¹⁴. В свадебной обрядности сохранялись и языческие традиции. В день сватовства молодая пара проводила обряд жертвоприношения – перед принятием пищи жених и невеста бросали традиционные лепешки в огонь в целях задабривания богов и обеспечения будущего благосостояния их семьи. На третий день после сватовства жених или его отец снова посещали дом невесты с целью принятия решения о дате свадьбы и количестве приданого невесты. С этого момента начиналась тщательная подготовка к самой свадьбе. На традиционной горномари́йской свадьбе обязательно должны были присутствовать «первенствующие» лица: «сү́йнвуй» (свадебный голова) избираемый из ближайших родственников со стороны жениха, «кого вингё́й» (старший зять), назначаемый из числа зятьев жениха или других его родственников, *свах* – жена «кого вингё́й», «арвингё́й» – дружка жениха с нагайкой, одетый в специальный белый фартук «запон», «изиарвингё́й» с нагайкой, волынщик (пузырник) и два-три барабанщика. При этом ключевую роль в свадебной церемонии играли «сү́йнвуй» (свадебный голова) и «кого вингё́й» (старший зять)³¹⁵. Присутствие на горномари́йской свадьбе специально назначенных лиц свидетельствует о публичном характере межличностных отношений. Свидетелями зарождения новой крестьянской семьи, как основной социальной ячейки, являлись все односельчане.

По наблюдениям современников, родители жениха и невесты, ближние и дальние родственники и сородичи, однодеревенцы и другие общинники

³¹⁴ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского, мари́йского народов. Чебоксары, 1972. С. 133.

³¹⁵ Там же. С. 135.

принимали активное участие в формировании первоначальной материальной основы семьи. Описание этого процесса можно встретить в заметках священника М. С. Кроковского: «... Покончив это, дружка опять спрашивает каждого обдаренного, чем они на первый раз из своего состояния поделятся с молодыми»³¹⁶. При этом если в крестьянской семье жених являлся единственным сыном, то все движимое и недвижимое имущество родителей полностью передавалось ему по наследству³¹⁷.

Примечательно и то, что горномарийский свадебный комплекс имел свои особенности, отличавшие его в определенной степени от свадебного обряда других этнографических групп марийцев – луговых и восточных³¹⁸. Сценарий свадьбы у горных марийцев, по свидетельству С. М. Михайлова, представлял собой довольно упрощенный вариант. Так, свадебный поезд из дома жениха сразу же направлялся в дом невесты, не заезжая в дом родственников. Обязательным считалось посещение приходской церкви для совершения венчания, после которого свадебный поезд возвращался в дом жениха³¹⁹.

Обряд венчания являлся одним из важнейших этапов горномарийской свадьбы. По наблюдениям современников, религиозному оформлению брака горномарийские крестьяне придавали первостепенное значение. Именно после совершения таинства венчания проводился традиционный обряд, связанный со сменой девичьего головного убора невесты на замужний («*шарпан*» и «*нашмак*»). С этого момента можно было считать, что языческое и церковно-христианское оформление брака совершилось. В последующем молодая пара обозначалась автором как «новобрачные»³²⁰.

Об укреплении православных традиций свидетельствует и то, что родители жениха перед поездкой к невесте молились и благословляли сына по

³¹⁶ Кроковский М. С. Этнография горных черемис, обитающих Казанской губернии в Козьмодемьянском уезде // История и культура народов Марий Эл в источниках середины XIX века / Сост., предисл. и примеч. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2016. С. 17.

³¹⁷ Сепеев Г. А. Этнография марийского народа. Йошкар-Ола. С. 120.

³¹⁸ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 233.

³¹⁹ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского, марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 143.

³²⁰ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского, марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 143–144.

«русским обычаям» (т.е. по православным канонам). Действительно, среди горных марийцев православная вера играла значительную роль. Только в Козьмодемьянском уезде, по данным исповедных ведомостей за 1848 г., насчитывалось 11 церковных приходов с горномарийскими прихожанами³²¹. По данным исповедных ведомостей начала XX в., в этом же уезде насчитывалось 23 прихода с марийским населением³²².

Характерно и то, что одной из важных отличительных черт горномарийского свадебного комплекса являлось устройство в день свадьбы во дворе как у жениха, так и у невесты специального четырехугольного места из досок под названием «*шиллык*», положенных на чурбанах высотой не менее 70 см, с широкой площадкой для плясок. По описанию С. М. Михайлова, в одном из углов «*шиллык*» ставились два стола с пивом, вином и караваем черного хлеба, а к одному из столов дружка жениха ставил березу. Очевидно, «*шиллык*» был связан с языческими традициями, и поставленная береза символизировала образ священного дерева³²³. В описаниях И. Я. Молярова конца XIX в. отмечалось, что под березой ставился трапезный стол, за которым сидели «брачный голова» и «распорядитель пира»³²⁴. Очевидно, что совершение в «*шиллык*» всех ключевых элементов свадебной обрядности свидетельствует об отношении горных марийцев к «*шиллык*» как священному месту. Именно здесь гости свадьбы преподносили молодоженам свои подарки, которые становились материальной основой молодой семьи³²⁵.

Важным представляется и определение времени проведения свадеб, о чем неоднократно писали современники. Как очевидец, С. М. Михайлов отмечал, что горные марийцы в основном играли свадьбы летом после Петрова дня. Однако он подчеркивал, что уже в середине XIX в. «...при постепенном

³²¹ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 487. Л. 1–995.

³²² Там же. Д. 622. Л. 1–1133.

³²³ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского, марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 135–136; Его же. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 151.

³²⁴ Моляров И. Я. Беседы к черемисам Кузнецовского прихода кузнецовского школьного учителя Ивана Яковлевича Молярова // Известия по Казанской епархии, 1873. № 7. С. 114.

³²⁵ Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского, марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 145; Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 151.

сближении их с обычаями русских, бывают у них свадьбы часто и зимою»³²⁶. Не менее ценным является рассмотрение вопроса относительно брачного возраста жениха и невесты. Вышеназванный автор подметил, что молодые люди женились немедленно при достижении совершеннолетия до отправления в рекруты, «...равно и девицы выходят замуж в цвете лет»³²⁷. В заметках современников видно, что призывы в рекруты традиционно проходили осенью. При этом они объявлялись приходским священником заранее в начале года, накануне Рождества или Крещения³²⁸.

Нельзя не отметить и такой фактор, влиявший на брачный возраст жениха, как несение воинской повинности. По нормам действовавшего законодательства, срок солдатской службы в 1793 г. сократился и равнялся 25 годам, соответственно в 1834 г. – 20 годам, 1855 г. – 12 годам, 1872 г. – 7 годам, 1874 г. – 6 годам, 1876 г. – 5 годам, 1905 г. – 3 годам. Призывной возраст до Крымской войны 1853–1856 гг. определялся 20-35 годами, затем высший предел был понижен до 30 лет. После введения жеребьёвой он равнялся 21 году³²⁹.

Отмечая неопценимый вклад С. М. Михайлова и других современников в изучение горномарийской свадьбы, следует признать, что вопрос относительно «брачного округа» в Козьмодемьянском и Васильсурском уездах не был предметом специального изучения в их трудах. На наш взгляд, целостное рассмотрение семейно-брачных отношений требует комплексного подхода, включающего такие ключевые элементы, как динамика брачности, возраст вступления в брак, сезонность брачных союзов, определение брачного округа и степень распространенности межэтнических браков. Для этого нами были приведены материалы метрических книг четырех церковных приходов – Чермышевского прихода Больше-Юнгинской волости, Малосундырского прихода Виловатовражской волости, Кожважского прихода Паратмарской

³²⁶ Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 133.

³²⁷ Там же. С. 148.

³²⁸ Крестьянское хозяйство и быт горных марийцев в описаниях Х. А. Родионова начала XX века (публ. А. Г. Иванова, Г. А. Николаева) // Марийский археографический вестник. 2008. № 18. С. 150.

³²⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2. С. 208.

(затем Кожваш-Сигачкинской) волости, Ардинского прихода Ардинской волости Козьмодемьянского уезда. Проведенный нами анализ первичных архивных статистических данных свидетельствует, что в рассматриваемое время в этих приходах было зарегистрировано 5 373 брака (см. таблица 7).

Таблица 7 – Динамика брачности в горномарийской деревне
в первой половине XIX в. *

Количество браков (по десятилетиям)	Названия сел церковных приходов									
	Чермышево (Еласы)		Малый Сундырь		Кожважи		Арда		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1800–1809	233	14,5	421	19,2	–	–	192	15,6	846	15,7
1810–1819	234	14,6	432	19,6	–	–	261	21,0	927	17,3
1820–1829	354	22,1	444	20,2	–	–	257	20,7	1 055	19,6
1830–1839	355	22,1	431	19,6	177	53,6	243	19,6	1 206	22,5
1840–1849	429	26,7	470	21,4	153	46,4	287	23,1	1 339	24,9
Итого	1 605	100	2 198	100	330	100	1 240	100	5 373	100

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421; Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514; Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513.

Из этого числа 2 198 брачных союзов (40,9 %) было совершено в Малосундырском приходе Виловатовражской волости. В среднем ежегодно в этом приходе заключалось 47-48 браков. Высокие показатели брачности можно объяснить тем, что данный церковный приход являлся самым крупным среди изученных нами церковных приходов (см. приложение 13). В первой половине XIX в. к нему относились 12 горномарийских селений – с. Малый Сундырь, д. Средний Паратмар, д. Большой Паратмар, д. Малый Паратмар, д. Виловатый Враг, д. Горная Кушерга, д. Малый Яктерля, д. Большой Яктерля, д. Другой

Яктерля, околотки Мецакнур, Сарлайкино, Корчаково (см. приложение 14). По данным 1850 г., всего в них насчитывался 601 двор (2 784 муж. и 2 974 жен.)³³⁰

Второе место по количеству браков занимал Чермышевский приход Больше-Юнгинской волости, включая с. Еласы, деревни и околотки Старое Чермышево, Тяткина, Заовражные Нуженалы, Писералы, Новая, Камакануры, Пиндикова, Нуженалы, Пибайкина, Миняшкино, Юнга Кушерга³³¹. Здесь было зарегистрировано 1 605 браков (29,9 %). В среднем в год заключалось 32-33 брака. Конкретно, к этому церковному приходу относились 12 селений.

Заметно меньшее количество заключенных браков было в Ардинском приходе Ардинской волости, где численность населения значительно уступала вышеназванным церковным приходам. Здесь было зарегистрировано 1 240 браков (23,1 %). Ежегодно в среднем в этом приходе заключалось 26-27 браков. По данным 1847 г., Ардинский приход включал в себя 10 селений³³².

Особый интерес представляют данные о семейно-брачных отношениях Кожважского прихода Паратмарской (затем Кожваж-Сигачкинской) волости со смешанным марийско-чувашским населением. Из-за неполной сохранности архивных документов динамику брачности в Кожважском приходе нам удалось изучить лишь за 1830–1849 гг. За это время здесь было зарегистрировано 330 браков (6,1 %). Ежегодно в среднем заключалось 16-17 браков. Непосредственно в приходе проживали марийские крестьяне с. Кожважи, деревень и околотков Ширгиялы, Верхний, Средний и Нижний Шактенважи, Средние Кожважи, Альдиев, Лицкунур, Якимов, Митрошкин, Михаткин,

³³⁰ ГА РМЭ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514; История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 69.

³³¹ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 70.

³³² ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513; История сел и деревень Республики Марий Эл. Килемарский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 29.

Макаров, Юльял-Кожважи, Немцево, а также чувашские крестьяне д. Корчаково, д. Чирчикасы, д. Хырлыкасы³³³.

В тесной связи с вышеизложенным материалом является рассмотрение вопроса относительно динамики брачности по десятилетиям (см. приложение 15). Привлекает внимание то, что в это время наблюдалась тенденция увеличения удельного веса брачных союзов. Так, в 1800–1809 гг. в церковных приходах Козьмодемьянского уезда было зарегистрировано всего 846 браков, что составляло 15,7 % от общего числа браков в первой половине XIX в. Соответственно, в 1810–1819 гг. количество брачных союзов увеличилось на 1,6 % и составляло 927 (17,3 %). В последующем десятилетии было отмечено 1 055 браков (19,6 %). В 1830–1839 гг. количество брачных союзов увеличилось на 2,9 % и составляло 1 206 (22,5 %). Характерно, что максимальные показатели брачности во всех вышеназванных церковных приходах были отмечены в 1840–1849 гг. В этом десятилетии было зарегистрировано всего 1 339 браков (24,9 %)³³⁴. Эти показатели, возможно, были связаны с тем, что в 20-30-х гг. XIX в. демографические условия были более благоприятными.

При общей тенденции увеличения показателей брачности, тем не менее, имелись заметные колебания в темпах прироста в отдельных церковных приходах. Так, в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости в первые два десятилетия XIX в. динамика брачности оставалась неизменной. Конкретно в 1800–1809 гг. было зарегистрировано 233 брака, что составляло 14,5 % от общего количества браков, заключенных в этом приходе. Соответственно в 1810–1819 гг. было зафиксировано 234 брака (14,6 %). Значительный прирост был отмечен в 1820–1829 гг. В этом десятилетии было отмечено 354 брака (22,1 %). Такие же показатели брачности были характерны и для 1830–1839 гг., когда было зафиксировано 355 браков (22,1 %). Максимальное количество

³³³ ГА РМЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421; История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 56.

³³⁴ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421; Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514; Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513.

браков приходилось на 1840–1849 гг., когда было зарегистрировано 429 брачных союзов (26,7 %) ³³⁵.

Такая же тенденция наблюдалась и в Малосундырском приходе Виловатовражской волости. Незначительное увеличение динамики брачности было отмечено в первые три десятилетия XIX в. В 1800–1809 гг. здесь был зарегистрирован 421 брак, что составляло 19,2 % от общего количества браков, заключенных в этом приходе. Соответственно, в 1810–1819 гг. было отмечено 432 брака (19,6 %). В последующем десятилетии количество зарегистрированных браков увеличилось на 0,6 % и равнялось 444 (20,2 %). Однако в 1830–1837 гг. (данные 1838–1839 гг. не сохранились) удельный вес зарегистрированных браков уменьшился на 0,6 %. В это время был заключен 431 брак (19,6 %). Возможно, такие показатели были получены в результате неполноты сохранившихся архивных материалов. Максимальное количество браков в Малосундырском приходе было отмечено в последующем десятилетии. В 1842–1849 гг. (за исключением данных 1840–1841 гг.) было зарегистрировано 470 браков (21,4 %) ³³⁶.

Динамика брачности в Ардинском приходе Ардинской волости, расположенной в левобережной части р. Волги Козьмодемьянского уезда, имела свои особенности. Судя по нашим данным, в первые два десятилетия XIX в. здесь наблюдалась тенденция увеличения удельного веса брачных союзов.

В 1800–1809 гг. (за исключением 1800–1802 гг.) в нем было зарегистрировано 192 брака, что составляло 15,6 % от общего количества браков, заключенных в этом приходе. В 1810–1819 гг. количество брачных союзов увеличилось на 5,4 % и составляло 261 (21,0 %). Однако в последующие два десятилетия в этом приходе, в отличие от Малосундырского и Чермышевского приходов, наблюдалось уменьшение удельного веса брачных союзов. В 1820–1829 гг. было зафиксировано 257 браков (20,7 %). В 1830–1839 гг. количество

³³⁵ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414.

³³⁶ ГА РМЭ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514.

зарегистрированных браков уменьшилось на 1,1 % и составляло 243 (19,6 %). Максимальные показатели брачности, как и в остальных вышеуказанных церковных приходах, были отмечены в 1840–1849 гг. В это время было отмечено 287 браков (23,1 %) ³³⁷.

Динамика брачности имела отрицательную тенденцию в Кожважском приходе Паратмарской (затем Кожваж-Сигачкинской) волости. Материалы метрических книг 1830–1849 гг. свидетельствуют о заметном уменьшении удельного веса брачных союзов. Так, в 1830–1839 гг. было зарегистрировано 177 брачных союзов (53,6 %). В последующем десятилетии их количество уменьшилось на 7,2 % и составляло 153 брака (46,4 %) ³³⁸. Возможно, это было следствием тяжелой демографической ситуации, связанной с драматическими событиями «Акрамовской войны» 1842 г., повлекшей значительные человеческие потери.

Максимальные показатели общей брачности в церковных приходах Козьмодемьянского уезда были отмечены в 1835 г., когда было зафиксировано 176 браков, что составляло 3,3 % от общего количества браков в первой половине XIX в. Минимальные показатели брачности были отмечены в 1839 г. (1,1 %). При этом значения максимальных и минимальных показателей брачности в процентном соотношении в отдельных церковных приходах были практически одинаковыми, за исключением Кожважского прихода. Однако по времени эти показатели не совпадали. В частности, в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости максимальные показатели брачности были зафиксированы в 1840 г., когда было зарегистрировано 57 браков, что составляло 3,6 % от общего количества браков в приходе в первой половине XIX в. В Малосундырском приходе Виловатовражской волости в 1832 г. было заключено 76 браков (3,5 %). В Ардинском приходе Ардинской волости максимальное количество брачных союзов – 46 новых семей (3,7 %) – было зарегистрировано в 1804 г. В Кожважском приходе Паратмарской волости

³³⁷ ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513.

³³⁸ Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421.

больше всего браков было зарегистрировано в 1830 г. – 32 брачных союза (9,7 %) ³³⁹.

В этой связи приведем наиболее типичные примеры из записей метрических книг. Так, 17 июня 1804 г. в Ардинском приходе Ардинской волости был заключен брачный союз между 25-летним молодым человеком Иваном Петровым из с. Арда и 25-летней девушкой Анной Ивановой из того же села ³⁴⁰. 11 февраля 1840 г. в Кожважском приходе 23-летний сын умершего крестьянина Андрея Прокопьева Семен из д. Средних Кожваж женился на 22-летней дочери крестьянина Ефима Емельянова Офимье из д. Малой Кузнецовой ³⁴¹. Заметим, что в материалах метрических книг фиксировались и ранние браки. Так, 29 января 1842 г. в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости был заключен брачный союз между 18-летним юношей Егором Никитиным из д. Кого Шудермары и 19-летней девушкой Варварой Александровой из с. Еласы ³⁴².

Наименьшее количество браков в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости отмечено в 1808 г., когда было зарегистрировано 12 браков (0,7 %). В Малосундырском приходе Виловатовражской волости в 1828 г. зафиксировано наименьшее количество брачных союзов – 10 (0,5 %). В Ардинском приходе Ардинской волости всего лишь 2 брака (0,2 %) было отмечено в 1832 г. В Кожважском приходе Паратмарской волости меньше всего браков приходилось на 1839 г. и 1843 г. – по 7 браков (2,1 %) ³⁴³. Полученные результаты свидетельствуют, что в каждом церковном приходе максимальные и минимальные показатели брачности имели свои особенности.

³³⁹ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421; Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514; Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513.

³⁴⁰ ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

³⁴¹ ГА РМЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 4. 38 об.

³⁴² ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 105 об.

³⁴³ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421; Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514; Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513.

Следует отметить и такую характерную черту семейно-брачных отношений, как повторные браки. Вторичные или третичные вступления в брак происходило исключительно в случае смерти супруга или супруги в предыдущем браке. Случаев развода не наблюдалось, что свидетельствует о господстве крепких и устойчивых семейно-брачных отношений. На внутрисемейную жизнь крестьянской семьи горных марийцев значительное влияние оказывали православная церковь и община³⁴⁴.

Согласно данным метрических книг, в 1800–1849 гг. в изученных нами приходах повторно в брак вступило 790 мужчин (14,7 %). При этом больше всего второбрачных мужчин было отмечено в Кожважском приходе – 67 чел., что составляло 20,3 % от общего числа вступивших в брак мужчин в приходе. Немногим уступал в этом плане Ардинский приход, где насчитывалось 229 второбрачных мужчин (18,5 %). Реже всего вторично в брак вступали мужчины Чермышевского прихода Больше-Юнгинской волости – 217 чел. (13,5 %) и Малосундырского прихода Виловатовражской волости – 277 чел. (11,1 %). Так, в материалах метрических книг имеются следующие записи повторных брачных союзов: 17 июля 1803 г. в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости был зарегистрирован брак между 40-летним крестьянином, вдовцом Петром Игнатьевым из д. Чертаковой и 40-летней крестьянкой, вдовой Федорией Сергеевой из д. Кадышевой³⁴⁵. 8 мая 1836 г. в Ардинском приходе Ардинской волости был заключен брачный союз между 64-летним крестьянином, вдовцом Егором Ивановым из с. Арда и 29-летней дочерью умершего крестьянина Егора Семенова Устинией из того же села³⁴⁶. 28 мая 1840 г. 54-летний крестьянин, вдовец Тихон Максимов из д. Средние Кожважи женился на 45-летней крестьянке, вдове Фекле Михайловой из той же деревни³⁴⁷. 26 января 1844 г. в Малосундырском приходе 66-летний крестьянин,

³⁴⁴ Николаев Г. А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары, 2016. С. 79.

³⁴⁵ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 136 об.

³⁴⁶ ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 2. Л. 214.

³⁴⁷ ГА РМЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 4. Л. 40 об.

вдовец Антон Митрофанов из д. Малой Яктерля вступил в законный брак с 31-летней вдовой Анастасией Васильевой из д. Малой Паратмар³⁴⁸.

При этом женщины реже, чем мужчины, повторно вступали в брачные союзы. В первой половине XIX в. количество второбрачных женщин в церковных приходах Козьмодемьянского уезда составляло 616 (11,5 %). Исключением являлся лишь Малосундырский приход Виловатовражской волости. Здесь женщины чаще, чем мужчины, выходили замуж повторно – 311 чел., что составляло 12,1 % от общего числа вступивших в брак женщин в приходе. В Кожважском приходе Паратмарской волости второбрачных женщин насчитывалось 47 чел. (14,2 %). Меньше всего во второй раз в брак вступали женщины Ардинского прихода Ардинской волости – 134 чел. (10,8 %) и Чермышевского прихода Больше-Юнгинской волости – 124 чел. (7,7 %)³⁴⁹.

В материалах метрических книг первой половины XIX в. встречались записи и о третичных браках. В основном, это касалось мужской части населения. В изученных нами церковных приходах вступили в брак в третий раз 17 мужчин (0,3 %). Больше всего третичные браки были характерны для мужского населения Чермышевского прихода – 11 чел. (0,7 %). Реже мужчины вступали в брак в третий раз в Малосундырском приходе – 5 чел. (0,3 %). В Ардинском приходе был зафиксирован лишь один факт, когда жених вступил в брак в третий раз. Так, 9 января 1838 г. крестьянин, вдовец Семеон Григорьев в возрасте 60 лет из д. Кушерга женился на 24-летней дочери умершего крестьянина Ефима Иванова Ксении Ефимовне из той же деревни³⁵⁰.

Особо следует отметить, что в записях метрических книг крайне редко встречались факты о третичном вступлении женщин в брак. Подобные случаи были зафиксированы лишь в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости (0,2 %), причиной которых исключительно являлось овдовение.

³⁴⁸ ГА РМЭ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 6. Л. 258 об.

³⁴⁹ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421; Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514; Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513.

³⁵⁰ ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 2. Л. 295.

Наличие вторичных и третичных браков среди горных марийцев, как и у чувашей, обуславливалось, помимо прочего, необходимостью сохранения лучшей заботы о детях, а также экономическими факторами – стремлением сохранить имущество и иметь рабочие руки в семье³⁵¹.

При характеристике семейно-брачных отношений важным представляется рассмотрение возраста вступления в брак. Известно, что в конце XVIII в. минимальный брачный возраст, установленный государством и церковью, для православных юношей равнялся 15 годам, для девушек – 13 годам³⁵². В 1830 г. императорским указом по всей России нижний предел бракоспособного возраста для юношей был повышен до 18 лет, для девушек – до 16 лет. Причиной его увеличения было осознание обществом вредности чрезвычайно ранних браков для здоровья молодых людей. Известный историк Б. Н. Миронов в своем фундаментальном исследовании отмечает, что к середине XIX в. по России в большинстве случаев возраст невест не превышал 21 года, а женихов – 23-24 лет³⁵³. В сравнительном плане можем привести средние статистические показатели по Марийскому краю. Наиболее часто молодые люди вступали в брак в возрасте 18-20 лет³⁵⁴.

Проведенный анализ материалов метрических книг позволяет утверждать, что в первой половине XIX в. средний брачный возраст у мужчин составлял 23,9 года, а у женщин был ниже на 1,3 года и равнялся 22,6 годам. Однако средний брачный возраст и у мужчин, и у женщин, в зависимости от территории расселения, в определенной степени отличался. Так, в левобережном Ардинском приходе Ардинской волости средний брачный возраст у первобрачных мужчин был ниже и составлял 22,5 года, а у женщин – 21,4 года. Тогда как в правобережной части Козьмодемьянского уезда он был выше: у мужчин Чермышевского прихода Больше-Юнгинской волости равнялся 24,4 годам; в Малосундырском приходе – 24,1 года; в Кожважском

³⁵¹ Этнография чувашского народа / под ред. В. П. Иванова. Чебоксары, 2017. С. 202.

³⁵² Там же. С. 202.

³⁵³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 168.

³⁵⁴ Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 270.

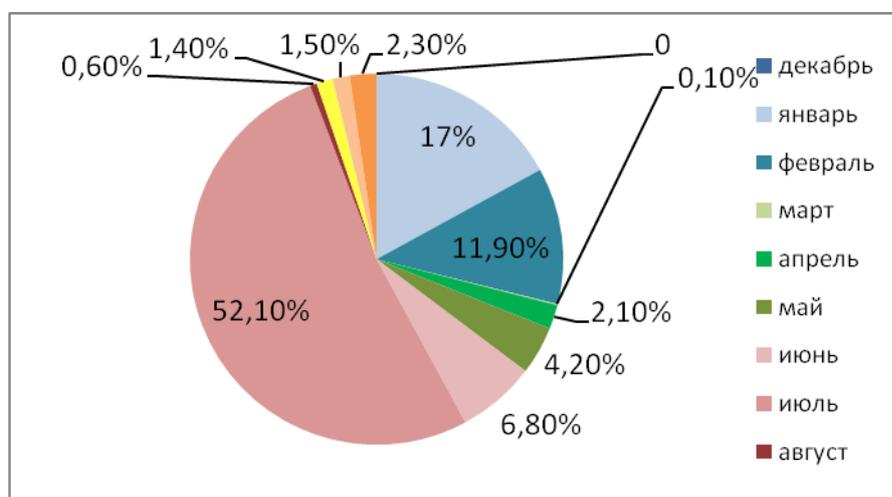
приходе – 24,5 годам. Средний брачный возраст у женщин Чермышевского прихода составлял 22,5 года; соответственно в Малосундырском приходе – 22,9 года; в Кожважском приходе – 23,6 года.

При рассмотрении брачного возраста следует обратить внимание на средний возраст второбрачных и третьобрачных мужчин и женщин. Так, по нашим данным, средний возраст у мужчин, вступивших в брак во второй раз, составлял 42,7 года. При этом в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости, Малосундырском приходе Виловатовражской волости и Ардинском приходе Ардинской волости он был примерно одинаков и составлял соответственно 40,8 года, 41,5 года и 42,9 года. Лишь в Кожважском приходе средний возраст у мужчин, вступивших в брак во второй раз, был выше и составлял 45,5 года. Средний возраст у третьобрачных мужчин равнялся 52,8 годам. Средний возраст у женщин, вступивших в брак во второй раз, был ниже на 6,6 года и составлял 36,1 года. При этом в Чермышевском и Малосундырском приходах он был примерно одинаков и равнялся соответственно 35,5 и 35,3 годам. Тогда как в Ардинском и Кожважском приходах средний возраст у второбрачных женщин был выше и равнялся соответственно 36,1 и 37,3 годам³⁵⁵.

При изучении семейно-брачных отношений особый интерес представляет вопрос относительно сезонности брачных союзов. Анализ сведений метрических книг показывает, что в первой половине XIX в. браки в горномарийской деревне в течение года распределялись неравномерно (см. диаграмма 4). В это время значительное количество брачных союзов было зафиксировано зимой – 1 550 (28,8 %). Из них наибольшее число было отмечено в январе – 912 (17,0 %), затем – в феврале (638 браков, что составляло 11,9 %).

³⁵⁵ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421; Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514; Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513.

Диаграмма 4 – Сезонность брачных союзов в Козьмодемьянском уезде
в первой половине XIX в. (в процентах) *

* Составлено по: ГАРМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414; Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421; Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514; Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513.

Особо следует подчеркнуть, что в первой половине XIX в. ни в одном из изученных нами церковных приходов не было ни одного зарегистрированного брака в декабре. Это было связано с тем, что на этот период выпадал Рождественский пост, во время которого венчания были запрещены. Заметим, что меньше всего брачные союзы среди горных марийцев заключались весной и осенью. Весной было зарегистрировано 342 брака (6,4 %). Из них в апреле было отмечено 112 браков (2,1 %), в мае – 225 (4,2 %), в марте – 5 (0,1 %). Меньше всего браки заключались осенью – 283 брака (5,2 %), из них 76 (1,4 %) было зафиксировано в сентябре, в октябре – 82 (1,5 %), в ноябре – 125 (2,3 %). Полученные данные свидетельствуют, что причины помесечных колебаний были связаны с экономическими и религиозными факторами. Однако на их сезонность могли повлиять и внешние факторы, связанные с географическим расположением церковных приходов в этноконтактных зонах. В частности, в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости (см. приложение 16) и Малосундырском приходе Виловатовражской волости (см. приложение 17) показатели сезонности брачных союзов в процентном соотношении

практически совпадали. Вместе с тем в Ардинском и Кожважском приходах можно выделить некоторые особенности. В Ардинском приходе летних браков, по сравнению с вышеуказанными церковными приходами, расположенными в правобережной части Волги, было значительно больше – 806, что составляло 65,1 % (см. приложение 18). Из них в июне был заключен 131 брак (10,6 %), в июле – 668 (53,9 %), в августе – 7 (0,6 %). В этом приходе в зимнее время, в отличие от Чермышевского и Малосундырского приходов, браки регистрировались в меньшей степени. Их количество составляло 296 браков (23,9 %) ³⁵⁶. Как видно, причины помесечных колебаний могли быть связаны не только с экономическими и религиозными факторами, но и природно-географическими условиями заволжской части. Известно, что свадебный поезд нередко состоял из 30-40 кибиток ³⁵⁷. Соответственно для их удобного передвижения наиболее благоприятные погодные условия наступали в летнее время, нежели весной, осенью и зимой, когда большая часть дорог становилась непреодолимой. В записях метрических книг Ардинского прихода был зафиксирован единственный факт о заключении брачного союза в марте (0,1 %). Так, 30 марта 1847 г. 27-летний крестьянин, вдовец Митрофан Лукианов из д. Актаюж женился на 23-летней девушке Анне Михайловой из д. Тойдаковой ³⁵⁸. Возможно, подобные браки в марте, во время Великого поста, заключались лишь в исключительных случаях, когда крестьянская семья во главе с мужчиной-вдовцом остро нуждалась в женских руках.

Заметим, что сезонность брачных союзов в горномарийских селениях, расположенных в пограничных зонах, имела свои отличительные черты. Так, в Кожважском приходе Паратмарской (затем Кожваш-Сигачкинской) волости наблюдалось постепенное увеличение количества зимних брачных союзов и в то же время уменьшение летних (см. приложение 19). В первой половине XIX в. здесь было заключено 168 летних браков (50,9 %). Из них в июне было отмечено 7 браков (2,1 %), в июле – 160 (48,5 %), в августе – 1 (0,3 %). В

³⁵⁶ ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513.

³⁵⁷ Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956. С. 88.

³⁵⁸ ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 3. Л. 375 об.

Кожважском приходе зимних брачных союзов было существенно больше, чем в остальных изученных нами церковных приходах. Всего в зимнее время было зафиксировано 132 брака (40,1 %). Из них наибольшее количество было отмечено в январе – 83 брака (25,2 %), в феврале – 49 (14,9 %), в декабре – ни одного брака³⁵⁹. Как писала современница А. А. Фукс, такая тенденция была связана с тем, что горные мари́йцы данного прихода имели более тесные связи с русским населением³⁶⁰.

В сравнительном плане отметим, что в целом по России браки в большей степени заключались в январе, феврале, октябре и ноябре. По мнению Б. Н. Миронова, причины помесечных колебаний носили экономический и религиозный характер. Венчания были запрещены в постное время (Великий, Рождественский, Петров, Успенский), в Масленицу, пасхальные недели, во время государственных и церковных праздников; накануне таких дней, как среда, пятница и воскресенье на протяжении года³⁶¹. Полученные результаты полностью подтверждают исследования Б. Н. Миронова. Так, в рассматриваемое время в изученных нами церковных приходах не было ни одного зарегистрированного брака в декабре, и зафиксированы лишь единичные случаи браков в марте.

При комплексном анализе семейно-брачных отношений необходимо особое внимание уделить вопросу «брачного округа» – территории проживания потенциальных невест. Известно, что мари́йцам запрещалось заключать браки с родственниками до седьмого колена. Чаще всего мари́йцы выбирали себе невест из соседних деревень в пределах «брачного округа»³⁶². В этом плане наиболее полно изучены материалы Чермышевского прихода Больше-Юнгинской волости, анализ которых показал, что здесь «брачный округ» в основном включал в себя горномари́йские селения в пределах этого же прихода. По данным 1800 г., удельный вес таких браков составлял 57,7 %. Так,

³⁵⁹ ГА РМЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421.

³⁶⁰ Фукс А. А. Записки А. Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 160.

³⁶¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 169.

³⁶² Мари́йцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 228.

в записях метрических книг отмечено, что 11 июля 1815 г. 25-летний крестьянин Сергей Лексеев из д. Большой Юль Шудермары женился на 24-летней дочери крестьянина Кирилла Сидорова Елене из той же деревни³⁶³.

Женихи Чермышевского прихода часто выбирали невест из соседних церковных приходов в пределах своей волости. По данным 1800 г., удельный вес таких браков равнялся 19,2 %. В основном невесты были родом из селений, относившихся к Пертнурскому (11,5 %) и Пайгусовскому приходам (7,7 %) Больше-Юнгинской волости. Примечательно, что в записях метрических книг отмечены и такие факты, когда молодые люди вступали в законный брак с девушками из соседней Виловатовражской волости, в основном из Малосундырского прихода (19,2 %). Удельный вес брачных союзов, в которых невесты были родом из селений Паратмарской волости, был незначительным (3,8 %). Весьма в редких случаях молодые люди женились на девушках из Мало-Карачкинской волости Козьмодемьянского уезда и Емангашской волости Васильского уезда (0,1 %)³⁶⁴.

В этой связи приведем наиболее типичные примеры брачных союзов, отмеченных в материалах метрических книг. Так, 21 января 1832 г. был зарегистрирован брак между 21-летним молодым человеком Степаном Денисовым из с. Чермышево и 21-летней дочерью крестьянина Ильи Артемьева Гликерией Ильиной из д. Алмандаевой Шапкилевского прихода Больше-Юнгинской волости³⁶⁵. Согласно данным 1841 г., «брачный округ» Чермышевского прихода включал в себя горномарийские селения своего прихода в 49,0 % случаев. В значительной степени женихи выбирали себе невест из близлежащих горномарийских селений, относившихся к другим близлежащим церковным приходам Большеюнгинской волости (30,2 %). В основном это были Пертнурский (13,9 %) и Пайгусовский (6,9 %) церковные приходы. В нередких случаях невесты были родом из Виловатовражской волости, в частности, из Малосундырского прихода (18,6 %). Значительно в

³⁶³ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 290 об.

³⁶⁴ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–296.

³⁶⁵ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 4. Л. 37 об.

меньшей степени мужчины выбирали себе невест из деревень Кожважского прихода Паратмарской волости (4,7 %) и селений Мало-Карачкинской волости (6,9 %) ³⁶⁶. Вместе с тем известный этнограф К. И. Козлова отмечала, что в целом горные марийцы женились на девушках из довольно дальних селений ³⁶⁷. Такое утверждение, видимо, требует определенной корректировки. К тому же сами современники утверждали, что молодые люди выбирали себе невест из соседних деревень ³⁶⁸.

Характерно, что в метрических книгах были зафиксированы и такие важные факты, когда женихи с правобережной стороны р. Волги выбирали себе невест с левобережной части. Для этого преодолевали значительное расстояние и водную преграду как летом, так и зимой. Так, 15 января 1830 г. в Кожважском приходе был зарегистрирован брак между марийским крестьянином, вдовцом Петром Никитиным в возрасте 35 лет из правобережной деревни Корчаковой и 29-летней дочерью крестьянина Филиппа Алексева Анной из левобережной деревни Отары ³⁶⁹. Заметим, что в письменных источниках XVII–XVIII в. сохранились свидетельства того, что между Горной и Луговой стороной имелись традиционные «земляческие связи», включая семейно-брачные отношения ³⁷⁰.

Примечательно и то, что для горных марийцев были характерны мононациональные браки, когда жених и невеста были из одной этнической и социокультурной среды. Однако межнациональные браки являлись характерной особенностью Кожважского прихода Паратмарской (затем Кожваш-Сигачкинской) волости. В 1830–1849 гг. было зарегистрировано 70 марийско-чувашских браков (21,2 %). Из них в 47 смешанных браках (14,2 %) женихи имели чувашское происхождение, а невесты – марийское. В

³⁶⁶ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–552.

³⁶⁷ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 256.

³⁶⁸ Письменные «сведения», представленные приходскими священно-церковнослужителями с. Сумки Емангашской волости Васильского уезда Нижегородской губернии в Русское географическое общество 1848 г. // История и культура народов Марий Эл в источниках середины XIX века / Сост., предисл. и примеч. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2016. С. 99.

³⁶⁹ ГА РМЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.

³⁷⁰ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 233; Иванов А. Г. Традиционная семья горных марийцев в источниках начала XVIII в. Йошкар-Ола, 2017. С. 11–373.

остальных 23 случаях (6,9 %) молодые люди являлись мари́йцами, а девушки – чувашками³⁷¹. Наличие межнациональных браков определялось тем, что горномари́йские селения, относившиеся к Кожважскому приходу, находились в пограничных волостях с чувашским населением.

В остальных изученных церковных приходах Козьмодемьянского уезда межэтнические браки встречались редко. Так, в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости, по данным 1840–1849 гг., удельный вес мари́йско-чувашских браков равнялся 0,9 %. В основном такие браки заметно были распространены лишь в пограничных деревнях Юнга Кушерга, Емелево Мало-Карачкинской волости. В этих случаях мари́йские женихи брали себе невест из д. Малое Карачкино, д. Караево и т. д.³⁷² Так, 31 января 1841 г. в Чермышевском приходе был заключен брачный союз между 22-летним сыном крестьянина Тимофея Осипова Яковым Тимофеевым из д. Большой Шудермары Емелево и 20-летней дочерью чувашского крестьянина Степана Михайлова Ксении Степановой из д. Малое Карачкино³⁷³. Наличие межнациональных браков обуславливалось тем, что горные мари́йцы и чувашки были в самых тесных отношениях на протяжении всего исторического развития³⁷⁴.

Таким образом, в церковных приходах Козьмодемьянского уезда в течение первой половины XIX в. наблюдалась положительная динамика брачности, максимальные показатели которой были отмечены в 1840–1849 гг. Однако в отдельных церковных приходах она имела свои особенности, что, возможно, было связано с различными, в том числе хозяйственными, природно-географическими, этнокультурными и другими факторами. Среди горных мари́йцев ранние браки не получили широкого распространения. Средний брачный возраст у мужчин и женщин, в зависимости от территории расселения,

³⁷¹ ГА РМЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421.

³⁷² ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–348; Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414.

³⁷³ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. 43 об.

³⁷⁴ Никитина Т. Б. Мари́йцы (конец XVI – начало XVIII в.) по материалам могильников. Йошкар-Ола, 1992. С. 85, 88, 91.

в определенной степени отличался: у мужчин равнялся 22–25 годам, а у женщин – 21–24 годам.

Вторичные и третичные браки значительно уступали первичным. Их распространение было связано с тем, что оставшиеся вдова или вдовец предпочитали вновь вступать в брак. Горные мари́йцы в большей степени предпочитали проводить свадьбы в летнее время, в основном в июле. Отсутствие брачных союзов в декабре и незначительное количество их в марте и августе свидетельствует о влиянии на сезонность экономических, религиозных, природно-географических и иных факторов. В рассматриваемое время брачный округ оставался устойчивым и охватывал близлежащие деревни в радиусе 1-5 км, а также селения, относившиеся к соседним волостям в радиусе 6-10 км. Крайне редко встречались факты, связанные с выбором невест из дальних селений (25 км и более). В основном браки заключались между лицами из числа горных мари́йцев. Межнациональные браки, в особенности мари́йско-чува́шские были характерны лишь для пограничных селений в этноконтактных зонах. В целом, семейно-брачные отношения отличались стабильностью и традиционализмом.

§ 2.2. Эволюция семейно-брачных отношений

во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX – начале XX в. семейно-брачные отношения горных мари́йцев носили в основном традиционный характер и в то же время имели некоторые особенности. Вступление в брак и создание семьи оставались одним из наиболее важных событий в жизненном цикле крестьян. Как отмечали исследователи, мари́йцев заключали браки либо по сватовству, либо посредством кражи невесты. При этом преобладающим был брак со сватовством и свадьбой. Сама свадьба, по сути, считалась признанием брака со

стороны общества³⁷⁵. В описаниях православного духовенства середины XIX в. отмечено, что молодые люди брачного возраста в основном знакомились на рынке в базарные дни. Уже после знакомства женихи готовились к сватовству³⁷⁶.

Изученные нами материалы церковной статистики, представленные метрическими книгами, свидетельствуют о том, что для горномарийской крестьянской семьи было характерно единобрачие. В этом определяющая роль принадлежала государственному законодательству, признававшему лишь церковный брак. Освящение семейно-брачных отношений рассматривалось как своеобразная форма идеологического воздействия³⁷⁷. Согласно свидетельству современника второй половины XIX в. П. С. Кушелева, свадебное гулянье с соблюдением всех традиционных обрядов проводился только после венчания через 2-3 дня. Он же подчеркивал, что свадьба, не считая венчания, продолжалась три дня³⁷⁸.

Для составления целостного представления о семейно-брачных отношениях нами были подробно изучены материалы Малосундырского, Чермышевского, Кожважского, Ардинского приходов, а также привлечены данные метрических книг Виловатовражского и Усолинского приходов, отделенных от Малосундырского прихода соответственно в 1875 г. и 1896 г., Емелевского и Картуковского приходов, выделенных из Чермышевского прихода в 1872 г. и 1880 г. В ходе сплошного исследования метрических книг 1850–1917 гг. всего нами было выявлено наличие 10 177 брачных союзов (см. таблица 8)³⁷⁹.

³⁷⁵ Шаров В. Д. Бытовые функции сельской общины Марийского края (середина XIX – начало XX веков) // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. 1981. Вып. 5. С. 49; Смирнов И. Н. Современная свадьба сельских марийцев в системе этноса // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 1980-х годов. Йошкар-Ола, 1993. С. 78.

³⁷⁶ Письменные «сведения», представленные приходскими священно-церковнослужителями с. Сумки Емангашской волости Васильского уезда Нижегородской губернии в Русское географическое общество 1843 г. // История и культура народов Марий Эл в источниках середины XIX века / Сост., предисл. и примеч. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2016. С. 99.

³⁷⁷ Попов Н. С. Семейно-брачные отношения марийцев и православие // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы МарНИИ в 1981–1985 гг. Йошкар-Ола, 1986. С. 40.

³⁷⁸ Кушелев П. С. О свадьбе марийцев во второй половине XIX века / Предисл., комментарии и подготовка к печати Г. А. Сепеева и Г. Н. Айплатова // Марийский археографический вестник. 1998. № 8. С. 231.

³⁷⁹ Справочная книга Казанской губернии. Казань, 1909. С. 128–162.

Как видно из данных таблицы 8, наибольший удельный вес брачных союзов был отмечен в Малосундырском приходе Виловатовражской волости. Здесь в 1850–1917 гг. был зарегистрирован 3 941 брак, что составляло 38,7 % от общего количества браков, зафиксированных в церковных приходах Козьмодемьянского уезда. В среднем ежегодно в этом приходе заключалось 57-58 брачных союзов. Высокие показатели брачности были обусловлены тем, что данный приход являлся одним из самых крупных среди изученных нами. По данным 1909 г., к нему относились с. Малый Сундырьи деревни Важнангер, Сундырьял (Шиндырьялы), Мидякова, Пичушкина, Яндушева, Тепаева, Колумбаева, Мишкина, Мартышкина, Цимбулаткина (Пикузино), Ключева, Носелы, Мецакнуры, в которых насчитывалось 495 дворов (1 495 муж. и 1 453 жен.)³⁸⁰.

На втором месте по количеству зарегистрированных брачных союзов находился Чермышевский приход Больше-Юнгинской волости. Здесь в 1850–1917 гг. был заключен 3 131 брак, что составляло 30,8 % от общего количества браков, зарегистрированных в церковных приходах Козьмодемьянского уезда. В среднем ежегодно заключалось 46-47 браков. Конкретно к этому приходу относились с. Еласы, д. Старое Чермышево, деревни и околотки Тятькина, Заовражные Нуженалы, Писералы, Новая, Камакануры, Пиндикова, Нужаналы, Пибайкина, Миняшкино, Юнга Кущерга, в которых, согласно материалам 1909 г., числилось 550 дворов (1 348 муж. и 1 456 жен.)³⁸¹. Значительно меньше браков было в Ардинском приходе Ардинской волости. Это объясняется тем, что этот приход по численности населения значительно уступал вышеназванным приходам. В 1850–1917 гг. здесь было заключено 2 120 браков (20,8 %).

³⁸⁰ ГА РМЭ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–100; Д. 11. Л. 1–531; Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Оп. 4. Д. 104. Л. 1–432; Оп. 2. Д. 483. Л. 1–489; Оп. 2. Д. 484. Л. 1–384; Оп. 2. Д. 485. Л. 1–241; История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 70.

³⁸¹ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 305. Оп. 2. Д. 550. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 4. Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431; История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2006. С. 143.

Таблица 8 – Динамика брачности в горномарийской деревне во второй половине XIX – начале XX в. *

Количество браков (по десятилетиям)	Названия сел церковных приходов									
	Чермышево (Еласы)		Малый Сундырь		Арда		Кожважи		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1850–1859	452	14,4	570	14,5	351	16,6	144	14,6	1 517	14,9
1860–1869	467	14,9	658	16,	325	15,4	150	15,2	1 600	15,7
1870–1879	455	14,5	546	13,9%	376	17,7	154	15,6	1 531	15,0
1880–1889	434	13,9	632	16,	253	11,9	168	17,1	1 487	14,6
1890–1899	482	15,4	517	13,1	257	12,1	157	16,0	1 413	13,9
1900–1909	468	15,0	541	13,7	310	14,6	137	13,9	1 456	14,3
1910–1917	373	11,9	477	12,1	248	11,7	75	7,6	1 173	11,6
Итого	3 131	100	3 941	100	2 120	100	985	100,0	10 177	100,0

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–37; Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–252; Д. 9. Л. 1–30; Ф. 192. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–531; Ф. 194. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Д. 355. Л. 1–52; Оп. 2. Д. 296. Л. 1–612; Д. 428. Л. 1–535; Д. 429. Л. 1–510; Д. 430. Л. 1–514; Д. 431. Л. 1–452; Д. 432. Л. 1–413; Д. 433. Л. 1–467; Д. 434. Л. 1–428; Д. 483. Л. 1–489; Д. 484. Л. 1–384; Д. 485. Л. 1–241; Д. 550. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 3. Д. 2. Л. 1–131; Д. 3. Л. 1–137; Д. 4. Л. 1–185; Д. 5. Л. 1–169; Д. 6. Л. 1–264; Д. 7. Л. 1–278; Д. 8. Л. 1–249; Оп. 4. Д. 70. Л. 1–448; Д. 71. Л. 1–507; Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431; Д. 104. Л. 1–432.

В среднем в год регистрировалось 31-32 брака³⁸². К приходу относились с. Арда и 14 деревень с околотками Кушерга Ершова, Имятьев, Шачиков, Сорокаев, Котенов, Большая Арда, Озерки, Паулкин, Кузькин, Мазикин, Изеркин, Алешкин, Сенюшкин, Отары, в которых числилось 368 дворов (1 097 муж. и 1 210 жен.)³⁸³.

Весьма важными являются данные о семейно-брачных отношениях Кожважского прихода Кожваш-Сигачкинской (затем Виловатовражской) волости со смешанным марийско-чувашским населением. В 1850–1917 гг. в этом приходе было зарегистрировано 985 браков, что составляло 9,7 %. Здесь в среднем ежегодно заключалось 14-15 браков. Непосредственно в приходе проживали марийские крестьяне с. Кожважи, деревень и околотков Ширгиялы, Верхний, Средний и Нижний Шактенважи, Средние Кожважи, Альдиев, Лицкунур, Якимов, Митрошкин, Михаткин, Макаров, Юльял-Кожважи, Немцево, в которых, согласно материалам 1909 г., насчитывалось 252 двора (766 муж. и 989 жен.), а также чувашские крестьяне д. Корчаково, д. Чирчикасы, д. Хырлыкасы с 57 дворами (169 муж. и 175 жен.)³⁸⁴.

В связи с вышеизложенным материалом важным представляется рассмотрение вопроса относительно динамики брачности по десятилетиям. В рассматриваемое время имелись определенные колебания прироста брачности. Так, в 1850–1859 гг. в изученных нами церковных приходах было зарегистрировано 1 517 браков, что составляло 14,9 % от общего количества браков во второй половине XIX – начале XX в. Соответственно в 1860–1869 гг. количество брачных союзов увеличилось на 0,8 % и составляло 1 600 (15,7 %). В последующем вплоть до конца XIX в. наблюдался незначительный спад количества заключаемых браков. По нашим данным, в 1870–1879 гг. был зарегистрирован 1 531 брак (15,0 %). В 1880–1889 гг. количество заключенных брачных союзов сократилось до 1 487 брачных союзов (14,6 %). В 1890–1899 гг.

³⁸² ГА РМЭ. Ф. 194. Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 305. Л. 1–52; Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933.

³⁸³ Справочная книга Казанской губернии. Казань, 1909. С. 128.

³⁸⁴ ГА РМЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–252; Д. 9. Л. 1–30; Ф. 192. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 296. Л. 1–612; Д. 428. Л. 1–535; Д. 429. Л. 1–510; Д. 430. Л. 1–514; Д. 431. Л. 1–452; Д. 432. Л. 1–413; Д. 433. Л. 1–467; Д. 434. Л. 1–428; Справочная книга Казанской губернии. Казань, 1909. С. 162.

было зафиксировано 1 413 браков (13,9 %). В начале XX в. наблюдалась тенденция роста показателей брачности. В 1900–1909 гг. было отмечено 1 456 браков (14,3 %). Однако в 1910–1917 гг. их количество снова уменьшалось и составляло 1 173 брака (11,6 %).

Заметные колебания в темпах прироста наблюдались и в отдельных церковных приходах. Так, в Малосундырском приходе в 1850–1859 гг. было зарегистрировано 570 браков, что составляло 14,5 % от общего количества браков в этом приходе во второй половине XIX – начале XX в. Соответственно в 1860–1869 гг. количество брачных союзов увеличилось на 2,2 % и составляло 658 браков (16,7 %). В 1870–1879 гг. наблюдался постепенный спад показателей брачности. В это время было зарегистрировано 546 браков (13,9 %). В последующем десятилетии их количество увеличилось и составило 632 брака (16,0 %). Однако в 1890–1899 гг. число зарегистрированных браков сократилось до 517 браков (13,1 %). Такая тенденция в этом приходе сохранялась и в начале XX в. Так, в 1900–1909 гг. был зафиксирован 541 брак (13,7 %). Их наименьшее количество было отмечено в 1910–1917 гг. За это время было образовано 477 новых крестьянских семей (12,1 %) ³⁸⁵.

Такая же тенденция сохранялась и в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости. Незначительное увеличение динамики брачности было отмечено в 1850–1869 гг. Так, в 1850–1859 гг. было зарегистрировано 452 брака, что составляло 14,4 % от общего количества браков в этом приходе в рассматриваемое время. В 1860–1869 гг. их число увеличилось на 0,5 % и составило 467 браков (14,9 %). В 1870–1889 гг. в этом приходе наблюдался спад динамики брачности. В 1870–1879 гг. было заключено 455 браков (14,5 %), а в 1880–1889 гг. – 434 (13,9 %). В 1890–1899 гг. количество брачных союзов увеличилось и составило 482 (15,4 %). В последующем десятилетии

³⁸⁵ ГА РМЭ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–531; Ф. 305. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Оп. 2. Д. 483. Л. 1–489; Оп. 4. Д. 104. Л. 1–432.

наблюдалось уменьшение показателей брачности. В это время было зафиксировано 468 браков (15,0 %), а в 1910–1917 гг. – 373 брака (11,9 %) ³⁸⁶.

Динамика брачности в Ардинском приходе, расположенном на левобережной стороне р. Волги, имела свои специфические черты. Так, в 1850–1859 гг. здесь был зарегистрирован 351 брак, что составляло 16,6 % от общего количества браков в этом приходе. В последующее десятилетие, по сравнению с вышеуказанными церковными приходами, наблюдалось уменьшение удельного веса брачных союзов на 1,2 %. В это время было отмечено 325 браков (15,4 %). В 1870–1879 гг. показатели брачности увеличились на 2,3 %. Зарегистрированных в это время брачных союзов насчитывалось 376 (17,7 %). Тем не менее, в 1880–1889 гг. количество зарегистрированных браков заметно уменьшилось на 5,8 % и составило 253 брака (11,9 %). Примерно такое же количество браков было зарегистрировано в 1890–1899 гг. – 257 (12,1 %). В 1900–1909 гг. в записях метрических книг зафиксировано 310 браков (14,6 %). Наименьшее количество браков было отмечено в 1910–1917 г. – 248 браков (11,7 %) ³⁸⁷.

Нестабильная динамика брачности наблюдалась и в Кожважском приходе Паратмарской (затем Виловатовражской) волости. Здесь в 1850–1889 гг. наблюдался рост динамики брачности. Так, в 1850–1859 гг. было зафиксировано 144 брака, что составляло 14,6 % от общего количества браков в приходе. В 1860–1869 гг. зарегистрировано 150 браков (15,2 %), а в 1870–1879 гг. – 154 (15,6 %). В 1880–1889 гг. динамика брачности продолжала расти. В это время было отмечено 168 брачных союзов (17,1 %). Однако с 1890-х гг. вплоть до 1917 г. наблюдалась тенденция постепенного уменьшения показателей брачности. В 1890–1899 гг. они уменьшились на 1,1 %. За это время было

³⁸⁶ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 305. Оп. 2. Д. 550. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 4. Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431.

³⁸⁷ ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Д. 355. Л. 1–52.

зафиксировано 157 браков (16,0 %), а в 1900–1909 гг. – 137 (13,9 %). В 1910–1917 гг. количество зарегистрированных браков сократилось до 75 (7,6%)³⁸⁸.

Характерным представляется, что максимальные показатели общей брачности в церковных приходах Козьмодемьянского уезда были отмечены в 1857 г., когда было зарегистрировано 193 брака (1,9 %), а минимальные показатели брачности – в 1916 г. (20 браков, что составляло 0,2 %). В частности, в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости наибольшее количество браков было отмечено в 1859 г. (60 браков, что составляло 1,9 %). В Малосундырском приходе Вилатоввражской волости максимальное число браков (83 брака, что составляло 2,1 %) было зафиксировано в 1869 г. В Ардинском приходе в 1875 гг. был заключен 51 брачный союз (2,4 %). В Кожважском приходе максимальные показатели брачности были отмечены в 1894 г., когда было зарегистрировано 25 браков (2,5 %).

Наименьшее количество браков в Чермышевском приходе было отмечено в 1917 г. (6 браков, что составляло 0,2 %). В Малосундырском приходе Вилатоввражской волости меньше всего браков пришлось на 1902 г., когда было зарегистрировано 11 браков (0,3 %). В Ардинском приходе в 1894 г. заключено 13 брачных союзов (0,6 %). В Кожважском приходе Паратмарской волости минимальное количество браков было отмечено в 1912 г. – 2 брака (0,2 %). Уменьшение показателей брачности наблюдалось и в неурожайные годы: 1883, 1891, 1892, 1899 гг., во время эпидемий 1866, 1887, 1894–1895, 1898 гг., а также в период призывов молодых людей в армию³⁸⁹. Количество браков заметно сократилось в годы Первой мировой войны, когда большая часть мужского населения была призвана на службу. По мнению В. Рогозина, значительное влияние на развитие демографических процессов оказывал и географический фактор³⁹⁰.

³⁸⁸ ГА РМЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–252; Д. 9. Л. 1–30; Ф. 305. Оп. 2. Д. 296. Л. 1–612; Д. 484. Л. 1–384; Д. 428. Л. 1–535; Д. 429. Л. 1–510; Д. 430. Л. 1–514; Д. 431. Л. 1–452; Д. 432. Л. 1–413; Д. 433. Л. 1–467; Д. 434. Л. 1–428; Д. 485. Л. 1–241.

³⁸⁹ ГА РМЭ. Ф. 3. Д. 23. Л. 1–36; Д. 106. Л. 1–274; Д. 130. Л. 1–185; Д. 298. Л. 1–11; Ф. 5. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–55; Д. 90. Л. 1–45; Д. 91. Л. 1–81; Ф. 49. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–103; Д. 18. Л. 1–60.

³⁹⁰ Рогозин В. Черемисы. Историко-этнографический очерк. СПб., 1881. С. 6–10.

Среди горных марийцев встречались и ранние брачные союзы. Так, 3 мая 1863 г. в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости был зарегистрирован брак между 19-летним юношей Иваном Яковлевым из д. Большой Шудермара и 16-летней девушкой Агапией Матвеевой из д. Салмандаевой³⁹¹. В материалах метрических книг фиксировались записи и о поздних браках. В частности, в 1909 г. в Усолинском приходе Виловатовражской волости был зарегистрирован брачный союз между 38-летним крестьянином Федором Михайловичем из д. Коклы и 33-летней крестьянкой Анной Сильвестровной из д. Замятино³⁹². Кроме того, встречались и такие брачные союзы, в которых разница в возрасте молодоженов была существенной. Так, 27 января 1899 г. в Малосундырском приходе Виловатовражской волости крестьянин Максим Григорьев в возрасте 27 лет из д. Большой Паратмары околодка Ключева вступил в законный брак с 17-летней девушкой Пераскевой Дамиановой из д. Горная Кушерга³⁹³.

Характерным представлялось наличие повторных браков, причиной которых являлась смерть супруга или супруги в предыдущем браке. Согласно нашим данным, в церковных приходах Козьмодемьянского уезда 1 679 мужчин (16,5 %) вступили в брак во второй раз. При этом наибольшее количество второбрачных мужчин было в Ардинском приходе Ардинской волости – 401 (18,9 %). В Кожважском приходе Виловатовражской волости 182 мужчины вступили в брак во второй раз (18,5 % от общего числа женатых мужчин), соответственно в Малосундырском приходе Виловатовражской волости – 717 мужчин (18,2 %). В Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости второбрачных мужчин насчитывалось значительно меньше – 425 чел. (13,6 %).

При этом женщины реже, чем мужчины, вступали повторно в брак. Количество второбрачных женщин в изученных нами церковных приходах составляло 905 чел. (8,9 % от общего числа женщин, вступивших в брак). Наибольшее их количество было зафиксировано в Малосундырском приходе

³⁹¹ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 427 об.

³⁹² ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 71. Л. 160 об.

³⁹³ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 2. Д. 482. Л. 283 об.

Виловатовражской волости – 398 чел. (10,1 % от общего числа женщин, вступивших в брак в этом приходе). В Ардинском приходе Ардинской волости 203 женщины вышли замуж вторично (9,6 %). В Кожважском приходе Виловатовражской волости было отмечено 80 второбрачных женщин (8,1 %). Меньше всего повторно в брак вступали женщины Чермышевского прихода Больше-Юнгинской волости – 220 чел. (7,0 % от общего числа женщин, вступивших в брак в этом приходе). В сравнительном плане можно отметить, что в Микряковском приходе Емангашской волости Васильсурского уезда второбрачных женщин насчитывалось 50 чел. (9,8 % от общего числа женщин, вступивших в брак в этом приходе)³⁹⁴.

В рассматриваемое время среди горных марийцев Козьмодемьянского уезда значительно увеличилось количество третьобрачных мужчин – 173 чел., что составляло 1,7 % от общего числа мужчин, вступивших в брак. В отдельных церковных приходах эти показатели в процентном соотношении были практически одинаковыми. Так, в Чермышевском приходе насчитывалось 59 третьобрачных мужчин (1,9 % от общего числа мужчин, вступивших в брак в приходе). В Малосундырском приходе Виловатовражской волости их численность составляла 70 чел. (1,8 %). В Кожважском приходе Виловатовражской волости 18 мужчин (1,8 %) вступили в брак в третий раз. В Ардинском приходе Ардинской волости 31 мужчина заключили брачные союзы в третий раз (1,5 %). В Микряковском приходе Емангашской волости Васильсурского уезда третьобрачных мужчин было всего 5 (0,9 %)³⁹⁵.

Сведения о третьобрачных женщинах встречались крайне редко. По нашим данным, в изученных нами горномарийских селениях количество женщин, вступивших в брак в третий раз, насчитывалось 21 чел., что составляло лишь 0,2 %. Эти показатели в процентном соотношении в отдельных церковных приходах были относительно одинаковыми. Так, в Чермышевском приходе

³⁹⁴ ГА РМЭ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–93; Ф. 305. Оп. 3. Д. 2. Л. 1–131; Д. 3. Л. 1–137; Д. 4. Л. 1–185; Д. 5. Л. 1–169; Д. 6. Л. 1–264; Д. 7. Л. 1–278; Д. 8. Л. 1–249.

³⁹⁵ ГА РМЭ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–93; Ф. 305. Оп. 3. Д. 2. Л. 1–131; Д. 3. Л. 1–137; Д. 4. Л. 1–185; Д. 5. Л. 1–169; Д. 6. Л. 1–264; Д. 7. Л. 1–278; Д. 8. Л. 1–249.

6 мариек вышли замуж в третий раз (0,2 %). В Малосундырском приходе Виловатовражской волости зафиксировано 7 третьебрачных женщин (0,2 %). Единичные случаи вступления женщин в брак в третий раз были отмечены в Ардинском приходе Ардинской волости – 2 чел. (0,1 %) и в Кожважском приходе Виловатовражской волости – 1 чел. (0,1 %).

В тесной связи с вышеизложенным материалом приведем наиболее типичные примеры повторных браков. Так, 7 апреля 1858 г. в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости 47-летний крестьянин Василий Михайлов, вдовец из д. Юль Шудермара женился на 26-летней вдове умершего крестьянина Прокопия Васильева Дарье Фадеевой из д. Шапкилей³⁹⁶. В 1903 г. в Усолинском приходе Виловатовражской волости был заключен брак между 39-летним крестьянином, вдовцом Архипом Гавриловичем из д. Марьяшач и 31-летней крестьянкой, вдовой Пелагей Александровной из с. Малый Сундырь³⁹⁷. Случаи развода и сожительства в это время не наблюдались. Как отмечал И. А. Износков, горные марийцы редко вступали во внебрачные отношения, и сожительство вне брака являлось крайне редким явлением³⁹⁸. Одной из особенностей семейно-брачных отношений оставалась устойчивость супружеских связей³⁹⁹.

При характеристике семейно-брачных отношений особо важным представляется рассмотрение возраста вступления в брак. Как показывают сведения метрических книг, средний возраст первобрачных мужчин составлял 24,4 года, а у женщин – 22,8 года. Согласно описаниям В. Рогозина, в большинстве случаев парни и девушки вступали в брак, едва достигнув 16 лет. Однако по данным церковной статистики, ранние браки среди горных марийцев не были характерны⁴⁰⁰. В начале XX в. в нередких случаях невеста была старше жениха на 3-5 лет. Это объяснялось тем, что родители, в первую очередь,

³⁹⁶ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 48 об.

³⁹⁷ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 4. Д. 70. Л. 348 об., 349.

³⁹⁸ Износков И. А. Обычай горных черемис. Б. Уголовное право // Труды Казанского губернского статистического комитета. 1869. Вып. II. С. 154.

³⁹⁹ Смирнов И. Н. Изучение марийской семьи в дореволюционной этнографической литературе // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. АЭМК. Йошкар-Ола, 1984. Вып. 7. С. 166.

⁴⁰⁰ Рогозин В. Черемисы. Историко-этнографический очерк. СПб., 1881. С. 96.

преследовали хозяйственные цели⁴⁰¹. В поисках невесты активное участие принимали родственники. Важными критериями при выборе будущей снохи являлись ее физическое здоровье, характер, репутация, материальное состояние⁴⁰².

Средний брачный возраст у мужчин и женщин, в зависимости от территории проживания, в определенной степени отличался. В частности, средний брачный возраст у мужчин в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости был выше среднестатистического показателя и составлял 25,4 года. Примерно одинаковые показатели среднего возраста у женихов были отмечены в Малосундырском приходе Виловатовражской волости (24,5 года) и в Кожважском приходе Виловатовражской волости (24,9 года). Ниже всех средний брачный возраст у мужчин оказался в Ардинском приходе Ардинской волости – 23,2 года.

В Кожважском приходе Виловатовражской волости средний брачный возраст у женщин был выше среднестатистических показателей и составлял 27,7 года. В остальных церковных приходах Козьмодемьянского уезда эти показатели сильно не отличались. Так, в Малосундырском приходе Виловатовражской волости средний брачный возраст у женщин составлял 22,3 года, в Ардинском приходе Ардинской волости – 22 года, в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости – 21,5 года⁴⁰³.

При анализе возраста вступления в брак следует обратить внимание на возраст мужчин и женщин, вступивших в брак повторно. Средний возраст у второбрачных мужчин составлял 38,6 года, а у женщин – 30,8 года. Однако необходимо подчеркнуть, что в Чермышевском приходе Больше-Юнгинской

⁴⁰¹ Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 270.

⁴⁰² Сепеев Г. А. Этнография марийского народа. Йошкар-Ола, 2001. С. 125.

⁴⁰³ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–37; Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–252; Д. 9. Л. 1–30; Ф. 192. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–531; Ф. 194. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Д. 355. Л. 1–52; Оп. 2. Д. 296. Л. 1–612; Д. 428. Л. 1–535; Д. 429. Л. 1–510; Д. 430. Л. 1–514; Д. 431. Л. 1–452; Д. 432. Л. 1–413; Д. 433. Л. 1–467; Д. 434. Л. 1–428; Д. 483. Л. 1–489; Д. 484. Л. 1–384; Д. 485. Л. 1–241; Д. 550. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 3. Д. 2. Л. 1–131; Д. 3. Л. 1–137; Д. 4. Л. 1–185; Д. 5. Л. 1–169; Д. 6. Л. 1–264; Д. 7. Л. 1–278; Д. 8. Л. 1–249; Оп. 4. Д. 70. Л. 1–448; Д. 71. Л. 1–507; Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431; Д. 104. Л. 1–432.

волости средний брачный возраст и у мужчин, и у женщин, вступивших в брак во второй раз, был значительно ниже, по сравнению с другими приходами. У мужчин он равнялся 27,7 годам, а у женщин – 22,4 годам. В остальных церковных приходах эти показатели были примерно одинаковыми. В Малосундырском приходе Виловатовражской волости средний возраст у второбрачных мужчин составлял 41,9 года, в Кожважском приходе Виловатовражской волости – 41,2 года, в Ардинском приходе Ардинской волости – 42,2 года.

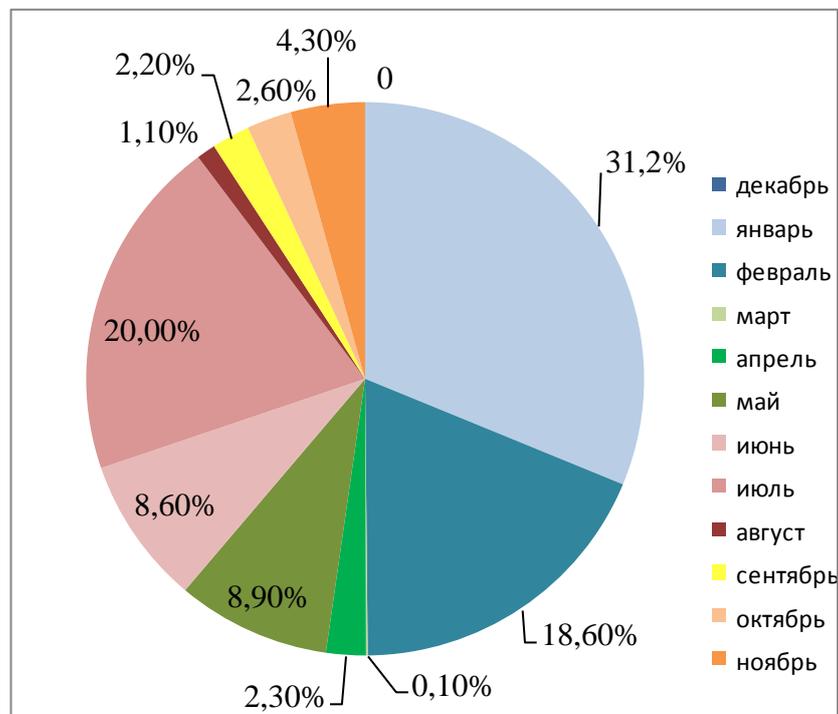
По нашим данным, показатели среднего возраста у второбрачных женщин в Малосундырском приходе Виловатовражской волости и Ардинском приходе Ардинской волости были приблизительно одинаковыми. Соответственно в первом приходе он составлял 36,4 года, во втором приходе – 35,8 года. В Кожважском приходе Виловатовражской волости средний возраст у женщин, вступивших в брак во второй раз, составлял 32,1 года. В Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости этот показатель был значительно ниже и равнялся 22,4 годам.

Средний возраст у третьобрачных мужчин составлял 41,9 года, а у женщин – 42,3 года. При этом в отдельных церковных приходах эти показатели имели свои отличия. Так, в Кожважском приходе Виловатовражской волости он равнялся 42,2 годам. В Ардинском приходе Ардинской волости средний возраст у мужчин, вступивших в брак в третий раз, составлял 41,4 года. В Малосундырском приходе Виловатовражской волости он был выше и равнялся 44,4 годам. В Ардинском приходе Ардинской волости и Малосундырском приходе Виловатовражской волости показатели среднего возраста третьобрачных женщин сильно не отличались. Соответственно в первом он равнялся 45 годам, а во втором – 44 годам. В Кожважском приходе Виловатовражской волости средний возраст у женщин, вступивших в брак в третий раз, был значительно ниже и составлял 38 лет. Кроме того, в записях метрических книг фиксировались и такие брачные союзы, когда разница в возрасте жениха и невесты была весьма существенной. Так, 8 июля 1853 г. в

Ардинском приходе Ардинской волости был зарегистрирован брак между 66-летним крестьянином Павлом Герасимовым из д. Тойдаково и 34-летней дочерью крестьянина Тимофея Иванова Марией из д. Тогашева⁴⁰⁴.

При изучении семейно-брачных отношений большой интерес представляет вопрос относительно сезонности брачных союзов. В рассматриваемое время браки в течение года распределялись неравномерно (см. диаграмма 5).

Диаграмма 5 – Сезонность брачных союзов в горномарийской деревне во второй половине XIX – начале XX в. *

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–37; Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–252; Д. 9. Л. 1–30; Ф. 192. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–531; Ф. 194. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Д. 355. Л. 1–52; Оп. 2. Д. 296. Л. 1–612; Д. 428. Л. 1–535; Д. 429. Л. 1–510; Д. 430. Л. 1–514; Д. 431. Л. 1–452; Д. 432. Л. 1–413; Д. 433. Л. 1–467; Д. 434. Л. 1–428; Д. 483. Л. 1–489; Д. 484. Л. 1–384; Д. 485. Л. 1–241; Д. 550. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 3. Д. 2. Л. 1–131; Д. 3. Л. 1–137; Д. 4. Л. 1–185; Д. 5. Л. 1–169; Д. 6. Л. 1–264; Д. 7. Л. 1–278; Д. 8. Л. 1–249; Оп. 4. Д. 70. Л. 1–448; Д. 71. Л. 1–507; Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431; Д. 104. Л. 1–432.

⁴⁰⁴ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 2. Д. 339. Л. 307.

По нашим данным, брачные союзы чаще всего заключались зимой – 5 078 браков (49,9 %). Из них в январе было отмечено 3 175 браков (31,2 %), в феврале – 1 903 (18,7 %), в декабре – ни одного брака. Возможно, изменение сезонности браков было обусловлено влиянием русских традиций. Как отмечал И. А. Износков, в начале пореформенного периода огромное влияние на обычаи и образ жизни горных марийцев оказывали тесные связи с русскими⁴⁰⁵. Это во многом объяснялось географическим расположением края, через который проходили сухопутные и водные коммуникации. Прежде всего, это Московская дорога, проходившая через Виловатовражскую, Больше-Юнгинскую, Кулаковскую, Татар-Касинскую и Емангашскую волости, Козьмодемьянско-Ядринский почтовый тракт, шедший с севера на юг, Вятский торговый тракт, проходящий по Луговой стороне, водные артерии Волга и Сура⁴⁰⁶. К тому же формированию православных взглядов у горных марийцев, по мнению Л. А. Таймасова, способствовала активная религиозно-просветительская работа сельских священников. Буржуазные преобразования и активизация православной миссии разрушали традиционную культуру⁴⁰⁷. Об этом свидетельствуют и описания современников. Так, этнограф П. С. Кушелев отмечал, что в день сватовства горные марийцы особое внимание уделяли молению перед иконами⁴⁰⁸.

Увеличение количества зимних браков наблюдалось во всех изученных нами церковных приходах, кроме Ардинского прихода Ардинской волости. В Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости зимой было зарегистрировано 1 988 браков (63,5 %). Из них в январе был отмечен 1 261 брак (40,3 %), в феврале – 727 браков (23,2 %), в декабре – ни одного брака (см. приложение 20). В Малосундырском приходе Виловатовражской волости зимой было заключено 1 935 браков (49,1 %). Из них наибольшее количество было отмечено в январе – 1 225 браков (31,1 %), в феврале – 710 (18,0 %), в

⁴⁰⁵ Износков И. А. Обычаи горных черемис. Б. Уголовное право // Труды Казанского губернского статистического комитета. 1869. Вып. II. С. 4.

⁴⁰⁶ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 240.

⁴⁰⁷ Таймасов Л. А. Нерусские монастыри Казанского края: ориентиры конфессионального обновления (вторая половина XIX века) // Япония, Саппоро. 2004. Т. XXI. С. 93; 97.

⁴⁰⁸ Кушелев П. С. Черемисская свадьба // Марийский археологический вестник. 1998. № 8. С. 231.

декабре – ни одного брака (см. приложение 21). В Кожважском приходе Виловатовражской волости брачных союзов, зафиксированных в зимнее время, насчитывалось 555 (56,4 %). Из них в январе было заключено 310 браков (31,5 %), в феврале – 245 (24,9 %), в декабре – ни одного брака (см. приложение 22)⁴⁰⁹. Как уже было отмечено, зимние браки не являлись преобладающими в Ардинском приходе Ардинской волости. Здесь было зафиксировано 619 брачных союзов, что составляло лишь 29,2 % от общего количества браков в приходе. Из них наибольшее количество было отмечено в январе – 421 (19,9 %), в феврале – 198 (9,3 %), в декабре – ни одного брака (см. приложение 23)⁴¹⁰.

По нашим данным, в изученных нами церковных приходах в летнее время было зарегистрировано 3 022 брака (29,7 %). Из них в июне было заключено 875 браков (8,6 %), в июле – 2 035 (20,0 %), в августе – 112 (1,1 %). Полученные результаты свидетельствуют, что в рассматриваемое время традиции заключения браков в летнее время среди горных марийцев постепенно утрачивались. Однако в Ардинском приходе Ардинской волости крестьяне все же предпочитали регистрировать браки летом. Здесь больше половины брачных союзов было заключено летом – 1 265 (59,7 %). Из них в июне было отмечено 324 брака (15,3 %), в июле – 920 (43,4 %), в августе – 21 (1,0 %). Возможно, это было связано с тем, что горные марийцы заволжской части Козьмодемьянского уезда в большей степени сохраняли языческие традиции. Как писал известный миссионер П. Дмитриев, в 1873 г. в с. Арда 10 семей из 24 были «преданы еще язычеству», а в д. Большая Арда 41 двор из 46 придерживался язычества⁴¹¹. Судя

⁴⁰⁹ ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–37; Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–252; Д. 9. Л. 1–30; Ф. 192. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–100; Д. 10. Л. 1–531; Ф. 194. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Д. 355. Л. 1–52; Оп. 2. Д. 296. Л. 1–612; Д. 428. Л. 1–535; Д. 429. Л. 1–510; Д. 430. Л. 1–514; Д. 431. Л. 1–452; Д. 432. Л. 1–413; Д. 433. Л. 1–467; Д. 434. Л. 1–428; Д. 483. Л. 1–489; Д. 484. Л. 1–384; Д. 485. Л. 1–241; Д. 550. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 3. Д. 2. Л. 1–131; Д. 3. Л. 1–137; Д. 4. Л. 1–185; Д. 5. Л. 1–169; Д. 6. Л. 1–264; Д. 7. Л. 1–278; Д. 8. Л. 1–249; Оп. 4. Д. 70. Л. 1–448; Д. 71. Л. 1–507; Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431; Д. 104. Л. 1–432.

⁴¹⁰ ГА РМЭ. Ф. 194. Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 355. Л. 1–52; Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Ф. 305. Оп. 4. Д. 102. Л. 1–428; Д. 103. Л. 1–405.

⁴¹¹ Дмитриев П. Миссионерская деятельность черемисина Петра Дмитриева среди луговых черемис Казанской губернии, Козьмодемьянского уезда, в 1873 году // Известия Казанской епархии, 1873. С. 6.

по всему, среди горных марийцев левобережной части Волги языческие традиции оказались более устойчивыми.

В рассматриваемое время брачные союзы среди горных марийцев в меньшей степени заключались весной и осенью. В это время весенних браков насчитывалось 1 151 брак (11,3 %). Из них наибольшее количество было зарегистрировано в мае – 905 (8,9 %), в апреле – 235 (2,3 %), в марте – 11 (0,1 %). Меньше всего браки заключались осенью – 926 (9,1%). Из них в сентябре было отмечено 223 брака (2,2 %), в октябре – 264 (2,6 %), в ноябре – 439 (4,3 %) ⁴¹².

В сравнительном плане можно привести сведения о сезонности браков среди горных марийцев Васильсурского уезда Нижегородской губернии (см. приложение 24). Так, по данным метрических книг Микряковского церковного прихода, 49,8 % браков было зарегистрировано зимой, 23,6 % – осенью, 15,2 % – весной. Наименьший удельный вес браков был отмечен летом (11,4 %). Полученные данные свидетельствуют, что помесечные колебания брачных союзов были обусловлены, в первую очередь, хозяйственными и религиозными факторами ⁴¹³. Вероятно, крестьяне при выборе времени оформления брачного союза исходили и из экономических соображений.

При комплексном изучении семейно-брачных отношений важным является рассмотрение вопроса относительно «брачного округа». В рассматриваемое время брачный округ горных марийцев оставался устойчивым: женихи выбирали невест либо из селений в пределах своего прихода, либо из близлежащих деревень, относившихся к соседним церковным приходам в пределах своей же волости. Вместе с тем, в некоторых селениях молодые люди

⁴¹² ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–37; Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–252; Д. 9. Л. 1–30; Ф. 192. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–531; Ф. 194. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Д. 355. Л. 1–52; Оп. 2. Д. 296. Л. 1–612; Д. 428. Л. 1–535; Д. 429. Л. 1–510; Д. 430. Л. 1–514; Д. 431. Л. 1–452; Д. 432. Л. 1–413; Д. 433. Л. 1–467; Д. 434. Л. 1–428; Д. 483. Л. 1–489; Д. 484. Л. 1–384; Д. 485. Л. 1–241; Д. 550. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 3. Д. 2. Л. 1–131; Д. 3. Л. 1–137; Д. 4. Л. 1–185; Д. 5. Л. 1–169; Д. 6. Л. 1–264; Д. 7. Л. 1–278; Д. 8. Л. 1–249; Оп. 4. Д. 70. Л. 1–448; Д. 71. Л. 1–507; Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431; Д. 104. Л. 1–432.

⁴¹³ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Выпуск 10. Уезд Козьмодемьянский. Казань, 1891. С. 25.

женились на девушках из довольно дальних селений. Так, в материалах Ардинского прихода отмечено, что 4 июля 1862 г. 22-летний крестьянин Роман Кириллов из д. Ермучаш женился на 19-летней дочери крестьянина Филиппа Андреева Евдокии из д. Липша Царевококшайского уезда⁴¹⁴. В этом же приходе 4 февраля 1840 г. был зарегистрирован брак между 21-летним молодым человеком Федором Ивановым из д. Широкундыш и 18-летней дочерью крестьянина Никифора Семенова из д. Аванур Яранского уезда Вятской губернии⁴¹⁵.

В Микряковском приходе Емангашской волости Васильсурского уезда молодые люди предпочитали выбирать себе невест из селений соседних волостей Козьмодемьянского уезда. Чаще всего девушки были родом из д. Пингель Пернянгаши, д. Цыганово, д. Егорейкино, д. Салмандаевой, д. Ценибеково Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда⁴¹⁶. Так, 11 января 1881 г. был зарегистрирован брак между 22-летним крестьянином Игнатием Егоровым из д. Тимоково Емангашской волости и 17-летней девушкой Ксенией Дмитриевой из д. Салмандаевой Козьмодемьянского уезда. 4 июля 1897 г. крестьянин в возрасте 70 лет Иван Федоров Игнатьев из с. Микряково Емангашской волости женился на 48-летней крестьянке, вдове Татьяне Федоровой из д. Заовражных Юльял Вилатоввражской волости Козьмодемьянского уезда⁴¹⁷.

Как показывают церковные статистические материалы, для горномарийских крестьян в основном были характерны мононациональные браки. Однако в пограничных этноконтатных зонах имели место и смешанные браки. Наибольший удельный вес межнациональных браков был отмечен в Кожважском приходе Вилатоввражской волости. Здесь 19 % браков были марийско-чувашискими⁴¹⁸. Сведения о межэтнических браках горных марийцев

⁴¹⁴ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 355. Л. 34.

⁴¹⁵ ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 2. Л. 404 об.

⁴¹⁶ ГА РМЭ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-93; Ф. 305. Оп. 3. Д. 2. Л. 1-131; Д. 3. Л. 1-137; Д. 4. Л. 1-185; Д. 5. Л. 1-169; Д. 6. Л. 1-264; Д. 7. Л. 1-278; Д. 8. Л. 1-249.

⁴¹⁷ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 402. Л. 130 об.

⁴¹⁸ ГА РМЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-252; Д. 9. Л. 1-30; Ф. 305. Оп. 1. Д. 296. Л. 1-612; Оп. 2. Д. 428. Л. 1-535; Д. 429. Л. 1-510; Д. 430. Л. 1-514; Д. 431. Л. 1-452; Д. 432. Л. 1-413; Д. 433. Л. 1-467; Д. 434. Л. 1-428.

можно встретить и в работе профессора М. Ф. Кандаратского. В частности, он отмечал, что в Кожважском приходе Виловатовражской волости горные мари́йцы редко вступали в брак с русскими и татарами. Однако брачные союзы с чувашами заключались часто. По данным 1887 г., доля таких браков составляла 14 %⁴¹⁹.

Согласно свидетельству лингвиста И. И. Золотницкого, в 1867 г. в мари́йско-чувашской округе с. Кожважи Козьмодемьянского уезда, где многие мари́йские мужчины и женщины могли говорить по-чувашски, мари́йки, выходя замуж за окрестных чувашей, «тот час или вскоре» начинали говорить на языке своих супругов. В мари́йско-чувашских семьях, где чувашская женщина не могла осилить мари́йский язык, муж общался с женой на чувашском языке. Дети в таких семьях с отцом разговаривали на мари́йском языке, а с матерью – на чувашском⁴²⁰.

Современник И. А. Износков отмечал, что в Кожважском и Кузнецовском приходах Виловатовражской волости горные мари́йцы во многом были схожи с чувашами «как своею внешностью, так и умственным развитием»⁴²¹. Общие черты прослеживались и в семейной обрядности. Так, исследователь А. Ф. Риттих писал, что в свадебной обрядности горных мари́йцев и чувашей «те же поезжане, такие же *шилики*, церемонии при отъезде и въезде, одинаковое одевание, прощанье и употребление нагайки»⁴²². Как видно, в свадебных обрядах горных мари́йцев отразились этнические связи с чувашами⁴²³. Многие современники писали, что «*шиллык*» являлся отличительной чертой горномари́йской свадьбы от луговомари́йской⁴²⁴.

Большую работу по изучению семейно-брачных связей между мари́йцами и чувашами провел известный историк Г. А. Николаев. По его мнению, в

⁴¹⁹ Кандаратский М. Ф. Признаки вымирания луговых черемис Казанской губернии. Казань, 1889. С. 39.

⁴²⁰ Николаев Г. А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары, 2016. С. 142–143.

⁴²¹ Износков И. А. Обычаи горных черемис // Памятная книга Казанской губернии за 1868–1869 гг. Казань, 1868. С. 64.

⁴²² Риттих А. Ф. Материалы по этнографии России. XIV. Казанская губерния. Ч. II. Казань, 1870. С. 89.

⁴²³ Козлова К. И. Очерки этнической истории мари́йского народа. М., 1978. С. 245.

⁴²⁴ Яблонский И. Исторические и этнографические сведения о нагорных черемисах уездов: Васильского Нижегородской и Козьмодемьянского Казанской губерний. Современный листок. 1865. № 55–56. С. 56.

рассматриваемое время смешанные браки чаще всего встречались в населенных местах чувашей и марийцев, расположенных в северо-западной части Козьмодемьянского уезда. Здесь степень воздействия марийцев и чувашей друг на друга была практически равной. В своем исследовании автор отмечает, что вследствие таких тесных связей в чувашском языке имеется много слов, заимствованных из марийского языка⁴²⁵. Он также подчеркивает, что, согласно наблюдениям современников, в этноконтрастных зонах акцент чувашской речи был схож с марийским языком. Чувашские крестьяне д. Малое Карачкино в связи с наличием в их культурном пространстве значительного влияния марийской культуры не считали себя «чистыми чувашами».

Проведенный Г. А. Николаевым анализ материалов метрических книг показывает, что такие браки в основном встречались в приходе с. Ильинка, Кузнецовском, Кожважском, Мало-Карчинском и Емелевском приходах. Согласно его данным, в 1901–1910 гг. в Емелевском приходе Больше-Юнгинской волости в 5 марийских селах и деревнях были зарегистрированы межнациональные браки. Так, в д. Якнурь из 45 браков марийско-чувашскими были 5 брачных союзов (1,1 %). В околке Старые Тарашнуры 3 брака (11,1 %) из 27 были заключены между марийцами и чувашками. В околке Новые Тарашнуры таких браков насчитывалось 2 (10,5 %) из 19, в околке Егорейкино – 1 (11,1 %) из 9, в с. Емелево – 1 (1,8 %) из 54. В брачные союзы с марийцами вступили 6 чувашских крестьянок из с. Малое Карачкино, 2 человека из околка Орбы-Павлов, 1 человек из д. Калайкасы, 1 человек из д. Кармыш (Шешкары), 1 человек из околка Емалок (Малая Тюмерля) и 1 человек из околка Китрялино. В это же время в Кожважском приходе марийско-чувашские браки встречались в с. Кожважи, д. Средние Кожважи и Юльял-Кожважи. В с. Кожважи таких браков насчитывалось 11 (19,3 %) из 57. Брачный округ включал околки Токшик, с. Большое Карачкино, д. Корчаково, околки Емалок, околки Ойкасы, д. Кармыш, околки Турыкасы, д. Яблоня (Юнга-

⁴²⁵ Николаев Г. А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары, 2016. С. 176–177.

Ядрина), околосок Эшмулайкасы, околосок Сятрай (Большая Тюмерля), околосок Нижние Ирзеи, околосок Атикасы, околосок Огадеркасы, околосок Шубаев (Шубосы) и околосок Большие Татаркасы. Согласно данным Г. А. Николаева, марийско-чувашские браки заключались и в Мало-Карачкинском приходе. Здесь чувашские женихи предпочитали выбирать себе невест из марийских деревень Юнго-Кушерга, с. Кожважи, д. Малые Паратмары, с. Емелево, с. Паратмары, д. Старые Тарашнуры, околосок Сарлайкин, д. Горная Кушерга, д. Пиндиково, д. Пертюково, с. Шапкили, д. Юльялы, д. Новая Козьмодемьянского уезда, а также из с. Сидельниково Чебоксарского уезда. Автор подчеркивает, что подобная картина наблюдалась и в других церковных приходах, расположенных в пограничной зоне с марийским и чувашским населением⁴²⁶.

По нашим данным, в Малосундырском приходе Виловатовражской волости, Чермышевском приходе Больше-Юнгинской волости и Ардинском приходе Ардинской волости межнациональные браки заключались значительно реже. В этой связи приведем некоторые примеры записей из метрических книг. Так, 13 января 1866 г. в Малосундырском приходе Виловатовражской волости 19-летний юноша Петр Миронов из д. Средние Паратмары женился на 23-летней чувашской девушке Анастасии Архиповой из д. Тораево⁴²⁷. 25 января 1876 г. был заключен брак между 29-летним жителем д. Карачуриной Андреем Степановым и 24-летней чувашской девушкой Ульяной Никитиной из Ильинской пустыни⁴²⁸. Как отмечал известный просветитель К. С. Рябинский, смешанные браки между русскими и горными марийцами встречались крайне редко: В Ардинском приходе, где числилось 312 дворов с населением более 2 тыс. чел., в последнее десятилетие XIX в. таких браков было 2⁴²⁹.

Таким образом, в рассматриваемое время в церковных приходах Козьмодемьянского уезда динамика брачности характеризовалась

⁴²⁶ Николаев Г. А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары, 2016. С. 141–142.

⁴²⁷ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 2. Д. 475. Л. 290 об.

⁴²⁸ ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 2. Д. 348. Л. 673 об.

⁴²⁹ Рябинский К. С. Ардинский приход Козьмодемьянского уезда. Казань, 1900. С. 194–195.

стабильностью. Увеличение удельного веса зарегистрированных браков наблюдалось в 1850–1869 гг. и 1900–1909 гг. В 1870–1899 гг. показатели брачности оставались примерно на одном и том же уровне. Это было связано со сложными социально-экономическими процессами, происходившими в это время в обществе. Значительное влияние на изменение динамики брачности оказывали неблагоприятные демографические показатели, а также развитие в пореформенный период миграционной подвижности крестьян. Показатели брачности в отдельно взятых церковных приходах имели свои особенности, что свидетельствует о влиянии на их изменение локальных, в том числе и природно-географических факторов. Для горных марийцев ранние браки не были характерны. Средний брачный возраст у мужчин и женщин, в зависимости от территории расселения, имел определенные отличия. У мужчин в разных горномарийских поселениях он равнялся 23–25 годам, а у женщин – 20–28 годам. Нередко возраст невесты превышал возраст жениха на 2-3 года, что было связано с экономическими соображениями родителей при выдаче дочерей замуж.

Характерной особенностью семейно-брачных отношений оставались вторичные и третичные браки, причиной которых являлось исключительно овдовение супруга или супруги. Случаев развода не наблюдалось, что свидетельствует о господстве крепких и устойчивых семейно-брачных отношений. На их развитие значительное влияние оказывали православная церковь и миссионерская деятельность священнослужителей, а также все более тесные связи горных марийцев с русскими и чувашами. Это коснулось и сезонности брачных союзов. В рассматриваемое время горные марийцы предпочитали проводить свадьбы в зимнее время, соблюдая, в первую очередь, православные каноны и в то же время некоторые традиционные языческие устои. В большинстве случаев брачный округ горных марийцев охватывал близлежащие селения в радиусе 1-5 км, а также населенные пункты, относившиеся к соседним волостям и церковным приходам в радиусе 6-10 км. Также в это время наблюдалась тенденция увеличения браков, в которых

невеста была из дальних селений (25 км и более). Вероятно, это было связано с увеличением мобильности крестьян в результате развития товарно-денежных отношений. При этом брачные союзы в основном заключались между лицами из числа горных марийцев. Смешанные браки были характерны лишь для пограничных селений в этноконтрастных зонах.

В целом, семейно-брачные отношения горных марийцев в XIX – начале XX в. отличались традиционализмом. Средний брачный возраст у мужчин определялся 22–25 годами, а у женщин – 20–28 годами. Ранние браки среди горных марийцев не получили широкого распространения. На протяжении всего рассматриваемого времени наблюдалось заметное увеличение количества как вторичных, так и третичных браков, причиной которых являлась скоропостижная смерть супруга или супруги в предыдущем браке. Это свидетельствует о тяжелых социально-экономических условиях жизни крестьянской семьи. Характерным представлялось постепенное увеличение зимних и в то же время уменьшение летних брачных союзов, что было обусловлено заметным влиянием русской культуры и усиливавшейся ролью православной церкви. Однако в заволжской части языческие традиции в этом плане были более устойчивыми.

Брачный округ горных марийцев в основном включал селения в пределах одного прихода и населенные пункты, относившиеся к близлежащим церковным приходам на уровне своей и соседней волости. Одной из специфических черт являлось увеличение смешанных браков в горномарийских селениях, граничавших с чувашскими поселениями. В основном это были Кожважский и Кузнецовский приходы Вилатоввражской волости и Емелевский и Чермышевский приходы Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда.

ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОСТАВА И СТРУКТУРЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ ГОРНЫХ МАРИЙЦЕВ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

§ 3.1. Анализ состава и структуры семьи в первой половине XIX в.

Истари жизнеобеспечение марийской семьи, в том числе горномарийской, во многом зависело от трудового потенциала крестьянского двора⁴³⁰. Как и в целом в российской деревне, крестьянский двор в первой половине XIX в. представлял собой родственный коллектив – семью, члены которого были связаны определенной степенью родства и вели совместное хозяйство. Домохозяйство обозначалось как единое хозяйственное, социальное и психологическое целое, базировавшееся на традиционных трудовых устоях и обычаях. Главными критериями единства являлось наличие общего нераздельного имущества и проживание всех членов семейства в одном дворе. Поэтому «хозяйство», «двор» и «семья» являются синонимами⁴³¹.

Для точного определения хозяйственных возможностей крестьянского двора весьма важным представляется изучение состава и структуры семьи. В этой связи следует рассмотреть такие аспекты, как типология семьи, ее родственной, поколенной, численной и половозрастной состав.

Вышеназванные аспекты получили достаточное освещение в отечественной исторической литературе. Применительно к различным категориям крестьянства и регионам страны XVII – первой половины XIX в. они были рассмотрены на материалах писцовых переписных книг и ревизских

⁴³⁰ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 245; Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. № 3. С. 78; Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII в. Йошкар-Ола, 1995. С. 131–133, 322–323; Кадыкова Г. Н. Крестьянская семья луговых марийцев Казанской и Вятской губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 56–65; Иванов А. Г., Кадыкова Г. Н. Состав и структура семьи луговых марийцев середины XIX века // Материалы научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.): сб. ст. Казань, 2015. Вып. 5. С. 191–203; Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 90; Иванов А. Г. Традиционная семья горных марийцев в источниках начала XVIII в. Йошкар-Ола, 2017. С. 83–361.

⁴³¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2. С. 219.

сказок⁴³². При этом материалы церковной статистики, в отличие от фискально-податной, затронуты были лишь в слабой степени. Это относится и к изучению марийской крестьянской семьи, рассмотренной на материалах светской статистики⁴³³. Между тем материалы церковных исповедей содержат подробную информацию относительно состава и структуры крестьянской семьи, в том числе в горномарийской деревне XIX – начала XX в. (см. приложение 25). В этой связи приведем наиболее типичные примеры записей материалов церковных исповедных ведомостей. В 1800 г. в д. Юльялы Кузнецовского прихода Кожваш-Сигачкинской волости проживала двухпоколенная крестьянская семья из 5 чел.: «Степан Лаврентьев (63 года). Жена его Акилина Лукьянова (58 лет). Дети Эйлип (26 лет). Айлика (22 года). Агоэв (12 лет)»⁴³⁴. В материалах исповедных ведомостей часто встречались сведения и о семьях, где супруги иногда со своими младшими детьми проживали вместе с женатым сыном и его детьми. Так, в записях 1800 г. отмечена следующая семья из д. Средней Вершины Сумки Больше-Юнгинской волости: «Крестьянин Иван Никифоров 52 лет и его жена Акулина Николаева 43 лет живут в одном доме со своим сыном Михаилом 24 лет, с его женой Авдотьей Ивановой 23 лет и внучками Анной 8 лет, Марфой 6 лет, Дарьей 2 лет»⁴³⁵.

⁴³² Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII – первой половине XIX в. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX в. Устинов, 1985. С. 3–17; Денисова Н. П. Чувашская крестьянская семья в первой половине XIX в. // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 87–89; Смирнов И. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт // Современные этнокультурные процессы в марийском селе. АЭМК. Йошкар-Ола, 1991. Вып. 20. С. 98; Сулейманов Ф. М. Башкирский двор в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис... канд. ист. наук / 07.00.02. Уфа, 1998. С. 23; Першин С. В., Першина Т. А. Структура семьи населения Мордовии в первой половине XIX в. // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: Сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 175; Халтурина Н. И. Положение помещичьих крестьян Яранского уезда Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 98–102.

⁴³³ Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 245; Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII в. Йошкар-Ола, 1995. С. 131–133, 322–323; Кадыкова Г. Н. Крестьянская семья луговых марийцев Казанской и Вятской губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 56–65; Иванов А. Г., Кадыкова Г. Н. Состав и структура семьи луговых марийцев середины XIX века // Материалы научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.): сб. ст. Казань, 2015. Вып. 5. С. 191–203; Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 90; Иванов А. Г. Традиционная семья горных марийцев в источниках начала XVIII в. Йошкар-Ола, 2017. С. 83–361.

⁴³⁴ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 212 об.

⁴³⁵ Там же. Л. 423 об.

Для рассмотрения поставленных вопросов нами были привлечены выборочные материалы исповедных ведомостей 1800 г. (252 семьи) и 1831 г. (536 семей), относившиеся к двум церковным приходам Козьмодемьянского уезда – Пайгусовскому (Пернянгатскому) приходу Больше-Юнгинской волости и Кузнецовскому приходу Кожваж-Сигачкинской волости. Таким образом, в общей сложности было изучено 898 крестьянских семей 32 горномарийских селений⁴³⁶. Проведенный анализ исповедных ведомостей вышеназванных церковных приходов позволяет утверждать, что в первой половине XIX в. горномарийские семьи в основном образовывались либо по принципу прямого, либо бокового родства. В процентном соотношении эти семьи распределялись неравномерно. В горномарийских селениях преобладали крестьянские семьи по прямому родству (см. приложение 26). Так, в 1800 г. на долю таких семей приходилось 83,16 %, а в 1831 г. – 90,61 %. Удельный вес семей с боковой линией родства в 1800 г. был значительно меньше и составлял 16,83 %, а в 1831 г. он сократился до 9,92 % (см. приложение 27). В это время характерным представлялось увеличение удельного веса семей по прямому родству и одновременно уменьшение семей с боковой линией родства. Значительное преобладание крестьянских семей, основанных на прямом родстве, свидетельствует об определенном этапе развития семейного коллектива, в которых разветвленные линии бокового родства постепенно отмирали⁴³⁷.

Заметим, что родственный состав семей в отдельных церковных приходах имел свои особенности. Так, в первой половине XIX в. в Пайгусовском приходе Больше-Юнгинской волости, включавшем с. Пернянгаши, д. Юнга Пернянгаши, д. Малые и Большие Шурмары, д. Цыганово, д. Салмандаево, Средние Шешмары, д. Малые Емангаши, наблюдалось уменьшение семей, основанных на прямом родстве, и увеличение семей с боковым родством. В 1800 г. на прямом родстве были образованы 85,47 % семей, а в 1831 г. – 82,08 %. При этом доля

⁴³⁶ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; 412–430; Д. 296. Л. 78–108; 403–431.

⁴³⁷ Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 31.

семейных коллективов по боковому родству увеличилась с 14,53 % в 1800 г. до 17,92 % в 1831 г.

В сравнительном плане можно отметить, что у горных марийцев Васильсурского уезда в конце XVIII – первой половине XIX в. наблюдалась такая же тенденция. Доля семей по принципу прямого родства в 1795 г. равнялась 72,47 %, а в 1858 г. – 60,96 %. Семьи, образованные на боковом родстве, в конце XVIII в. составляли 27,53 %, а в середине XIX в. – 39,04 %⁴³⁸. В Кузнецовском приходе Кожваж-Сигачкинской волости, включавшем в себя крестьянское население деревень Пизикнур, Сауткин, Янадаров, Саранов, Микишкин, Серманангер, Апшак Пеляк, Токари, Кукшалида, Паулкин, Ангервуй, Тюмакаев, Томилкин, Тюманов, Кожланангер, Вякшлал, Шерекей, Юльялы, Заовражные Юльялы, Наумово, Шунангер, Этюково, Красногорка, наблюдалось увеличение семей по принципу прямого родства. Так, в 1800 г. удельный вес таких семей составлял 80,15 %, а в 1831 г. – 94,52 %.

В это время значительно сократилось количество семей по боковому родству. В 1800 г. их удельный вес равнялся 19,85 %, а в 1831 г. – 5,48 %⁴³⁹. При характеристике семейно-родственных связей большой интерес представляет вопрос относительно структуры и рабочей силы. В рассматриваемое время среди марийского крестьянства бытовали две формы семьи – большая и малая. Их процентное соотношение в разный период времени отличалось⁴⁴⁰. По нашим данным, в первой половине XIX в. в церковных приходах Козьмодемьянского уезда преобладающей формой являлись малые (простые) семьи (см. приложение 28).

Как видно из данных приложения 28, в 1800 г. в горномарийских селениях доля малых семей составляла 36,30 %. В 1831 г. она увеличилась до 51,09 %. В основном большая часть малых семей образовывалась путем деления сложных семей, часто происходившего в результате смерти главы семейства

⁴³⁸ Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 90.

⁴³⁹ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; Д. 296. Л. 403–431.

⁴⁴⁰ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 214.

или образования брачных пар взрослых женатых сыновей⁴⁴¹. Следует учесть также семейные разделы, периодически проводившиеся земельные переделы, общинную раскладку податей и повинностей и т. д.⁴⁴² Как правило, после смерти старшего мужчины главенство в семье передавалось старшей женщине (жене умершего)⁴⁴³. Одновременно в изученных горномарийских селениях происходило сокращение сложных семей, которые в основном образовывались в результате естественного прироста населения, что выражалось в увеличении численного, родственного и поколенного состава семьи. Иногда семьи расширялись в результате принятия дальних родственников⁴⁴⁴.

По своей структуре сложные семьи делились на «отцовскую», «братскую» и «дяди-племянники». В их состав в основном входили несколько брачных пар с детьми. Бытование таких семейных коллективов в основном обуславливалось как социально-экономическими условиями крестьянской жизни, так и налоговой политикой⁴⁴⁵. Согласно нашим данным, в 1800 г. в изученных нами церковных приходах на долю сложных семейных коллективов приходилось 63,70 %, а в 1831 г. – 48,91 %. Преобладающей в этой группе являлись отцовские семьи, в основе которых лежало нисходящее кровное родство по мужской линии. Их особенность заключалась в более тесных родственных отношениях и непререкаемости авторитета главы семьи, что препятствовало возникновению внутренних конфликтов и обеспечивало максимальную жизнеспособность⁴⁴⁶. В рассматриваемый период характерным являлось уменьшение удельного веса отцовских семей. По данным 1800 г., он равнялся 46,86 %, а в 1831 г. – 38,99 %. Образование таких семей происходило либо в

⁴⁴¹ Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 90.

⁴⁴² Иванов А. Г., Сануков К. Н. История Марий Эл. Йошкар-Ола, 2015. С. 157.

⁴⁴³ Этнография марийского народа / Сост. Сепеев Г. А. Йошкар-Ола, 2001. С. 118–119.

⁴⁴⁴ Першин С. В., Першина Т. А. Структура семьи населения Мордовии в первой половине XIX в. // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: Сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 173; Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 90.

⁴⁴⁵ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 214.

⁴⁴⁶ Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 92; Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 216.

случае естественного роста нуклеарных семей, либо вследствие деления сложных (неразделенных) семейных коллективов. В этой связи приведем пример отцовской семьи, проживавшей в д. Малой Шурмары Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости в 1800 г.: «Алексей Филиппов (55 лет). Жена его Ирина Алексеева (52 года). Дети их Петр (32 года). Жена его Варвара Трофимова (30 лет). Дети Алексея Филиппова Стефан (14 лет), Игнатий (12 лет). Дочери его же Акилина (17 лет), Марина (15 лет), Анна (10 лет). Петрова дети Никифор (12 лет), Егор (4 года). Дочь Марфа (13 лет)»⁴⁴⁷.

В 1800 г. доля братских семей, в основном образовывавшихся в результате смерти главы семейства, составляла 15,18 %, а в 1831 г. – 7,90 %. Так, в материалах исповедных ведомостей 1800 г. отмечено, что в с. Пернянгаши Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости проживала следующая братская семья: «Федор Стефанов (42 года). Жена его Дарья Борисова (46 лет). Дочь их Акулина (11 лет). Брат его Иван Стефанов (45 лет). Жена его Матрена Иванова (36 лет). Сын их Максим (7 лет). Дочери их Варвара (9 лет), Стефанида (2 года)»⁴⁴⁸.

Для сравнения можем отметить, что «братские семьи у горных марийцев Васильсурского уезда в 1795 г. были представлены лишь 2,83 %»⁴⁴⁹. Бытование незначительного количества таких семей объяснялось стремлением взрослых сыновей вести отдельное самостоятельное хозяйство⁴⁵⁰. В рассматриваемое время доля семей типа «дяди-племянники» у горных марийцев была незначительной. По данным исповедных ведомостей 1800 г., их удельный вес составлял 0,67 %, а в 1831 г. – 0,34 %⁴⁵¹. В горномарийских селениях Васильсурского уезда подобные семьи были отмечены только в 1858 г. (8,29 %)⁴⁵².

⁴⁴⁷ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 422.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 414–415.

⁴⁴⁹ Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 91.

⁴⁵⁰ Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 32.

⁴⁵¹ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; 412–430; Д. 296. Л. 78–108; 403–431.

⁴⁵² Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 92.

Примечательно, что в отдельных церковных приходах имелись и некоторые особенности. В частности, в горномарийских селениях Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости происходило уменьшение удельного веса малых семей и одновременно увеличение сложных (неразделенных). В начале XIX в. здесь удельный вес малых семей составлял 44,77 %, а в 1831 г. он уменьшился до 33,96 %. Доля сложных (неразделенных) семей увеличилась с 55,23 % в 1800 г. до 66,04 % в 1831 г. Характерным представляется, что сокращение малых и увеличение сложных семей наблюдалось и среди горных марийцев Васильсурского уезда. Возможно, значительное усиление трудовых затрат, необходимость семейной кооперации способствовали росту сложных семей. По мнению исследователей, большие семьи оправдывали свое существование в тех местностях, которые были отдалены от больших дорог и рынков сбыта, с преобладанием патриархального уклада в экономике⁴⁵³.

В Кузнецовском приходе Кожваж-Сигачкинской волости в это время шла обратная тенденция. Здесь наблюдалось увеличение доли малых семей, и в то же время уменьшение сложных (неразделенных). В начале XIX в. на долю малых семей приходилось 25,19 %, а в 1831 г. – 60,57 %. Удельный вес сложных (неразделенных) семей сократился с 74,81 % в 1800 г. до 39,43 % в 1831 г.⁴⁵⁴ На наш взгляд, рост малых семей свидетельствует об определенной стабильности социально-экономического положения крестьянских семей в этом приходе.

Преобладание малых семей в крестьянской среде в первой половине XIX в. было характерно и для других народов Среднего Поволжья. Среди чувашей Цивильского уезда Казанской губернии, по данным 1816 г., на долю малых семей приходилось примерно 65,00 %, в Чебоксарском уезде – 85,8 %⁴⁵⁵. Такая же картина наблюдалась в структуре башкирской семьи. В 1816 г.

⁴⁵³ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 215.

⁴⁵⁴ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; Д. 296. Л. 403–431.

⁴⁵⁵ Денисова Н. П. Чувашская крестьянская семья в первой половине XIX в. // Традиционное хозяйство и культура чувашей. Чебоксары, 1988. С. 87–89.

в Бирском уезде их удельный вес составлял 74,00 %⁴⁵⁶. В начале XIX в. доля малых семей у удмуртских крестьян составляла 43,10 %⁴⁵⁷.

Примечательно, что в первой половине XIX в. для русских, татар и мордвы, проживавших в Краснослободском уезде Пензенской губернии, было характерно уменьшение малых семей. Среди русских их число к 1834 г., по сравнению с 1816 г., уменьшилось на 3,8 %. Такая же тенденция наблюдалась в мордовской деревне. В это же время доля малых семей у мордвы-мокши уменьшилась с 40,1 % до 31,3 %, а у мордвы-эрзи – с 37,6 % до 24,5 %. Среди татарского населения доля малых семей сократилась с 51,5 % в 1816 г. до 41,1 % в 1834 г.⁴⁵⁸ Удельный вес больших семей среди русских крестьян Яранского уезда Вятской губернии в конце XVIII в. равнялся 81,5 %, а в 1858 г. – 85,6 %⁴⁵⁹.

Проведенный нами анализ исповедных ведомостей показывает, что характерной чертой крестьянской семьи горных марийцев являлось единобрачие, случаи двоеженства не зафиксированы. Вместе с тем в материалах ревизских сказок первой половины XIX в. в редких случаях такие брачные союзы встречались среди луговых марийцев, что существенно отличало состав их семей⁴⁶⁰.

Для более полного понимания структуры горномарийской крестьянской семьи весьма ценным представляется изучение поколенного состава. Проведенный анализ церковной статистики показывает, что в этом отношении в крестьянских семьях происходили значительные изменения. У горных марийцев главным образом преобладали двух и трехпоколенные семьи

⁴⁵⁶ Сулейманов Ф. М. Башкирский двор в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис... канд. ист. наук / 07.00.02. Уфа, 1998. С. 23.

⁴⁵⁷ Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII – первой половине XIX в. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX в. Устинов, 1985. С. 10.

⁴⁵⁸ Першин С. В., Першина Т. А. Структура семьи населения Мордовии в первой половине XIX в. // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: Сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 175.

⁴⁵⁹ Иванов А. Г., Халтурина Н. И. Яранская деревня Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Отечественная история XX–XXI веков: социальные, экономические и политические аспекты, вопросы теории. Памяти доктора исторических наук, профессора Ю. П. Смирнова. Чебоксары, 2012. С. 221.

⁴⁶⁰ Кадыкова Г. Н. Крестьянская семья луговых марийцев Казанской и Вятской губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 56–65.

(см. приложение 29).

Так, в 1800 г. удельный вес двухпоколенных семей составлял 43,56 %, а в 1831 г. он увеличился до 58,49 %. Среди них в большей степени были распространены семьи, состоявшие из супругов или вдовцов с неженатыми детьми. Второе место занимали семейные коллективы, представленные женатыми братьями с неженатыми детьми. Так, в 1831 г. в д. Салмандаево Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости проживала двухпоколенная семья во главе с 39-летним крестьянином Михаилом Ивановым, состоявшая из 4 человек: «жена его Ирина Никитина (37 лет), дети их Настасья (10 лет), Екатерина (7 лет), Дарья (4 года)»⁴⁶¹.

По данным 1800 г., в горномарийских селениях удельный вес трехпоколенных семей составлял 48,84 %, а в 1831 г. уменьшился до 36,47 %. При этом наиболее распространенными были семьи, представленные супругами или вдовцами с их женатыми сыновьями и внуками, иногда с младшими детьми (40,86 %). Кроме того, часто встречались семьи, состоявшие из «супругов или вдовцов, женатых сыновей, внуков и женатых племянников с детьми». Свидетельством этого служат записи исповедных ведомостей 1831 г., в которых отмечено, что в д. Апшат-Пеляк Кузнецовского прихода Кожваж-Сигачикнской волости проживала следующая трехпоколенная семья: «Вдовец Илья Тимофеев (75 лет). Сын Василий (41 год). Жена Авдотья Демидова (35 лет). Дети Марфа (12 лет), Матрена (9 лет), Максим (7 лет), Федор (3 года)»⁴⁶².

Как видно, в течение рассматриваемого времени у горных марийцев сохранялось преобладание двух и трехпоколенных семей, что свидетельствует об относительном стабильном развитии процесса усложнения поколенного состава. В то же время наблюдалось незначительное уменьшение однопоколенных крестьянских семей: с 6,27 % в 1800 г. до 5,04 % в 1831 г., среди которых в основном встречались бездетные пары или одинокие.

⁴⁶¹ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 296. Л. 84.

⁴⁶² Там же. Л. 415.

В материалах исповедных ведомостей фиксировались записи и о четырехпоколенных семьях. В 1800 г. их удельный вес был незначителен и равнялся 1,32 %. Свидетельством этого является следующая семья из д. Юнга Пернянгаши Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости: «Вдовец Кирилл Сильвестров (74 года). Сын его Иван (42 года). Жена его Анна Савельева (40 лет). Дети их Петр (14 лет), Елена (20 лет), Прасковья (16 лет), Ирина (1 год). Внук его Яков Стефанов (34 года). Жена его Агафья Трофимова (39 лет). Дочери их Дария (7 лет), Акулина (6 лет), Марфа (3 года)»⁴⁶³. По данным 1831 г., факты бытования четырехпоколенных семей не отмечены.

Анализ поколенной структуры крестьянских семей показывает, что в ряде мест имелись определенные особенности. Так, в Кузнецовском приходе Кожваж-Сигачкинской волости характерным представлялось увеличение однопоколенных семей. В материалах исповедных ведомостей 1800 г. сведения о таких семьях не зарегистрированы. Однако в 1831 г. их удельный вес составлял 7,83 % от общего числа семей в этом приходе. Среди таких семей преобладали одинокие супруги. Рост бездетных семей свидетельствует об определенном ухудшении экономического положения крестьян Кузнецовского прихода. В Пайгусовском приходе Больше-Юнгинской волости наблюдалась обратная тенденция. Небольшой удельный вес однопоколенных семей (11,04 %) был отмечен только в начале XIX в. В исповедных ведомостях 1831 г. сведения об однопоколенных и четырехпоколенных семьях не зафиксированы.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что в рассматриваемое время продолжалось дальнейшее усложнение поколенной структуры крестьянских семей. Обеспечение жизнедеятельности крестьянской семьи в значительной мере было связано с ее численностью. Как показывают церковные статистические материалы, в течение первой половины XIX в. людность крестьянских семей в определенной степени терпела некоторые изменения (см. приложение 30). Из данных приложения 30 видно, что в начале XIX в. среди горных марийцев в значительной степени преобладали семьи,

⁴⁶³ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 418 об.

состоявшие из 6-10 чел. (51,49 %). В 1831 г. их удельный вес уменьшился до 44,03 %.

На втором месте были крестьянские семьи, состоявшие из 1-5 чел. При этом доля таких семей постепенно увеличивалась. В 1800 г. она составляла 30,36 %, а в 1831 г. – 48,41 %. Также среди горномарийских крестьян наблюдалось уменьшение семей с численностью 11-15 чел. и одновременно увеличение семей в 16-20 чел. Так, в 1800 г. удельный вес семей, в которых насчитывалось 11-15 чел., составлял 17,16 %, а в 1831 г. сократился до 5,21 %. На долю семей с численностью 16-20 чел. в 1800 г. приходилось 0,99 %, а в 1831 г. – 2,35 %⁴⁶⁴.

В рассматриваемое время средняя населенность крестьянского двора возросла с 4-5 чел. в 1800 г. до 6-7 чел. в 1831 г. В связи с этим приведем описание крестьянской семьи из 6 человек, проживавшей в д. Этюково Кузнецовского прихода Кожваж-Сигачкинской волости: «Петр Яковлев (36 лет). Жена Марья Григорьева (31 год). Дети их Иван (10 лет), Катерина (7 лет). Брат его Егор Яковлев (34 года). Жена его Марья Никитина (27 лет). Дети их Акилина (4 года), Василий (2 года)»⁴⁶⁵.

В сравнительном плане следует отметить, что среди луговых марийцев в первой половине XIX в. средняя людность крестьянской семьи возросла с 6 до 8 чел.⁴⁶⁶ Изменение численного состава крестьянских семей было обусловлено многими факторами, в том числе и демографическими изменениями, социально-экономическими условиями, природно-климатическими, территориально-географическими и другими факторами.

Заметим, что в Пайгусовском приходе наблюдалось незначительное уменьшение доли семей с численностью до 5 чел.: с 36,63 % от общего числа семей в этом приходе в 1800 г. до 33,96 % в 1831 г. Одновременно происходило увеличение семей с численностью 6-10 чел. В 1800 г. они составляли 47,67 %, а в

⁴⁶⁴ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; 412–430; Д. 296. Л. 78–108; 403–431.

⁴⁶⁵ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 296. Л. 425.

⁴⁶⁶ Иванов А. Г., Кадыкова Г. Н. Состав и структура семьи луговых марийцев середины XIX в. // Материалы научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.): сб. ст. Казань, 2015. Вып. 5. С. 191–203.

1831 г. – 56,13 %. В то же время заметно сократился удельный вес крестьянских семей, состоявших из 11-15 чел.: с 15,69 % в 1800 г. до 6,60 % в 1831 г. В то же время возросла доля семей, где числилось 16-20 чел. В 1831 г. они были представлены 3,30 %. Увеличение численного состава крестьянских семей свидетельствует о наличии возможностей семейных коллективов расширять свой состав, несмотря на их социально-экономическое положение. В связи с этим приведем пример описания крестьянской семьи д. Юнга Пернянгаши Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости, состоявшей из 14 чел.: «Вдовец Кирилл Сильвестров (74 года). Сын его Иван (42 года). Жена его Анна Савельева (40 лет). Дети их Петр (14 лет), дочери Елена (20 лет), Прасковья (16 лет), Ирина (1 год). Внук его Яков Стефанов (34 года). Жена его Агафья Трофимова (39 лет). Дочери их Дарья (7 лет), Акулина (6 лет), Марфа (3 года). Сестры его, девки Оксинья (22 года). Матрена (19 лет)»⁴⁶⁷. Такая же тенденция была характерна и среди горных марийцев Васильсурского уезда Нижегородской губернии. Согласно данным Г. Н. Кадыковой, в 1795 г. доля семей с численностью 1-5 чел. составляла 83,40 %, а в 1858 г. – лишь 38,24 %. Значительно увеличилась доля семей в 6-10 чел.: с 16,60 % в 1795 г. до 46,26 % в 1858 г.⁴⁶⁸

В Кузнецовском приходе Кожваж-Сигачкинской волости в первой половине XIX в. шло уменьшение семей с численностью 6-10 чел. и одновременно увеличение семей, где насчитывалось 5-6 чел. В 1800 г. удельный вес семей первой группы составлял 56,49 %, а в 1831 г. сократился до 37,34 %. Соответственно на долю семей с численностью 5-6 чел. в 1800 г. приходилось 22,14 %, а в 1831 г. – 56,39 %. Примечательно, что здесь, в отличие от Пайгусовского прихода, наблюдалось сокращение семей с численностью 11-15 и 16-20 чел. В начале XIX в. крестьянские семьи, состоявшие из 11-15 чел., были представлены 19,08 %, а в 1831 г. – всего лишь 4,44 %. Удельный вес горномарийских семей с численностью 16-20 чел. с 2,29 % в 1800 г. сократился

⁴⁶⁷ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 418 об.

⁴⁶⁸ Кадыкова Г. Н. Крестьянская семья луговых марийцев Казанской и Вятской губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 56–65.

до 1,83 % в 1831 г.⁴⁶⁹ Как видно, в этом приходе условия для расширения численного состава крестьянских семей были менее благоприятными. Возможно, это было обусловлено демографической ситуацией (высокая детская смертность, низкая продолжительность жизни и др.), социально-экономическими, природно-географическими (неурожайные годы, стихийные бедствия и др.) и другими факторами.

В сравнительном плане следует подчеркнуть, что в Марийском крае рассматриваемого времени в крестьянской семье в среднем насчитывалось 5-7 человек и не превышало 10-12 чел.⁴⁷⁰ Примечательно, что в XVIII в. в марийской деревне преобладали малые семьи, состоявшие из супругов с их неженатыми детьми или без них, с общей численностью 2-7 чел.⁴⁷¹ В конце XVIII в. марийские семьи в различных уездах Казанской, Вятской и Нижегородской губерний в среднем состояли из 4,8–6,1 чел.⁴⁷²

При изучении структуры крестьянской семьи горных марийцев необходимо обратить внимание на половозрастной состав семьи (см. приложение 31). Как свидетельствуют данные приложения 31, в течение первой половины XIX в. среди горных марийцев сохранялось преобладание женского населения над мужским.

В 1800 г. доля женского населения составляла 52,52 %, а мужского населения – 47,48 %. В 1831 г. на женскую часть населения приходилось 51,37 %, а на мужскую – 48,63 %⁴⁷³. Преобладание женского населения было связано со многими причинами, в том числе с рекрутской системой. Кроме того, занятость мужчин на отхожих и лесных промыслах также могла повлиять на соотношение численности женского и мужского населения⁴⁷⁴. Так, по данным 1800 г., в одном из крестьянских дворов д. Юнга Пернянгаши Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости соотношение членов семьи по половой

⁴⁶⁹ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; Д. 296. Л. 403–431.

⁴⁷⁰ Смирнов И. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт // Межэтнические связи населения Марийского края. АЭМК. 1991. Вып. 20. С. 54–55.

⁴⁷¹ Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII в. Йошкар-Ола, 1995. С. 131–133, 322–323.

⁴⁷² Смирнов И. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт // Современные этнокультурные процессы в марийском селе. АЭМК. 1991. Вып. 20. С. 98.

⁴⁷³ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; 412–430; Д. 296. Л. 78–108; 403–431.

⁴⁷⁴ Сепеев Г. А. Этнография марийского народа. Йошкар-Ола, 2001. С. 37–39.

принадлежности было неравным: «Ефрем Дмитриев (68 лет). Жена его Оксинья Исаева (48 лет). Сын их Василий (18 лет). Дочь Устинья (19 лет). Вдова Анна Иванова (55 лет). Сын ее Егор Никонов (27 лет). Дочери Татьяна (22 года), Васса (14 лет)»⁴⁷⁵.

Своеобразие в половозрастном составе крестьянских дворов прослеживалось и в отдельных церковных приходах Козьмодемьянского уезда. Так, в Пайгусовском приходе Больше-Юнгинской волости в 1800 г. удельный вес женщин составлял 53,28 %, а мужчин – 46,72 %. К 1831 г. разница в половом соотношении уменьшилась. На женскую половину населения приходилось 51,42 %, а на мужскую – 48,58 %. То же самое наблюдалось в Кузнецовском приходе Кожваж-Сигачкинской волости. Здесь в начале XIX в. женское население было представлено 54,38 %, а мужское – 45,62 %. В 1831 г. удельный вес женщин равнялся 48,72 %, а мужчин – 51,28 %.

Анализ половозрастного состава семьи дает возможность определить трудоспособное население. Важно отметить, что хозяйственный потенциал крестьянского двора во многом зависел от количества детей. В горномарийских семьях число детей в основном не превышало 4 чел., тогда как среди луговых марийцев эти цифры доходили до 6 чел. Согласно материалам исповедных ведомостей, в 1800 г. в горномарийских семьях доля детей в возрасте до 5 лет составляла 13,04 %, а 6–10 лет – 14,91 %. Сведения исповедных ведомостей 1831 г. свидетельствуют о незначительном изменении в процентном соотношении этих показателей. В это время удельный вес детей в возрасте до 5 лет увеличивался и составлял 15,07 %. Доля детей в возрасте 6–10 лет сократился до 12,92 %. В среднем в крестьянском дворе имелось один-два ребенка в возрасте до 10 лет⁴⁷⁶.

В сравнительном плане у горных марийцев Васильсурского уезда эти показатели имели свои особенности. Здесь в марийских семьях возрастная группа до 5 лет в 1795 г. была незначительно выше и равнялась 16,96 %. В то же

⁴⁷⁵ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 417.

⁴⁷⁶ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; 412–430; Д. 296. Л. 78–108; 403–431.

время доля детей в возрасте 6-10 лет была ниже и составляла 12,41 %. Полученные сведения свидетельствуют, что численный состав горномарийских семей отличался в зависимости и от территориального размещения.

Примечательно, что в первой половине XIX в. среди горномарийских крестьян возросло число бездетных семей. В 1800 г. к ним относились 2,97 % семей. В 1831 г. их удельный вес увеличился до 5,04 %⁴⁷⁷. Среди горных марийцев Васильсурского уезда в конце XVIII в. доля бездетных семей была значительно больше и равнялась 27,53 %⁴⁷⁸. В сравнении можно упомянуть о половозрастном составе крестьянских семей русского севера в XVIII в. Здесь число детей в крестьянских семьях редко превышало 6 чел. Удельный вес семей с 7-11 детьми также был незначителен (2 %). Преобладающими были брачные союзы, состоявшие из одного-трех детей⁴⁷⁹.

При изучении экономического потенциала крестьянского двора необходимо рассмотреть трудоспособный возраст его членов. В марийских семьях всю тяжелую физическую работу выполняли мужчины. В ведении женщин находились огород, уход за домашним скотом, кроме лошадей⁴⁸⁰. В изученных нами церковных приходах трудоспособная мужская часть населения в возрасте от 16 до 60 лет была представлена в 53,91 %, а женская часть населения – в 56,25 %. Как видно, рабочей силы в горномарийской семье было достаточно. В то же время женщины трудоспособного возраста преобладали над мужчинами, что, вероятно, было связано с рекрутчиной, а также с мобильностью мужского населения. Следует учесть, что часто крестьянам приходилось работать и за пределами трудоспособного возраста, что представлялось вполне естественным. Свой вклад в экономическое благосостояние семьи вносили все ее члены, в том числе дети, подростки и пожилые люди, что в целом было характерно для ведения традиционного крестьянского хозяйства.

⁴⁷⁷ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; 412–430; Д. 296. Л. 78–108; 403–431.

⁴⁷⁸ Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 94.

⁴⁷⁹ Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 20.

⁴⁸⁰ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 215.

Таким образом, в первой половине XIX в. среди горных марийцев бытовали семьи как по прямой линии родства, так и боковым линиям. При этом их процентное соотношение оставалось неравномерным. Среди них преобладающим типом являлась семья, основанная на прямом родстве. Характерным представлялась тенденция увеличения малых (простых) семей и одновременно сокращения сложных (неразделенных). Данный процесс свидетельствует о наличии возможностей крестьянских семей самостоятельно вести хозяйство в пределах небольшой семьи, где в основном проживали супруги с неженатыми детьми. Сложные семьи в большей степени были представлены отцовскими, где проживали отец, женатые сыновья, возможно внуки. Бытование таких семей было обусловлено социально-экономическим положением крестьян в отдельных местностях. Широкое распространение получили двух и трехпоколенные семьи. При этом наблюдалось уменьшение удельного веса семей с численностью 6-10 чел. и увеличение крестьянских дворов, состоявших из 1-5 чел. Устойчивым являлось преобладание женской половины населения над мужской, что было связано с рекрутской системой и увеличением занятости мужчин на отхожих и лесных промыслах.

§ 3.2. Изменения в составе и структуре семьи во второй половине XIX – начале XX в.

Определенные изменения в составе и структуре горномарийской крестьянской семьи произошли во второй половине XIX – начале XX в. Об этом свидетельствуют изученные нами данные сохранившихся исповедных ведомостей Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости и Кожважского прихода Виловатовражской волости 1860 г. (500 семей) и Кожважского церковного прихода 1915 г. (208 семей). В общей сложности предметом анализа стали 708 крестьянских семей 21 горномарийского селения⁴⁸¹.

⁴⁸¹ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 410–445; 721–766; Д. 629. Л. 297–329.

Проведенный анализ исповедных ведомостей вышеназванных церковных приходов позволяет утверждать, что крестьянские семьи делились на две большие группы: по принципу прямого и бокового родства, процентное соотношение которых различалось (см. приложение 32, 33). В это время в горномарийских селениях преобладали семьи по прямому родству. Так, в 1860 г. на долю таких семей приходилось 84,60 %, а в 1915 г. – 88,46 %. В сравнительном плане можем привести данные десятой ревизии Козьмодемьянского уезда, подтверждающие господство в горномарийских селениях семей, образованных по принципу прямого родства. По данным 1858 г., их удельный вес составлял 70,85 %. Семейные коллективы, основанные на боковом родстве, были представлены 29,15 %. Такая же тенденция была отмечена и среди горных марийцев Васильсурского уезда. В 1858 г. прямое родство было характерно для 60,96 % семей, а боковое родство – для 39,04 %⁴⁸². Среди семейных коллективов первой группы больше всего были распространены семьи, состоявшие из супругов с неженатыми детьми. В 1860 г. удельный вес таких семей составлял 43,80 %.

В этой связи приведем пример крестьянской семьи такого типа, проживавшей в д. Кожважи Кожважского прихода Виловатовражской волости в 1860 г.: «Иван Данилов (63 года). Жена его Мелания Назарова (41 год). Дети их Яков (22 года), Григорий (21 год), Георгий (19 лет), Егор (18 лет), Петр (5 лет), Настасья (28 лет), Наталья (8 лет), Агриппина (1 год)»⁴⁸³. На втором месте были семьи, включавшие в себя супругов, их женатых сыновей, внуков и младших детей (10,60 %). В начале XX в. большинство семей состояло из супругов с неженатыми детьми (37,02 %). В то же время увеличилась доля семей во главе с матерью-вдовой или отцом-вдовцом с неженатыми детьми (16,83 %).

Относительно семейных коллективов с боковым родством следует отметить, что в 1860 г. на их долю приходилось 15,40 % семей, а в 1915 г. – 11,54 %. Среди них преобладающими были семьи, представленные женатыми

⁴⁸² Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 90.

⁴⁸³ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. С. 429.

братьями с их неженатыми детьми, иногда с их снохой. В 1860 г. они составляли 11,80 %, а в 1915 г. – 7,70 %⁴⁸⁴.

Изучение родственного состава горномарийских семей в отдельных церковных приходах позволило выявить некоторые особенности. Так, в 1860 г. в Пайгусовском церковном приходе Больше-Юнгинской волости, к которому относились крестьяне с. Пингель Пернянгаши (Пайгусово), д. Средние Вершины Сумки (Цыганово), д. Юнга Пернянгаши, д. Малые Шурмары, д. Большие Шурмары, д. Салмандаево, д. Средние Шешмары, большинство семей было основано на прямом родстве (94,74 %). Среди них преобладали супруги со своими неженатыми детьми (57,31 %). Доля семейных коллективов по боковому родству составляла всего лишь 5,26 %. В этой группе наиболее распространенными были семьи из женатых братьев с их неженатыми детьми (2,63 %)⁴⁸⁵.

В Кожважском приходе Виловатовражской волости, включавшем в себя с. Кожважи, д. Ширгиялы, д. Верхние, д. Средние и Нижние Шактенважи, д. Средние Кожважи, околотки Альдиев, Лицкунур, Якимов, Митрошкин, Михаткин, Макаров, Юльял-Кожважи и Немцево, эти показатели имели свои отличительные черты⁴⁸⁶. Так, в 1860 г. семей по прямому родству, в отличие от Пайгусовского церковного прихода, насчитывалось меньше (62,66 %). В 1915 г. их удельный вес увеличился до 88,46 %. В то же время наблюдалось уменьшение числа семей с боковым родством. В 1860 г. их удельный вес равнялся 37,34 %, а в 1915 г. – 11,54 %. Среди семей с прямым родством здесь, как и в Пайгусовском приходе, преобладали семьи, включавшие супругов с неженатыми детьми (14,56 %). На втором месте были семьи, состоявшие из супругов с двумя женатыми сыновьями и их детьми (12,03 %). В группе семей, образованных по боковому родству, в наибольшей степени встречались семьи, включавшие женатых братьев, иногда их сноху и неженатых детей (31,65 %).

⁴⁸⁴ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 410–445; 721–766; Д. 629. Л. 297–329.

⁴⁸⁵ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 721–766.

⁴⁸⁶ Справочная книга Казанской епархии. Казань, 1909. С. 162.

Как видно, для рассматриваемого времени было характерно увеличение семей по прямому родству и уменьшение семей по боковым линиям родства. Значительное преобладание семей, основанных на прямом родстве, свидетельствует о периодическом отмирании разветвленных линий бокового родства в семейных коллективах⁴⁸⁷.

В сравнительном плане уместно привести данные по удмуртской семье. К 1858 г. соотношение между семьями различного типа родства становилось практически одинаковым. Принцип прямого родства был характерен для 51 % семей. Остальные семьи (49 %) были образованы на основе бокового родства⁴⁸⁸. В 1858 г. у русских крестьян на территории Яранского уезда Вятской губернии 44,00 % семей имели прямые линии родства, а 56,00 % семей – боковые⁴⁸⁹.

В рассматриваемое время процентное соотношение больших и малых семей отличалось⁴⁹⁰. По нашим данным, в горномарийских селениях характерным представлялось увеличение малых и сокращение сложных семей. Вместе с тем во второй половине XIX в. абсолютное большинство семей все еще представляли сложные (неразделенные) семейные коллективы (см. приложение 34).

Это во многом объяснялось медленным развитием товарно-денежных отношений в деревне и недостатком индивидуализма в крестьянских дворах. В начале XX в. усилившиеся семейные разделы по экономическим, психологическим и другим причинам заставляли малую семью воспроизводить саму себя. В условиях острого малоземелья, высоких налогов и выкупных платежей, широкого развития кустарных промыслов и мелкотоварного производства существование больших семейных коопераций становилось невыгодным. Малая семья была лучше приспособлена к развивавшемуся товарному хозяйству⁴⁹¹.

⁴⁸⁷ Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 31.

⁴⁸⁸ Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII – первой половине XIX в. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX в. Устинов, 1985. С. 5.

⁴⁸⁹ Иванов А. Г., Халтурина Н. И. Указ. соч. С. 221.

⁴⁹⁰ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 214.

⁴⁹¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000. Т. 2. С. 230.

Как видно из таблицы 17, в 1860 г. в горномарийских селениях сложные семьи были представлены 52,40 %, а малые – 47,60 %. К 1915 г. удельный вес больших семей уменьшился до 46,15 %, соответственно доля малых семей увеличилась до 53,85 %⁴⁹². Полученные сведения подтверждают результаты исследования Г. Н. Кадыковой, основанного на материалах ревизских сказок 1858 г. Согласно ее данным, в это время среди горных марийцев доля сложных семей составляла 53,14 %, а малых – 42,15 %⁴⁹³.

Преобладание малых семей в начале XX в. было обусловлено участвовавшими семейными разделами⁴⁹⁴. Чаще всего образование малых семей происходило после смерти главы семейства, вследствие большого размера семьи, затруднявшего управление ею, нехватки жилья, семейных ссор, грубости, недоверия к главе семьи и других причин, указывавших на невозможность дальнейшего проживания единым коллективом. Экономические условия жизни горномарийской крестьянской семьи позволяли пренебрегать родственными узами. Это было отмечено и дореволюционными исследователями⁴⁹⁵. К причинам образования малых семей следует отнести и семейные разделы, периодически проводившиеся земельные переделы, общинную раскладку податей и повинностей и т. д.

Как правило, после смерти старшего мужчины главенство в семье передавалось старшей женщине (жене умершего)⁴⁹⁶. Так, в материалах исповедных ведомостей Пайгузовского прихода 1860 г. сохранилось описание крестьянской семьи во главе с женщиной-вдовой, проживавшей в с. Пингель Пернянги (Пайгузово): «Умершего Александра Андреева жена Вера Федорова (38 лет). Пасынки Никита, холост (21 год), Иоанн, холост (18 лет), Марина (19 лет), Марфа (16 лет). Сын ее Алексей (5 лет)»⁴⁹⁷.

⁴⁹² ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 410–445; 721–766; Д. 629. Л. 297–329.

⁴⁹³ Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 90.

⁴⁹⁴ Бакланова Е. Н. Указ. соч. С. 32.

⁴⁹⁵ Смирнов И. Н. Черемисы. Казань, 1889. С. 111.

⁴⁹⁶ Этнография марийского народа / Сост. Сепеев Г. А. Йошкар-Ола, 2001. С. 118–119.

⁴⁹⁷ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 723 об.

В рассматриваемое время в изученных нами горномарийских селениях происходило уменьшение количества сложных (неразделенных) семей, в основном образовывавшихся в результате естественного прироста населения, что выражалось в увеличении численного, родственного и поколенного состава. Расширение семьи происходило и в результате принятия дальних родственников или приемных детей⁴⁹⁸. В этой связи уместно привести сведения 1860 г. о крестьянской семье околодка Верхние Сумки Больше-Юнгинской волости: «Афанасий Миронов (52 года). Жена его Татьяна Федорова (66 лет). Приемных их Николай Трофимов (33 года). Жена его Мария Николаева (31 год). Дети их Феодосия (9 лет), Алексей (8 лет), Филипп (3 года), Никифор (1 год)»⁴⁹⁹.

Среди сложных семейных коллективов преобладающей являлись отцовские семьи с нисходящим кровным родством по мужской линии. Их бытование во многом обуславливалось как социально-экономическими условиями крестьянской жизни, так и налоговой политикой⁵⁰⁰. Такие семьи в основном образовывались в результате естественного роста малых семей и вследствие деления сложных (неразделенных). По данным 1860 г., удельный вес отцовских семей равнялся 37,00 %, а в 1915 г. сократился до 29,33 %⁵⁰¹. В этой связи приведем пример описания отцовской семьи, проживавшей в околодке Ширгиялы Кожважского прихода Виловатовражской волости в 1915 г.: «Василий Егоров (66 лет). Жена его Анна Якимова (59 лет). Дети их Порфирий (34 года), Иосиф (28 лет), Максим (24 года), Яков (20 лет), Мелания (9 лет), Евстафий (39 лет). Жена его Елизавета Матвеева (29 лет). Дети их Мелания (13 лет), Николай (11 лет), Ольга (9 лет), Татьяна (5 лет), Пелагея (3 года)»⁵⁰². Заметим, что такие семьи отличались высоким авторитетом родителей или представителей более старшего поколения. Уважение, послушание и почитание,

⁴⁹⁸ Першин С. В., Першина Т. А. Структура семьи населения Мордовии в первой половине XIX в. // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: Сб. материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2002. С. 173; Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 90.

⁴⁹⁸ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 723.

⁴⁹⁹ Там же. Л. 723.

⁵⁰⁰ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. С. 214.

⁵⁰¹ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 410–445; Л. 721–766; Д. 629. Л. 297–329.

⁵⁰² ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 629. Л. 311.

поддерживаемые общинными традициями и определенными нормами поведения, являлись основными принципами построения внутрисемейных отношений.

В 1860 г. доля братских семей, образованных в большинстве случаев после смерти главы семейства, составляла 14,60 %, а в 1915 г. – 8,65 %. Семьи типа «дяди-племянники» у горных марийцев встречались значительно реже. В 1860 г. на их долю приходилось 0,80 %, в 1915 г. – 0,48 %. Примечательно, что в отдельных церковных приходах имелись и некоторые особенности. В частности, в горномарийских селениях Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости во второй половине XIX в. характерным представлялось преобладание малых семей (61,40 %). Удельный вес сложных (неразделенных) семей составлял 38,60 %. Среди них наибольшее распространение получили отцовские семьи (33,34 %). Братские семьи встречались значительно реже (5,26 %) ⁵⁰³. Возможно, это было связано с тем, что крестьяне в большей степени предпочитали вести хозяйство малой семьей, а сложные семейные коллективы сохранялись лишь благодаря авторитету и власти старших членов семьи. Их деление обычно происходило в результате смерти хозяина-главы или вследствие достижения определенного развития. Примечательно, что в большинстве случаев семьи основывались на прямой линии родства, что приводило к уменьшению численности семьи. Нередким явлением становилось нарушение обычая не делиться при жизни отца, что становилось причиной непродолжительного пребывания крестьянского хозяйства на стадии составной семьи. Частые семейные разделы постепенно разрушали большие патриархальные семьи и приводили к сокращению продолжительности бытования составных семей ⁵⁰⁴.

В Кожважском приходе Вилатоввражской волости, в отличие от Пайгусовского прихода, в значительной степени преобладали сложные (неразделенные) семьи. В 1860 г. на их долю приходилось 82,28 %, а на долю малых семей – 17,72 %. В 1915 г. удельный вес сложных семей сократился почти в два раза (46,15 %), и одновременно увеличилась доля малых семей (53,85 %).

⁵⁰³ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 721–766.

⁵⁰⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000. Т. 2. С. 227–228.

Следует отметить, что разница в процентном соотношении отцовских и братских семей была незначительной. В 1860 г. отцовские семьи были представлены 44,94 %, а братские – 37,34 %. В начале XX в. их соотношение существенно изменилось. На отцовские семьи приходилось 29,33 %, а на братские – 8,65 %⁵⁰⁵. Характерно, что среди горных марийцев Васильсурского уезда, по данным 1858 г., удельный вес отцовских семей равнялся 26,20 %, а братских семей – 22,73 %⁵⁰⁶.

В целом, у марийских государственных крестьян во второй половине XIX в. преобладающей была неразделенная семья (66,97 %), обеспечивавшая большую эффективность в хозяйственном производстве⁵⁰⁷. В сравнительном плане необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемое время заметные изменения происходили и в структуре чувашской крестьянской семьи. Согласно данным 1858 г., для Цивильского уезда было характерно увеличение сложных семей (48 %) и сокращение малых⁵⁰⁸. Постепенное снижение доли малых семей было характерно и среди удмуртских крестьян. По данным X ревизии, их удельный вес составлял 21,9 %⁵⁰⁹. Структура башкирского двора к середине XIX в. претерпела значительные изменения: сложные (неразделенные) семьи составляли чуть меньше половины всех дворов (36 %) ⁵¹⁰. Процесс уменьшения малых семей наблюдался и среди русских, мордовских и татарских крестьян Пензенской губернии⁵¹¹.

По всей видимости, к росту неразделенных семей в значительной степени приводили усилившиеся трудовые затраты. Возможно, это было связано и с социальным положением крестьян. К этому необходимо добавить наблюдения исследовательницы М. В. Гришкиной применительно к удмуртской деревне, где также наблюдалась тенденция увеличения сложных семей, причиной которой, по

⁵⁰⁵ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 410–445; Д. 629. Л. 297–329.

⁵⁰⁶ Кадькова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 91.

⁵⁰⁷ Там же. С. 91.

⁵⁰⁸ Денисова Н. П. Указ. соч. С. 87–89.

⁵⁰⁹ Гришкина М. В. Удмуртская семья в XVIII – первой половине XIX в. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX в. Устинов, 1985. С. 6, 10.

⁵¹⁰ Сулейманов Ф. М. Указ. соч. С. 23.

⁵¹¹ Першин С. В., Першина Т. А. Указ соч. С. 175.

ее мнению, стало истощение свободных земель, сокращение общинного земельного фонда, размеров крестьянских наделов. Община испытывала определенные сложности в соблюдении очередности в отправке рекрут в армию⁵¹².

В сравнительном плане отметим, что в Европейской России в середине XIX в. преобладали сложные неразделенные крестьянские семьи. На рубеже XIX – начала XX в. наблюдалось уменьшение численного состава семьи, сокращение больших составных семей. В 50 губерниях Европейской России наивысший процент больших семей в начале XX в. сохранялся в черноземной Воронежской губернии (менее 15 % семей, в которых проживало менее 30 % крестьян). Как отмечают исследователи, главной формой семейной организации крестьянства являлась малая семья, а составная семья была лишь одной из стадий ее внутреннего развития для преобладающего числа крестьян⁵¹³.

Согласно материалам исповедных ведомостей, горномарийская крестьянская семья основывалась на единобрачии. Вместе с тем в редких случаях в материалах исповедных ведомостей фиксировались сведения о незаконнорожденных детях. Одна из таких семей была отмечена в 1860 г. в д. Вершины Сумки (Цыганово) Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости: «Умершего Ефима Иванова жена Феодосия Яковлева (54 года). Дети ее Мавра, девица (27 лет), Михаил (16 лет) и незаконнорожденный Алексей (13 лет)⁵¹⁴.

Характерным представляется и то, что среди горных марийцев преобладали патрилокальные браки, т.е. переход жены в дом мужа⁵¹⁵. В то же время в записях исповедных ведомостей фиксировались и случаи поселения мужа в доме жены. Обычно бедным марийцам, не имевшим возможностей вести

⁵¹² Гришкина М. В. Семья и община – социокультурные ценности удмуртского мира (XVII – первая половина XIX в.) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XV–XIX в.», посвящ. 80-летию юбилею доктора исторических наук С. Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). Казань, 2010. С. 288–289.

⁵¹³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000. Т. 2. С. 225; 227.

⁵¹⁴ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 724 об.

⁵¹⁵ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 145.

самостоятельное хозяйство, приходилось идти в примаки. Кроме того, крестьянские семьи, не имевшие собственных сыновей, принимали в свой дом мужа единственной или младшей дочери в целях сохранения хозяйства. В частности, факт поселения мужа в родительском доме жены был отмечен в 1860 г. в д. Средние Шурмары Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости⁵¹⁶.

Заметим, что в рассматриваемое время происходили значительные изменения в поколенном составе семей. Преобладающей формой оставались двухпоколенные семьи (см. приложение 35). Так, в 1860 г. в изученных нами церковных приходах их удельный вес с 59,80 % в 1860 г. увеличился до 62,50 % в 1915 г. Среди них в значительной степени были распространены семьи, представленные супругами или вдовцами с неженатыми детьми. В 1860 г. на их долю приходилось 47,00 %. На втором месте были семьи, состоявшие из женатых братьев с неженатыми детьми (11,80 %).

В связи с этим приведем пример такой семьи, проживавшей в д. Большой Шурмары Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости в 1860 г.: «Василий Петров (52 года). Жена его Евдокия Козмина (41 год). Дети их Козма, холост (24 года), Иоанн (17 лет), Дарья (9 лет), Тихон (4 года). Федор Петров (42 года). Жена его Ксения Егорова (37 лет). Дети их Никифор (14 лет), Александр (10 лет), Матрона (2 года). Филипп Петров (40 лет). Жена его Наталия Матвеева (34 года). Дети их Акилина (7 лет), Алексей (5 лет), Георгий (4 года). Умершего Ивана Ефремова дети Митрофан (17 лет), Анна (14 лет)»⁵¹⁷. В то же время характерным представлялось уменьшение трехпоколенных семей: с 37,80 % в 1860 г. до 29,33 % в 1915 г. Среди них абсолютное большинство представляли супруги или вдовцы со своими женатыми сыновьями, иногда младшими детьми и внуками (37,00 %). В частности, в исповедных ведомостях Кожважского прихода Виловатовражской волости 1860 г. отмечено, что в д. Средние Кожважи проживала следующая семья: «Вдова умершего Филиппа

⁵¹⁶ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 730.

⁵¹⁷ Там же. Л. 735.

Гаврилова жена Домна Григорьева (50 лет). Дети у них Стефан (18 лет), Илья (10 лет), Акилина (12 лет). Ефим Филиппов (35 лет), Жена его Дарья Семенова (35 лет)»⁵¹⁸. В то же время у горных марийцев наблюдалось увеличение однопоколенных крестьянских семей: с 0,6 % в 1860 г. до 5,29 % в 1915 г., среди которых в основном встречались супруги без детей или одинокие. Примечательно, что сведения о четырехпоколенных семьях отсутствовали.

Анализ поколенной структуры крестьянских семей позволил выявить и некоторые особенности в ряде мест. Так, в Кожважском приходе Виловатовражской волости значительно возросло количество двухпоколенных семей: с 51,27 % в 1860 г. до 62,50 % в 1915 г. Среди них чаще всего встречались семьи из женатых братьев с неженатыми детьми (31,65 %). В это же время наблюдалось уменьшение удельного веса трехпоколенных семей: с 47,47 % в 1860 г. до 29,33 % в 1915 г. По данным 1860 г., преобладание двухпоколенных семей было отмечено и в Пайгусовском приходе Больше-Юнгинской волости (63,74 %), среди которых широкое распространение получили семьи, представленные супругами или вдовцами с их неженатыми детьми (60,53 %). Удельный вес трехпоколенных семей был меньше и равнялся (33,34 %).

Обеспечение жизнедеятельности крестьянской семьи в значительной мере было связано с ее численностью. Как показывают церковные статистические материалы, определенные изменения произошли и в людности крестьянских семей (см. приложение 36). Среди горных марийцев значительно были распространены семьи с численностью 6-10 чел. В 1860 г. их удельный вес составлял 52,40 %, а в 1915 г. – 42,31 %. На втором месте были крестьянские семьи из 1-5 чел. Примечательно, что доля таких семей постепенно увеличивалась: с 38,00 % в 1860 г. до 52,40 % в 1915 г. В это же время в горномарийских селениях наблюдалось уменьшение семей с численностью 11-15 чел. и 16-20 чел. Так, в 1860 г. удельный вес семей из 11-15 чел. составлял 9,00 %, а в 1915 г. – 5,29 %. На долю семей с численностью 16-20 чел. в 1860 г. приходилось 0,60 %. В начале XX в. существование таких дворов не отмечено.

⁵¹⁸ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 423 об.

Численный состав крестьянских семей в отдельных церковных приходах имел свои колебания. В частности, в Пайгусовском приходе Больше-Юнгинской волости в 1860 г. большинство семей состояло из 1-5 чел. (51,46 %). На втором месте были семьи с численностью 6-10 чел. (44,74 %). Удельный вес семей из 11-15 чел. был незначителен (3,51 %). Крестьянские дворы, насчитывавшие 16-20 чел., встречались крайне редко (0,29 %). В Кожважском приходе Виловатовражской волости наблюдалось уменьшение численного состава крестьянских семей. По данным 1860 г., здесь преобладали семьи из 6-10 чел. (68,99 %). В 1915 г. их доля сократилась до 42,31 %. В то же время значительно возрос удельный вес крестьянских дворов, состоявших из 1-5 чел.: с 8,86 % в 1860 г. до 52,40 % в 1915 г. Так, в 1915 г. в околке Ширгиялы Кожважского прихода Виловатовражской волости проживала семья, состоявшая из 5 чел.: мужа Михаила Матвеева (44 года), его жены Ирины Ивановой (35 лет) и их детей Василия (16 лет), Артемия (13 лет), Феклы (11 лет)⁵¹⁹. На втором месте были семьи с численностью 11-15 чел. (20,89 %). Однако в начале XX в. их доля сократилась почти в четыре раза (5,29 %). Характерным представлялось и уменьшение семей из 16-20 чел. (1,26 % в 1860 г.). В начале XX в. такие семьи вообще перестали существовать.

В сравнительном плане следует подчеркнуть, что такая же тенденция наблюдалась и среди горных марийцев Васильсурского уезда Нижегородской губернии. Здесь в 1858 г. большинство семей состояло из 6-10 чел. (46,26 %). На втором месте были семьи с численностью 1-5 чел. (38,24 %)⁵²⁰. В целом марийские семьи, по данным X ревизии, состояли из 6-10 чел. (41,94 %). Увеличение людности в крестьянской семье в середине XIX в. наблюдалось и среди чувашей. Так, в Чебоксарском уезде средняя людность чувашских семей составляла 5,91 чел., а в Цивильском уезде – 7,97 чел.⁵²¹ В Бирском уезде в одном дворе проживало 7 чел.⁵²² В Среднем Поволжье наблюдался рост средней

⁵¹⁹ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 629. Л. 310.

⁵²⁰ Кадыкова Г. Н. Государственные марийские крестьяне Среднего Поволжья в конце XVIII - первой половине XIX веков: автореф. дис... канд. ист. наук / 07.00.02. Чебоксары, 2006. С. 22–23.

⁵²¹ Денисова Н. П. Указ. соч. С. 87–89.

⁵²² Сулейманов Ф. М. Указ. соч. С. 23.

численности семей⁵²³. Изменение состава и численности крестьянской семьи было обусловлено многими факторами, среди которых значительное влияние оказывали стихийные бедствия (голод, вспышки эпидемий, войны и другое). Как отмечают исследователи, в целом по России крестьянский двор никогда не отличался многолюдностью. Возможно, это было связано с высокой смертностью и короткой продолжительностью жизни. Так, в Пермской губернии средний двор состоял из 7,06 чел., в Нижегородской губернии – 6,89 чел., в Киевской губернии – 7,32 чел.⁵²⁴

Примечательно, что все члены семьи подразделялись на несколько половозрастных групп, каждая из которых выполняла определенные функции. Здесь уместно выделить взрослых мужчин и женщин, подростков и детей. В некоторых семьях проживали старики преклонного возраста, которые уже не могли участвовать в общесемейных работах и поэтому занимали особое положение.

Каждая половозрастная группа выполняла конкретные обязанности, что наиболее четко отражалось в больших неразделенных семьях⁵²⁵. Среди горных марийцев сохранялось преобладание женского населения над мужским (см. приложение 37). В 1860 г. доля женского населения составляла 51,22 %, а мужского населения – 48,78 %. Одной из основных причин такой тенденции являлась рекрутская система и увеличивавшаяся занятость мужчин на различных отхожих промыслах. Так, в материалах исповедных ведомостей Пайгусовского прихода Больше-Юнгинской волости 1860 г. имеется описание следующей семьи: «Отданного в военную службу Дмитрия Егорова дети Егор (7 лет), Федор Дмитриев (26 лет), жена его Наталья Матвеева (25 лет), дочь у них Мария (5 лет)»⁵²⁶.

Таким образом, в рассматриваемый период в изученных нами церковных приходах Козьмодемьянского уезда крестьянские семьи горных марийцев

⁵²³ Ларичев А. А. Указ. соч. С. 12.

⁵²⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2000. Т. 2. С. 222.

⁵²⁵ Смирнов И. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт // Межэтнические связи населения Марийского края. АЭМК. 1991. Вып. 20. С. 107.

⁵²⁶ ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 737.

различались как по прямому, так и боковому родству. Большинство семей было основано на прямой линии родства, среди которых преобладали такие семьи, как «супруги с неженатыми детьми». Характерным представлялся процесс увеличения малых (простых) семей и одновременно сокращения сложных (неразделенных). При этом господствующими являлись сложные семейные коллективы, среди которых весьма широко распространены были отцовские семьи. Их бытование во многом было связано с социально-экономическими условиями жизни крестьян. Среди горных марийцев в большей степени встречались двухпоколенные семьи, в основном состоявшие из супругов или вдовцов с неженатыми детьми. На втором месте были трехпоколенные семьи. Существенные изменения происходили в численном составе крестьянских дворов. Основная масса домохозяйств состояла из 6-10 чел. Однако в начале XX в. удельный вес таких семей заметно уменьшался. В это время наблюдался рост семей с численностью 1-5 чел. (приложение 38). Характерным представлялось уменьшение числа дворов, состоявших из 11-15 и 16-20 чел. (см. приложение 39).

В целом, в течение XIX – начала XX в. состав и структура крестьянской семьи горных марийцев прошли свою эволюцию. Характерным представлялось, что на протяжении всего рассматриваемого времени абсолютное большинство семейных коллективов было основано по принципу прямого родства. На протяжении всего рассматриваемого времени наблюдался процесс постепенного роста малых (простых) семей и уменьшения сложных (неразделенных), что во многом обуславливалось увеличением численности населения, уменьшением душевого надела и сложностью существовавших поземельных отношений. Большие семьи в значительной степени были представлены отцовскими, где родители проживали вместе с женатыми сыновьями и их детьми. В рассматриваемое время в горномарийских селениях сохранялась тенденция постепенного увеличения числа двухпоколенных семей и уменьшения трехпоколенных.

Определенные изменения происходили в численном составе крестьянских семей. В начале XIX в. большая часть крестьянских дворов состояла из 6-10 чел. (51,49 %), в 1830-е гг. – из 1-5 чел. (48,41 %), в 1860-е гг. – из 6-10 чел. (52,4 %), в начале XX в. – из 1-5 чел. (52,4 %), что было вызвано происходившими социально-экономическими и другими процессами. Примечательно, что изменения коснулись и половозрастной структуры семьи. Устойчивостью отличалось преобладание женского населения над мужским, что во многом объяснялось большей подвижностью мужчин, постоянным увеличением их занятости в различных кустарных и отхожих промыслах, в особенности во второй половине XIX – начале XX в. Свои коррективы в процентное соотношение мужчин и женщин вносила рекрутская система. На изменение типологии семей, их родственного, поколенного, численного и половозрастного состава оказывали влияние многие факторы, в том числе и социально-экономическое развитие горномарийской деревни, демографические процессы, природно-климатические, территориально-географические и другие факторы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, горномарийская крестьянская семья в XIX – начале XX в. представляла собой сложный организм, жизнеобеспечение которого во многом было обусловлено особенностями естественно-географических, природно-климатических условий, территориальным размещением, социально-экономическими и другими факторами. Территория расселения горных марийцев оставалась неизменной. К этому времени основной их массив размещался в правобережье Волги и в ее левобережье. Крестьянские семьи проживали в разных типах сельских поселений (село, деревня, выселок и околодок), относившихся к различным волостям и церковным приходам. В административном отношении основной их массив был размещен в нагорной части Козьмодемьянского и Васильсурского уездов. Удельный вес горных марийцев левобережья Волги был незначительным. В социальном отношении горные марийцы относились к категории государственных крестьян. В этническом отношении ближайшими их соседями были русские, чувашивирьял, а в левобережной части – луговые марийцы. Расселение горных марийцев в этноконтактных зонах и их постоянное взаимодействие с другими народами во многом отражалось в их культуре.

Благоприятные природно-географические, климатические условия, удобное территориальное размещение и другие факторы способствовали значительному приросту численности горномарийского населения. В рассматриваемое время численность горных марийцев увеличилась более чем в два раза, что во многом определялось естественным движением народонаселения – превышением рождаемости над смертностью. Общее количество крестьянских семей возросло почти в два раза. Правобережная часть являлась одной из густонаселенных. В нагорной части в начале XIX в. плотность населения в среднем на 1 кв. км составляла 24-25 чел., в середине XIX в. – 43-44 чел.; а в начале XX в. – 56-57 чел. В левобережной части плотность населения на всем протяжении рассматриваемого периода колебалась в пределах

3-6 чел. на 1 кв. км. Демографический рост, густая населенность в правобережье Волги приводили к острой нехватке земли, что способствовало оттоку некоторой части горных марийцев с исконной территории расселения. Переселения, начавшиеся в пореформенный период, во многом были связаны с развитием капиталистических отношений, а также периодически возникавшими голодными годами, вспышками эпидемий и другими условиями. Несмотря на некоторые негативные факторы, демографические процессы в целом были положительными и характеризовались высокими темпами прироста населения, особенно во второй половине XIX – начале XX в.

Система жизнеобеспечения горномарийской крестьянской семьи основывалась на многоотраслевом хозяйстве, полностью приспособленном к условиям окружающей среды. Ведущее место в нем занимало пашенное земледелие. В правобережной части Козьмодемьянского и Васильсурского уездов в связи с более плодородной почвой большое развитие получили садоводство и огородничество, которые постепенно приобретали торговый характер. Крестьянский опыт был богат множеством способов, приемов земледелия, повышавших эффективность крестьянского труда, улучшавших плодородие почвы и увеличивавших урожайность. По уровню земледельческих знаний горные марийцы не отставали от русских, чувашей, татар и других народов Среднего Поволжья.

Однако сохранение традиционных способов возделывания земли и привычных орудий труда и даже появление новых пахотных орудий, введение новых сортовых семян не могли обеспечить крестьянам высокий урожай. Это объяснялось, в первую очередь, истощенностью плодородия почвы, нехваткой минеральных удобрений и примитивным состоянием орудий труда. Одним из негативных факторов являлось малоземелье, связанное с закреплением обширных лесных площадей и общинных земель казенным ведомством. В то же время занятие земледелием осложнялось тем, что, несмотря на значительный прирост населения, размер крестьянской наделной земли не увеличивался, а, наоборот, в результате постоянного дробления уменьшался. Свои коррективы в

развитие земледелия в определенной степени вносили природно-климатические условия. Периодические стихийные бедствия в виде ранних заморозков, засух, града, дождливого лета, суровой зимы и др. в одночасье могли погубить весь урожай и привести к массовому голоду крестьян. Такими были 1817, 1822, 1847, 1868, 1869, 1883, 1890, 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1902, 1905, 1912, 1917 гг. и другие неурожайные годы.

Вторым по важности хозяйственным занятием являлось животноводство. Благополучие крестьянской семьи определялось количеством поголовья скота, содержание которого, в первую очередь, зависело от кормовой базы. Развитие хозяйства во многом было обусловлено наличием лошади как основной тягловой силы. На изменение поголовья скота влияли многочисленные факторы, в том числе и неурожайные годы и эпизоотия. Характерной особенностью стало увеличение числа безлошадных и бескоровных хозяйств, особенно в годы Первой мировой войны. Мобилизация трудоспособной части мужского населения, сокращение рабочей силы, скота стали причиной уменьшения посевных площадей и, соответственно, падения урожайности, роста налогов и недоимок, приводивших к ухудшению благосостояния крестьянской семьи.

В системе жизнеобеспечения крестьянской семьи значительное место занимали многочисленные неземледельческие промыслы и мелкотоварное производство. В сложившихся условиях крестьяне были вынуждены искать дополнительные заработки для поддержания и обеспечения жизни семьи. Это нашло отражение в широком развитии кустарных и отхожих промыслов, в особенности во второй половине XIX – начале XX в., ставших периодом расцвета самых разнообразных промыслов: бондарного, мебельного, горшочного, кузнечного, корзинного, кожевенного и др. В это время появились многочисленные мастера по дереву, металлу, меху, коже, ткани и т. п. Крестьянские промыслы претерпели качественные изменения. Домашняя промышленность перерастала в мелкое ремесло, соответственно, ремесло – в мелкое товарное производство. В условиях начавшегося процесса расслоения крестьянского населения происходило формирование узкого слоя

предпринимателей из числа зажиточных крестьян, часть которых даже меняла свой социальный статус.

В целом, сложившаяся в XIX – начале XX в. система жизнеобеспечения, несмотря на такие негативные факторы, как малоземелье, чересполосица, многополосица наделов, трехпольный севооборот, рутинная техника, высокие налоги и недоимки, периодические стихийные бедствия, эпизоотии и др., позволяла крестьянской семье горных марийцев, как основной ячейке в социальной структуре, удовлетворять свои потребности, вести многоотраслевое и комплексное хозяйство, основанное на земледелии, животноводстве, различных неземледельческих промыслах и мелкотоварном производстве.

Положительная динамика брачности прослеживалась на всем протяжении рассматриваемого времени. Средний брачный возраст у мужчин и женщин, в зависимости от территории расселения, в определенной степени отличался. У мужчин в разных горномарийских поселениях он равнялся 22-25 годам, а у женщин – 21-24 годам. Вторичные и третичные браки значительно уступали первичным. Определенное их распространение было связано с тем, что оставшиеся вдова или вдовец предпочитали вновь вступать в брак. Чаще всего горномарийские крестьяне в первой половине XIX в. заключали браки в летнее время, в основном в июле. Отсутствие брачных союзов в декабре и небольшое количество их в марте и августе свидетельствует о влиянии экономических, религиозных, географических и иных факторов на сезонность браков. В большинстве случаев брачный округ оставался устойчивым и охватывал близлежащие деревни в радиусе 1-5 км, а также селения, относившиеся к соседним волостям в радиусе 6-10 км. Крайне редко встречались факты, связанные с выбором невест из дальних селений (25 км и более). В основном браки заключались между лицами из числа горных марийцев. Межнациональные (марийско-чувашские) браки были характерны лишь для пограничных селений в этноконтактных зонах.

Заметное увеличение удельного веса зарегистрированных браков было отмечено в 1850–1917 гг. В то же время определенные промежутки времени

имели свои особенности. В частности, в 1870–1899 гг. показатели брачности оставались неизменными. Во многом это было связано со сложными социально-экономическими процессами пореформенного периода. Значительное влияние на изменение динамики брачности оказывали неблагоприятные демографические показатели, а также развитие миграционной подвижности крестьян.

Показатели брачности в отдельно взятых церковных приходах имели свои особенности, что свидетельствует о влиянии на их изменение локальных, в том числе и природно-географических факторов. Для горных марийцев ранние браки не были характерны. Средний брачный возраст у мужчин определялся 23-25 годами, а у женщин – 20-28 годами. Во второй половине XIX – начале XX в. нередко невеста была старше жениха на 2-3 года, что было связано с экономическими соображениями родителей. Характерной особенностью семейно-брачных отношений оставались повторные браки, причиной которых являлось исключительно овдовение супруга или супруги в предыдущем браке. Случаев развода не наблюдалось, что свидетельствует о господстве крепких и устойчивых супружеских отношений.

Значительное влияние на эволюцию семейно-брачных отношений оказывали православная церковь и миссионерская деятельность священнослужителей, а также усиливавшиеся связи горных марийцев с русскими и чувашами. Это коснулось и сезонности брачных союзов. Во второй половине XIX – начале XX в. горные марийцы предпочитали проводить свадьбы в зимнее время, соблюдая, в первую очередь, православные каноны и в то же время некоторые традиционные языческие устои. Семейно-брачные отношения рассматриваемого времени отличались устойчивостью и традиционализмом. Для них было характерно единобрачие, базировавшееся на действовавших церковных канонах, государственном законодательстве и сложившихся устоях народной культуры.

Характерно, что в первой половине XIX в. среди горных марийцев бытовали семьи как по прямой линии родства, так и боковым. При этом в

процентном соотношении эти семьи распределялись неравномерно. Среди них преобладающим типом являлась семья, основанная на прямом родстве. Характерным представлялась тенденция увеличения малых (простых) семей и одновременно сокращение сложных (неразделенных). Данный процесс свидетельствует о наличии возможностях крестьянских семей самостоятельно вести хозяйство в пределах небольшой семьи, где в основном проживали супруги с неженатыми детьми. Сложные семьи в большей степени были представлены отцовскими, где проживали отец, женатые сыновья, возможно внуки. Бытование таких семей было обусловлено социально-экономическим положением и особенностями расселения горномарийского населения. Заметное распространение двух и трехпоколенных семей во многом объяснялось стремлением воссоздать целостную социально-экономическую единицу жизнеобеспечения крестьянской семьи. При этом происходило увеличение семей, в которых проживало два поколения людей. В горномарийских селениях наблюдалось уменьшение семей с численностью 6-10 чел. и увеличение семей в 1-5 чел. В основном в это время у горных марийцев женская половина населения преобладала над мужской, что было связано с рекрутской системой и увеличением занятости мужчин на отхожих и лесных промыслах.

Во второй половине XIX – начале XX в. по типу родства крестьянские семьи были представлены неравномерно. Большинство семей было основано на прямом родстве, преобладавшими из которых были такие семьи, как «супруги с неженатыми детьми». В это время характерным являлся процесс увеличения малых (простых) семей и одновременно сокращения сложных (неразделенных). При этом господствовавшими являлись сложные семейные коллективы, среди которых весьма широко были распространены отцовские семьи, основанные на нисходящем кровном родстве по мужской линии. В это время характерным было преобладание двухпоколенных семей. В значительной степени были распространены семьи, состоявшие из супругов или вдовцов и неженатых детей. На втором месте были трехпоколенные семьи. В начале XX в. доля таких семей существенно сократилась, и в это время в основном бытовали семьи с

численностью 1-5 чел. Характерным стало уменьшение количества семей, состоявших из 11-15 и 16-20 чел.

В целом, в рассматриваемое время среди горных марийцев преобладали различные типы крестьянских семей, представленные в основном простыми (малыми) и сложными (неразделенными) формами. При этом наблюдалась тенденция увеличения удельного веса малых и уменьшения сложных семейных коллективов. Характерным являлось преобладание семей, основанных на прямом родстве. В тоже время наблюдалось увеличение двухпоколенных и уменьшение трехпоколенных семей. Численный состав семей в зависимости от различных факторов имел тенденцию увеличения или уменьшения. В основном среди горных марийцев встречались семьи с численностью 1-5 и 6-10 чел. Крестьянская семья в течение своего существования подвергалась различным хозяйственно-морфологическим изменениям (росту, упадку и другим).

Таким образом, крестьянская семья горных марийцев являлась главной производительной силой горномарийской деревни, занимала ведущее место в ее социально-экономическом развитии. Природно-географический фактор жизнеобеспечения семьи, комплексный многоотраслевой характер крестьянского хозяйства, его рабочие возможности; высокие темпы прироста крестьянского народонаселения в значительной степени обуславливали социэкономический облик крестьянства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ)

1. Ф. 3. Исправник Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1840–1917 гг. – Оп. 1. – Д. 2, Д. 9, Д. 22, Д. 23, Д. 29, Д. 75, Д. 76, Д. 85, Д. 95, Д. 99, Д. 103, Д. 106, Д. 129, Д. 130, Д. 133, Д. 181, Д. 192, Д. 210, Д. 215, Д. 262, Д. 298, Д. 313, Д. 420, Д. 444, Д. 478, Д. 577, Д. 638, Д. 662.

2. Ф. 5. Козьмодемьянское уездное по воинской повинности присутствие Казанской губернии 1856–1917 гг. – Оп. 1. – Д. 25, Д. 74, Д. 90, Д. 91.

3. Ф. 11. Козьмодемьянское уездное казначейство Казанской губернии 1782–1918 гг. – Оп. 1. – Д. 11, Д. 15, Д. 32, Д. 43, Д. 94, Д. 115, Д. 168, Д. 222, Д. 247, Д. 310.

4. Ф. 12. Земский начальник 1-го участка Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1891–1917 гг. – Оп. 1. – Д. 6, Д. 11, Д. 14, Д. 15, Д. 16, Д. 17, Д. 18, Д. 21, Д. 24, Д. 27, Д. 28, Д. 35, Д. 39, Д. 43, Д. 49, Д. 52, Д. 53, Д. 55, Д. 56, Д. 59, Д. 61, Д. 94, Д. 95, Д. 99, Д. 105, Д. 107, Д. 117, Д. 142, Д. 146, Д. 154, Д. 11, Д. 227, Д. 260, Д. 297.

5. Ф. 13. Пристав 1-го стана Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1842–1917 гг. – Оп. 1. – Д. 7, Д. 14, Д. 21, Д. 47, Д. 54, Д. 55, Д. 63, Д. 77, Д. 92, Д. 102, Д. 113, Д. 132, Д. 142, Д. 152, Д. 158, Д. 165, Д. 173, Д. 188, Д. 198, Д. 204, Д. 213.

6. Ф. 14. Мировой посредник 2-го участка Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1862–1875 гг. – Оп. 1. – Д. 1, Д. 5, Д. 16, Д. 18, Д. 23, Д. 35, Д. 44, Д. 112, Д. 114, Д. 130, Д. 136, Д. 172, Д. 180, Д. 186, Д. 189, Д. 306, Д. 350, Д. 362, Д. 370, Д. 373, Д. 434, Д. 481.

7. Ф. 23. Христорожественская церковь с. Чермышево Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1781–1866 гг. – Оп. 1. – Д. 1, Д. 2, Д. 3, Д. 4, Д. 5, Д. 6, Д. 7, Д. 8.

8. Ф. 24. Николаевская церковь с. Виловатово Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1918 г. – Оп. 1. – Д. 1, Д. 2.

9. Ф. 29. Петропавловская церковь с. Кузнецово Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1908–1912 гг. – Оп. 1. – Д. 1.

10. Ф. 30. Емангашское волостное правление Васильсурского уезда Нижегородской губернии 1876–1918 гг. – Оп. 1. – Д. 1, Д. 2, Д. 3, Д. 4, Д. 5, Д. 6, Д. 7, Д. 8, Д. 9, Д. 10, Д. 12, Д. 13, Д. 14.

11. Ф. 36. Спасо-Преображенская церковь с. Кожважи Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1782–1877 гг. – Оп. 1. – Д. 3, Д. 4, Д. 5, Д. 8, Д. 9.

12. Ф. 47. Козьмодемьянская уездная землеустроительная комиссия Казанской губернии за 1907–1917 гг. – Оп. 1. – Д. 7, Д. 17, Д. 18, Д. 19, Д. 28, Д. 37, Д. 45, Д. 50, Д. 52, Д. 77, Д. 78.

13. Ф. 49. Козьмодемьянская уездная земская управа Казанской губернии 1864–1917 гг. – Оп. 1. – Д. 3, Д. 4, Д. 6, Д. 7, Д. 10, Д. 14, Д. 16–18, Д. 26, Д. 27, Д. 37, Д. 40, Д. 43а, Д. 54, Д. 75, Д. 81, Д. 82, Д. 86, Д. 101, Д. 103, Д. 105, Д. 111, Д. 115, Д. 132, Д. 148, Д. 166, Д. 196, Д. 518, Д. 592, Д. 647, Д. 655, Д. 660, Д. 803, Д. 909, Д. 1228 оц., Д. 1241.

14. Ф. 60. Козьмодемьянское волостное правление Казанской губернии 1847–1917 гг. – Оп. 1. – Д. 1, Д. 3, Д. 14, 21, Д. 44, Д. 63, Д. 65, Д. 86, Д. 154, Д. 245, Д. 316.

15. Ф. 66. Козьмодемьянское уездное по крестьянским делам присутствие Казанской губернии 1865–1893 гг. – Оп. 1. – Д. 13, Д. 15, Д. 16, Д. 28, Д. 32, Д. 34, Д. 36, Д. 39, Д. 49, Д. 56, Д. 64, Д. 93, Д. 107, Д. 113, Д. 116, Д. 148, Д. 159, Д. 194.

16. Ф. 67. Земский начальник 2-го участка Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1891–1916 гг. – Оп. 1. – Д. 1, Д. 5, Д. 7, Д. 11, Д. 26, Д. 28,

Д. 30, Д. 31, Д. 58, Д. 60, Д. 72, Д. 87, Д. 90, Д. 98, Д. 110, Д. 113, Д. 121, Д. 160, Д. 191, Д. 203, Д. 379, Д. 390, Д. 410.

17. Ф. 74. Больше-Юнгинское волостное правление Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1839–1914 гг. – Оп. 1. – Д. 2, Д. 5, Д. 6, Д. 7, Д. 9, Д. 10.

18. Ф. 89. Церковь святителя чудотворца Мирликийского Николая с. Микряково Васильсурского уезда Нижегородской губернии 1894–1917 гг. – Оп. 1. – Д. 1.

19. Ф. 172. Козьмодемьянское духовное правление Казанской епархии Казанской губернии 1750–1915 гг. – Оп. 1. – Д. 45, Д. 46, Д. 296, Д. 317, Д. 618, Д. 629.

20. Ф. 192. Троицкая церковь с. Малый Сундырь Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1780–1872 гг. – Оп. 1. – Д. 2–11.

21. Ф. 194. Христорождественская церковь с. Арда Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1803–1872 гг. – Оп. 1. – Д. 1, Д. 2, Д. 3, Д. 4.

22. Ф. 195. Христорождественская церковь с. Пернянгаши Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. – Оп. 1. – Д. 1 а.

23. Ф. 300. Козьмодемьянская уездная земская комиссия по переписи населения Казанской губернии 1896–1897 гг. – Оп. 1. – Д. 3, Д. 4, Д. 5.

24. Ф. 302. Межевая контора Козьмодемьянского уезда Казанской губернии за 1793–1865 гг. – Оп. 1. – Д. 103, Д. 105, Д. 107, Д. 118.

25. Ф. 305. Коллекция метрических книг церквей Царевококшайского, Козьмодемьянского, Уржумского, Яранского уездов Казанской губернии. – Оп. 1. – Д. 287, Д. 288, Д. 289, Д. 296, Д. 296, Д. 297, Д. 298, Д. 299, Д. 300, Д. 301, Д. 306, Д. 307, Д. 314, Д. 315, Д. 316, Д. 317, Д. 318, Д. 319, Д. 320, Д. 326, Д. 327, Д. 334, Д. 355, Оп. 2. – Д. 550, Д. 551, Д. 552, Д. 553, Д. 554, Д. 555, Д. 428, Д. 429, Д. 430, Д. 431, Д. 432, Д. 433, Д. 434, Д. 483, Д. 484, Д. 485, Оп. 3. – Д. 2, Д. 3, Д. 4, Д. 5, Д. 6, Д. 7, Д. 8, Оп. 4. Д. 70, Д. 71, Д. 99, Д. 100, Д. 101, Д. 104; Оп. 4. – Д. 62, Д. 63, Д. 68, Д. 69, Д. 70, Д. 71, Д. 72, Д. 73, Д. 74, Д. 75, Д. 88, Д. 89.

26. Ф. 306. Коллекция копий документов по истории Республики Марий Эл, хранящихся в государственных архивах Российской Федерации. – Оп. 1. – Д. 30, Д. 64, Д. 71, Д. 74.

1.2. Опубликованные источники

1. Акпарс: Исследования и материалы / Авторы-составители Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2007. – 216 с.

2. Алметева, И. В. Козьмодемьянское уездное земское хозяйство в начале XX века / И. В. Алметева // Марийский археографический вестник. – 2011. – № 21. – С. 153–165.

3. Васканова, Н. А. Материалы земской управы о противохолерных мерах среди крестьянского населения Козьмодемьянского уезда 1866 г. / Н. А. Васканова // Марийский археографический вестник. – 2016. – № 26. – С. 138–143.

4. Васканова, Н. А. Метрические книги церковных приходов Козьмодемьянского уезда за 1816–1830 годы / Н. А. Васканова // Марийский археографический вестник. – 2017. – № 27. – С. 115–119.

5. Веске, М. Исследование о наречиях черемисского языка / М. Веске // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1889. – Т. VII. – 146 с.

6. Вихманн, Ю. У черемис. Из дневника / Ю. Вихманн / пер. Э. Лебедевой / Ю. Вихманн // Ончыко. – 2001. – № 3. – С. 138–152.

7. Вихманн, Ю. У черемис. Из дневника / Ю. Вихманн / пер. Э. Лебедевой / Ю. Вихманн // Ончыко. – 2001. – № 4. – С. 111–125.

8. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Казанская губерния. – СПб.: Деп. Ген. штаба, 1850. – Т. 5. – Ч. 1. – 135 с.

9. Вячеслов, Н. Козьмодемьянский уезд Казанской губернии / Н. Вячеслов // Казанские губернские ведомости. – 1854. – № 18. – С. 11–43.

10. Гакстгаузен, А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России / А. Гакстгаузен. – М.: Тип. А. Н. Мамонтова и К, 1870. – Т. 1. – 490 с.

11. Грачева, Ф. Т. Горномарийские пословицы, поговорки, приметы, загадки. / Ф. Т. Грачева. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2001. – 236 с.

12. Дневниковые записи Юлии Вихманн / пер. Э. Лебедевой // Финно-угроведение. – 1996. – № 3. – С. 117–153.

13. Документальные материалы о Козьмодемьянской лесной ярмарке конца XIX – начала XX в. / Подготовка к публикации, предисловие и примечание А. Н. Чимаева // Марийский археографический вестник. – 2003. – № 13. – С. 196–201.

14. Документы реформы 24 ноября 1866 года в государственной деревне (Козьмодемьянский уезд Казанской губернии) / Подготовка, предисловие и примечание В. П. Яковлева // Марийский археографический вестник. – 2000. – № 10. – С. 215–216.

15. Звездин, И. И. Краткий очерк состояния кустарно-отхожих промыслов Васильского уезда / И. И. Звездин // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом. Под ред. А. С. Гацисского. – Нижний Новгород, 1890. – Т. IX. – С. 10–23.

16. Знаменский, П. Горные черемисы Казанского края: (Из наблюдений очевидца) / П. Знаменский // Вестник Европы. – 1867. – Т. 4. – С. 16–23.

17. Иванов, А. Г. Источники по истории и культуре народов Волго-Вятского региона (XVIII – начало XX в.) / А. Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. – 542 с.

18. Иванов, А. Г. Традиционная семья горных марийцев в источниках начала XVIII века / А. Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2017. – 416 с., илл.

19. Износков, И. А. Замечательные в историческом отношении селения и местности Горночеремисского края / И. А. Износков // Труды Казанского

губернского статистического комитета. – Казань: Типография Губернского Правления, 1870. – Вып. 1–2. – С. 45–57.

20. Износков, И. А. Обычаи горных черемис: Гражданское право / И. А. Износков // Памятная книга Казанской губернии за 1868–1869 гг. – Казань: Типография Губернского Правления, 1868. – С. 60–92.

21. Износков, И. А. Обычаи горных черемис: Уголовное право / И. А. Износков // Труды Казанского губернского статистического комитета. – Казань: Типография Губернского Правления, 1869. – Вып. 2. – С. 60–72.

22. История и культура народов Марий Эл в источниках середины XIX в. / Сост., предисл. и примеч. А. Г. Иванова. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2016. – 176 с.

23. История Марийского края в документах и материалах / Сост. Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. – 564 с.

24. Кандаратский, М. Ф. Признаки вымирания луговых черемис Казанской губернии / М. Ф. Кандаратский. – Казань: Тип. Каз. Ун-та, 1889. – С. 39–49.

25. Кеппен, П. И. Ведомость о народонаселении России по уездам и губерниям и областей / П. И. Кеппен. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1850. – 48 с.

26. Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / Сост., предисл. и коммент. А. Г. Иванова. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008. – 616 с.

27. Козьмодемьянск и его уезд в 1916 году (по сведениям адрес-календаря и справочной книжки Казанской губернии) / Предисловие, подготовка к печати и примечания Н. А. Вахрушевой // Марийский археографический вестник. – 1993. – № 3. – С. 103–112.

28. Крестьянское землевладение Казанской губернии. Козьмодемьянский уезд. – Казань: Типография И. В. Ермолаевой, 1907. – Выпуск 10. – 118 с.

29. Крестьянское хозяйство и быт горных марийцев в описаниях Х. А. Родионова начала XX века (публ. А. Г. Иванова, Г. А. Николаева) // Марийский археографический вестник. – 2008. – № 18. – С. 148–159.

30. Кроковский, М. С. Горные черемисы в Казанской губернии / М. С. Кроковский // Журнал Министерства внутренних дел. – СПб.: Типография Министерства Внутренних дел, 1853. – Ч. 41. – № 2. – С. 222–239.

31. Кроковский, М. С. Этнография горных черемис, обитающих Казанской губернии в Козьмодемьянском уезде (публ. А. Г. Иванова) / М. С. Кроковский // Марийский археографический вестник. – 2003. – № 13. – С. 165–177.

32. Культура и быт марийцев в описаниях православного духовенства середины XIX века / Подготовка к публикации, предисловие и примечание А. Г. Иванова // Марийский археографический вестник. – 2004. – № 14. – С. 150–159.

33. Кушелев, П. С. О свадьбе марийцев во второй половине XIX века (публ. Г. А. Сепеева, Г. Н. Айплатова) / П. С. Кушелев // Марийский археографический вестник. – 1998. – № 8. – С. 230–233.

34. Кушелев, П. С. Черемисская свадьба: Из быта черемис Козьмодемьянского уезда Казанской губернии / П. С. Кушелев // Вятские губернские ведомости. – 1893. – С. 23–32.

35. Лаптев, М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / М. Лаптев. – СПб.: Гл. упр. Ген. штаба, 1861. – 345 с.

36. Леонтьев, Н. Этнографические записки о Казанской губернии / Н. Леонтьев // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1844. – Ч. 2. – С. 11–15; 77–84; 111–125.

37. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. – СПб.: Военная типография, 1861. – 622 с.

38. Материалы для исследования промыслов населения Казанской губернии. – Казань: Казан. Губ. зем. управа, 1887. – 295 с.

39. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Уезд Козьмодемьянский. – Казань: Типография губернского правления, 1891. – Выпуск 10. – 381 с.

40. Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Выпуск IX. Васильский уезд. – Нижний Новгород: Типография Нижег. Губ. Правления и Товар. А. Ржонскицкаго, 1890. – 225 с.

41. Михайлов, С. М. Собрание сочинений / С. М. Михайлов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 510 с.

42. Михайлов, С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / С. М. Михайлов. – Чебоксары: Научно-иссл. ин-т при Совете министров Чувашской АССР, 1972. – 232 с.

43. Моляров, И. Я. Беседы к черемисам Кузнецовского прихода кузнецовского школьного учителя Ивана Яковлевича Молярова / И. Я. Моляров // Известия по Казанской епархии. – 1873. – № 7. – С. 114–124.

44. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 г. – Нижний Новгород: Нижегородское губернское правление, 1864. – 75 с.

45. Памятная книжка по Казанской губернии на 1863 г. – Казань: Казанское губернское правление, 1862. – 92 с.

46. Полное собрание законов Российской империи. 1837 г. – СПб.: Тип. Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1838. – Т. 12. – 2-е собр.; 1838 г. – СПб.: Тип. Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1839. – Т. 13. – 2-е собр.; 1839 г. – СПб.: Тип. Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1840. – Т. 14. – 2-е собр.; 1840 г. – СПб.: Тип. Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1841. – Т. 15. – 2-е собр.

47. Приволжские города и селения в Казанской губернии с картою р. Волги и рисунками. – Казань: Типография Губернскаго Правления, 1892. – 235 с.

48. Пчеловодство в Казанской губернии. По обследованию 1908 года и другим данным. Составил А. Е. Хабачев. – Казань: Казан. о-во пчеловодства, 1911. – С. 13–72.

49. Риттих, А. Ф. Материалы для этнографии России: Казанская губерния / А. Ф. Риттих. – Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1870. – 152 с.

50. Рогозин, В. Черемисы. Историко-этнографический очерк / В. Рогозин. – СПб., 1881. – 24 с.

51. Рождественский, М. Быт горных черемис Козьмодемьянского уезда в религиозно-нравственном отношении / М. Рождественский // Известия по Казанской епархии. – 1873. – С. 9–25.

52. Российское законодательство X–XX веков. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М.: «Юридическая литература», 1994. – Т. 9. – 352 с.

53. Рябинский, К. С. Ардинский приход Козьмодемьянского уезда / К. С. Рябинский. – Казань: Типо-лит. ун-та, 1899. – 40 с.

54. Саваткова, А. А. Словарь горномарийского языка / А. А. Саваткова. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2018. – 404 с.

55. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий (период империализма). – М.: Высшая школа, 1977. – 336 с.

56. Снегирев, В. С. (Снигирев, В. С.). О смертности детей на первом году жизни. Опыт медико-статистического исследования в Ставропольской губернии с 1857 по 1862 год / В. С. Снегирев (В. С. Снигирев). – СПб.: В типографии Э. Арнольда, 1863. – 31 с.

57. Спиридонов, А. Населенные местности Козьмодемьянского уезда Казанской губернии / А. Спиридонов. – Козьмодемьянск: Типография Г. П. Зубкова, 1898. – С. 3–90.

58. Список населенных мест по сведениям 1859 года. Казанская губерния / Обработан Е. Огородниковым. – СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1866. – 237 с.

59. Справочная книга Казанской губернии. – Казань: Типография Д. М. Гран. Поп.-Вадим. ул., 1909. – 146 с.

60. Фукс, А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии / А. А. Фукс. – Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1920. – 202 с.

61. Хейкель, А. О. Постройки черемис, мордвы, эстов и финнов / А. О. Хейкель. – Хельсинки, 1888. – 267 с.

62. Черемисы Козьмодемьянского уезда // Казанские губернские ведомости. – 1856. – № 9. – С. 7–18.

63. Шомина, В. П. Некоторые материалы по истории сельского хозяйства Марийского края конца XIX – начала XX в. / В. П. Шомина // Марийский археографический вестник. – 1992. – № 2. – С. 72–73.

64. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Семеновская Типо-Литография, 1895. – Т. 15 а. – 504 с.

65. Яблонский, И. Исторические и этнографические сведения о нагорных черемисах уездов: Васильского Нижегородской и Козьмодемьянского Казанской губерний / И. Яблонский // Современный листок. – 1865. – № 55. – С. 35–54.

2. Литература

2.1. Монографии, статьи, сборники статей, научно-популярные издания

66. Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI в.: XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Уфа, 20-23 сентября 2016. – Уфа, 2016. – 256 с.

67. Айплатов, Г. Н. Этнодемографические процессы в Марийском крае во второй половине XVI–XVII в. / Г. Н. Айплатов // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология, этническая история: III часть. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. – С. 197–198.

68. Айплатов, Г. Н., Иванов, А. Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья. По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда 1625–1764 гг. / Г. Н. Айплатов, А. Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2000. – 463 с.

69. Александров, В. А. Брак и семья у русских (XII – начала XX в.) / В. А. Александров // Русские. Народы и культура. – М.: Наука, – 1997. – 356 с.

70. Александров, В. А. Сельская община в России (XVII – начала XIX в.) / В. А. Александров. – М.: Наука, 1976. – 323 с.

71. Александров, В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма / В. А. Александров // История СССР. – 1981. – № 3. – С. 78–96.

72. Андреев, И. А. О марийско-русских историко-культурных взаимосвязях в земледелии / И. А. Андреев // Археология и этнография Марийского края. – 1987. – Вып. 11. – С. 52–58.

73. Андреев, И. А. Развитие пахотных орудий у марийцев (конец XVIII – начало XX в.) / И. А. Андреев // // Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР. Археология и этнография Марийского края. – 1989. – Вып. 16. – С. 64–77.

74. Андреев, И. А. Развитие систем земледелия у марийцев / И. А. Андреев // Этнокультурные традиции марийского народа. Археология и этнография Марийского края. – 1986. – Вып. 10. – С. 17–39.

75. Андреев, И. А. Распространение агрикультурных знаний среди населения Уржумского и Яранского уездов Вятской губернии в период капитализма / И. А. Андреев // Археология и этнография Марийского края. – 1991. – Вып. 20. – С. 36–50.

76. Андреев, И. А. Традиционное земледелие горных марийцев (материалы к историко-этнографическому атласу) / И. А. Андреев // Материальная и духовная культура марийцев. Археология и этнография Марийского края. – 1981. – Вып. 5. – С. 71–73.

77. Андреев, И. А., Сепеев, Г. А. Земледелие луговых марийцев (материалы к историко-этнографическому атласу) / И. А. Андреев, А. Г. Сепеев // Археология и этнография Марийского края. – 1979. – Вып. 4. – С. 69–95.

78. Бакланова, Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере / Е. Н. Бакланова. – М.: Наука, 1976. – 224 с.

79. Борисенко, М. В. Семья и двор русских крестьян Западной Сибири конца XVI – середины XIX в. / М. В. Борисенко. – СПб.: Нестор, 1998. – 172 с.

80. Бусыгин, Е. П. Русское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середины XIX – нач. XX в.) / Е. П. Бусыгин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1966. – 404 с.

81. Бусыгин, Е. П., Зорин, Н. В., Михайличенко, Е. В. Общественный и семейный быт русского населения среднего Поволжья: Историко-этнографическое исследование (середины XIX – начало XX в.) / Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1973. – 165 с.

82. Васина, С. М. Крестьянская община и приходское духовенство Марийского края в XIX веке / С. М. Васина // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Сборник материалов VI рег. науч. конф. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2002. – С. 117–112.

83. Васина, С. М. Приходское духовенство Марийского края в XIX–XX веках / С. М. Васина. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2006. – 204 с.

84. Васина, С. М. Строительство церквей в Марийском крае / С. М. Васина // Шестые Вавиловские чтения «Россия и мировое сообщество в поисках новых форм стабильности». – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2002. – С. 302–305.

85. Васканова, Н. А. Вклад С. М. Михайлова в изучение этнографии горных мари / Н. А. Васканова // Краеведческий музей: история, коллекции, люди (к 150-летию Кировского областного краеведческого музея): сб. ст. и материалов. – Киров: О-Краткое, 2016. – Т. 2. – С. 11–14.

86. Васканова, Н. А. Динамика естественного движения среди горномарийского населения Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX века / Н. А. Васканова // Марийский археографический вестник. – 2017. – № 27. – С. 29–37.

87. Васканова, Н. А. Динамика естественного движения среди горномарийского населения в Козьмодемьянском уезде в первой половине XIX века / Н. А. Васканова // Роль архивов в информационном пространстве современного общества : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 21 сент. 2017 г.). – Йошкар-Ола: Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, 2017. – С. 19–25.

88. Васканова, Н. А. Динамика численности и естественного движения крестьянского населения в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии во второй половине XIX в. / Н. А. Васканова / «Российская деревня: социально-экономическая история и современность»: сб. материалов VI всерос. (XIV межрегион.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Ульяновск: Изд-во УлГПУ, 2016. – С. 49–54.

89. Васканова, Н. А. Крестьянская семья горных марийцев в описаниях современников XIX – начала XX в. / Н. А. Васканова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2018. – № 1. – С. 99–102.

90. Васканова, Н. А. Крестьянская семья горных марийцев в описаниях современников XIX – начала XX в. / Н. А. Васканова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2018. – № 1. – С. 99–102.

91. Васканова, Н. А. Метрические книги как источник по изучению крестьянской семьи горных марийцев XIX – начала XX веков / Н. А. Васканова // Архивы и наука : исторический аспект и современные реалии: материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чебоксары: ГИА ЧР, 2017. – С. 302–306.

92. Васканова, Н. А. Особенности семейно-брачных отношений горных марийцев Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в. / Н. А. Васканова // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории : материалы VII всерос. (XV региональной) с междунар. участием конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Йошкар-Ола, 23-24 мая 2018 г.). – Йошкар-Ола: ООП ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2018. – С. 139–144.

93. Васканова, Н. А., Иванов, А. Г. Природно-географические условия жизнедеятельности крестьянской семьи горных марийцев Козьмодемьянского уезда в XIX – начале XX веков / Н. А. Васканова, А. Г. Иванов // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 31–36.

94. Васканова, Н. А. Рождаемость среди горных марийцев Козьмодемьянского уезда в XIX веке / Н. А. Васканова // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 40–46.

95. Власова, И. В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири XVII – первой половины XIX в. / И. В. Власова // Советская этнография. – 1980. – № 3. – С. 49–50.

96. Водовозов, С. А. Марийская АССР. Экономико-географический очерк / С. А. Водовозов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1956. – 155 с.

97. Гареев, И. С. Землеустройство марийцев Прикамья и Приуралья в XVIII – первой половине XIX в. / И. С. Гареев // Марийский археографический вестник. – 1999. – № 9. – С. 53–68.

98. Гареев, И. С. Марийские крестьяне Прикамья и Приуралья в XVIII – первой половине XIX века / И. С. Гареев. – Бирск: Бирский филиал БашГУ, 2014. – 246 с.

99. Гришкина, М. В. Семья и община – социокультурные ценности удмуртского мира (XVII – первая половина XIX в.) / М. В. Гришкина // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XV–XIX в.», посвященной 80-летию

юбилею доктора исторических наук С. Х. Алишева (г. Казань, 24 марта 2009 г.). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. – С. 284–293.

100. Гришкина, М. В. Удмуртская семья в XVIII – первой половине XIX века / М. В. Гришкина // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII – XIX в. – Устинов: НИИ при Совете Министров УАССР, 1985. – С. 3–17.

101. Громыко, М. М. Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 448 с.

102. Громыко, М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX в. / М. М. Громыко // Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – 336 с.

103. Данилович, К. В. Кустарные промыслы Марийского края и их экономическая организация в пореформенный период / К. В. Данилович // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Труды МарНИИ. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – Вып. XVI. – С. 31–67.

104. Денисова, Н. П. Семья в обычном праве чувашей / Н. П. Денисова // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа: [сборник статей]. – Чебоксары: Науч. исслед. ин-т языка, литературы, истории, экономики при Совете Министров Чуваш. АССР, 1986. – С. 112–144.

105. Денисова, Н. П. Чувашская крестьянская семья в первой половине XIX века / Н. П. Денисова // Традиционное хозяйство и культура чувашей. – Чебоксары: ЧНИИ ЯЛИЭ, 1988. – С. 84–98.

106. Дмитриев, В. Д. О чувашском ученом и писателе середины XIX века С. М. Михайлове и его сочинениях о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края / В. Д. Дмитриев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 217 с.

107. Дружинин, Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Реализация и последствия реформы / Н. М. Дружинин. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1958. – Т. 2. – 620 с.

108. Дружинин, Н. М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. / Н. М. Дружинин. – М.: Наука, 1978. – 287 с.

109. Егоров, Ф. Е. Материалы по истории народа мари / Ф. Е. Егоров. – Козьмодемьянск: Типография Гормариздата, 1929. – 110 с.
110. Егоров, Ф. Е. Очерк культурно-экономической жизни народа мари до XIX века / Ф. Е. Егоров // Марийское хозяйство. – 1924. – № 4. – С. 124–129.
111. Егорова, О. В. Межэтнические отношения чувашей и татар / О. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. – 2002. – № 2. – С. 20–26.
112. Егорова, О. В. Обычаи и обряды, связанные с родами, уходом за новорожденными и лечением детских болезней, в среде саратовско-пензенских чувашей / О. В. Егорова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – № 4. – С. 162–165.
113. Жеребцов, И. Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1998. – 174 с.
114. Жеребцов, И. Л. Этнодемографические процессы в Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность / И. Л. Жеребцов. – Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. – 220 с.
115. Зверев, В. А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (Историко-демографический анализ) / В. А. Зверев. – Новосибирск: НГПИ, 1991. – 148 с.
116. Зеленева, Г. С. Этнодемографические процессы на селе: как спасти деревню (на примере Республики Марий Эл) / Г. С. Зеленева. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. – 264 с.
117. Иванов, А. Г. Исследования по истории Среднего Поволжья (XVI – начало XX в.) / А. Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. – 384 с.
118. Иванов, А. Г. Козьмодемьянская лесная ярмарка: к постановке проблемы / А. Г. Иванов // Марийский археографический вестник. – 2008. – № 18. – С. 4–17.
119. Иванов, А. Г. Марийцы Поволжья и Приуралья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.) / А. Г. Иванов. – Йошкар-Ола: М-во культуры Респ. Марий Эл, 1993. – 104 с.

120. Иванов, А. Г. Марийцы Поволжья и Приуралья в XIX в.: традиции и новации / А. Г. Иванов // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сборник статей. – Slavic Research Center Hokkaido University, Sapporo, Japan, 2003. – С. 285–315.

121. Иванов, А. Г. О роли язычества в социально-экономической консолидации марийцев в XVIII – первой половине XIX века / А. Г. Иванов // Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII–XX в. Тезисы докладов региональной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. И. Д. Кузнецова, 27-28 мая 1996 г. – Чебоксары: ЧГУ, 1996. – С. 17–19.

122. Иванов, А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII в. / А. Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. – 366 с.

123. Иванов, А. Г. Природно-географический фактор в истории Марий Эл / А. Г. Иванов // Современное состояние окружающей среды в Республике Марий Эл и здоровье населения: мат-лы V научно-практ. конф., 10 ноября 2010 г., г. Йошкар-Ола: М-во культуры, печати и по делам национальностей [и др.]. – Йошкар-Ола: Нац. б-ка им. С. Г. Чавайна, 2011. – С. 3–8.

124. Иванов, А. Г. Расселение горных марийцев в XVIII в. / А. Г. Иванов // Археология и этнография Марийского края. – 1982. – Вып. 6. – С. 140–158.

125. Иванов, А. Г., Кадыкова, Г. Н. Состав и структура семьи луговых марийцев середины XIX века / А. Г. Иванов, Г. Н. Кадыкова // Материалы научной конференции «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья» (г. Казань, 19 ноября 2015 г.): сб. ст. Казань, 2015 г. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – Вып. 5. – С. 191–203.

126. Иванов, А. Г., Сануков, К. Н. История Марий Эл / А. Г. Иванов, К. Н. Сануков. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2015. – 300 с.

127. Иванов, А. Г., Сануков, К. Н. История марийского народа / А. Г. Иванов, К. Н. Сануков. – 3-е изд. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2017. – 184 с.

128. Иванов, А. Г., Халтурина, Н. И. Яранская деревня Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. / А. Г. Иванов, Н. И. Халтурина // Отечественная история XX–XXI веков: социальные, экономические и политические аспекты, вопросы теории. Памяти доктора исторических наук, профессора Ю. П. Смирнова. – Чебоксары: Перфектум, 2012. – С. 213–227.

129. История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Сост. А. Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2006. – 648 с.

130. История сел и деревень Республики Марий Эл. Килемарский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. – Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, Администрация муниципального образования «Горномарийский район», 2006. – 304 с.

131. Исхаков, Р. Р. Регулирование имущественных отношений в крященской (крещено-татарской) семье (XIX – начала XX в.) / Р. Р. Исхаков // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23-24 мая 2018 г.). – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2018. – С. 203–208.

132. Кабытов, П. С. Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции / П. С. Кабытов. – Куйбышев: Б. и., 1977. – 71 с.

133. Кадыкова, Г. Н. Земледельческие занятия марийцев Среднего Поволжья в первой половине XIX в. / Г. Н. Кадыкова // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология, этническая история: III часть. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. – С. 231–237.

134. Кадыкова, Г. Н. Крестьянская семья луговых марийцев в середине XIX века (по материалам «ревизских сказок» Царевококшайского уезда) / Г. Н. Кадыкова // Финно-угроведение. – 1998. – № 3–4. – С. 64–73.

135. Кадыкова, Г. Н. Крестьянская семья луговых марийцев Казанской и Вятской губерний в конце XVIII – первой половине XX в. / Г. Н. Кадыкова // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 4. – С. 56–65.

136. Кадыкова, Г. Н. Марийская крестьянская семья Вятской губернии в середине XIX в. / Г. Н. Кадыкова // Европейский Север в культурно-историческом процессе (к 625-летию города Кирова). Материалы международной конференции. – Киров: Кировская областная типография, 1999. – С. 431–438.

137. Кадыкова, Г. Н. Половозрастной состав крестьянской семьи горных марийцев в первой половине XIX века / Г. Н. Кадыкова // Материалы докладов и выступлений на республиканской конференции, посвященной 450-летию вхождения горных мари в состав Российского государства. Козьмодемьянск, 9–10 июня 2001 г. Игнатьевские чтения. Горные марийцы на рубеже веков. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2002. – С. 91–94.

138. Казимов, А. С. Марийский край конца XVIII – первой половины XIX веков в дореволюционной исторической литературе / А. С. Казимов // Тезисы докладов на научной сессии по итогам работы за 1971–1975 гг. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. – С. 31–35.

139. Казимов, А. С. Динамика уровня земледельческого производства в Казанской и Вятской губерниях в первой половине XIX века / А. С. Казимов // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. – Казань: Б. и., 1986. – С. 97–104.

140. Казимов, А. С. Земледельческая культура крестьян Марийского края в первой половине XIX в. (традиции и инновации) / А. С. Казимов // Марийский археографический вестник. – 1999. – № 9. – С. 68–78.

141. Казимов, А. С. К истории крестьянских промыслов в Марийском крае (первая половина XIX в.) / А. С. Казимов // Археология и этнография Марийского края. – 1979. – Вып. 4. – С. 95–103.

142. Казимов, А. С. Крестьянское хозяйство в Марийском крае в первой половине XIX века / А. С. Казимов // Археология и этнография Марийского края. – 1980. – С. 87–113.

143. Калинина, О. А. Свадебные обряды горных марийцев в этнографической литературе / О. А. Калинина // XIII Игнатьевские чтения. Материалы докладов и выступлений на Республиканской конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Л. П. Васиковой (Козьмодемьянск, 1 апреля 2013 г.). – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. – С. 240–246.

144. Kappeler, A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert / A. Kappeler. – Köln; Wien, 1982. – 571 S.

145. Kappeler, A. Die Tschuwaschen: Ein Volk im Schatten der Geschichte» / A. Kappeler. – Köln; 2016. – 276 S.

146. Киселева, М. В. Трансформация семейных отношений бывших государственных крестьян Пензенской губернии в пореформенный период / М. В. Киселева // Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2016. – С. 186–189.

147. Кобзев, А. В., Кобзева, Т. А. Брачные отношения жителей д. Смолькино Сызранского уезда по данным метрических книг 1899–1919 гг. / А. В. Кобзев, Т. А. Кобзева // Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2016. – С. 190–203.

148. Козлова, К. И. Большая семья в конце XIX – начале XX в. / К. И. Козлова // Ученые записки МарНИИ. Язык, литература, история. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1954. – Вып. 6. – С. 161–183.

149. Козлова, К. И. Марийцы Горьковской и Кировской областей / К. И. Козлова // Труды МарНИИ. – 1961. – Вып. XVI. – С. 195–211.
150. Козлова, К. И. Очерки этнической истории марийского народа / К. И. Козлова. – М.: Наука, 1978. – 345 с.
151. Кондрашин, В. В. Голод 1932–1933 гг. в российской деревне / В. В. Кондрашин. – Пенза: ПГПУ, 2003. – 366 с.
152. Кондрашин, В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. / В. В. Кондрашин. – М.: Янус-К, 2001. – 544 с.
153. Коробов, С. А. Волнения крестьян Марийского края во второй четверти XIX века / С. А. Коробов // Сб. тр. – Йошкар-Ола: ПЛТИ. Каф. общ. наук, 1957. – С. 175–193.
154. Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / Н. И. Костомаров. – М.: Тип. Карла Вульфа, 1901. – 218 с.
155. Крюкова, Т. А. Материальная культура марийцев XIX века / Т. А. Крюкова. – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1956. – 160 с.
156. Кутасова, В. Е. Горные марийцы в дореволюционной историографии / В. Е. Кутасова // Материалы докладов и выступлений на республиканской конференции, посвященной 450-летию вхождения горных мари в состав Российского государства. Козьмодемьянск, 9–10 июня 2001 г. Игнатьевские чтения. Горные марийцы на рубеже веков. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2002. – С. 45–51.
157. Ларичев, А. А. Структура и состав крестьянских семей Среднего Поволжья в XVIII – первой трети XX в. / А. А. Ларичев // Платоновские чтения. Сборник научных трудов. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2004. – Вып. VI. – С. 19–22.
158. Листова, Т. А. Народный православный обряд создания семьи / Т. А. Листова // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. – М.: Наука, 2001. – С. 7–36.

159. Логинов, К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты / К. К. Логинов. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – 424 с.

160. Мазур, Л. Н. Марийцы на Среднем Урале в XIX–XX в. (статистико-этнографическая характеристика расселения) / Л. Н. Мазур // Марийский археографический вестник. – 2005. – № 15. – С. 97–115.

161. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования / Л. Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.

162. Мазур, Л. Н. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа / Л. Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 564 с.

163. Марийцы. Историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 2005. – 336 с.

164. Марийцы. Историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. – 2-е изд. – 482 с., илл.

165. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 574 с.

166. Милогорова, И. Н. Распределение хозяйственных функций в пореформенной крестьянской семье / И. Н. Милогорова // Советская этнография. – 1991. – № 2. – С. 93–99.

167. Миненко, Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.) / Н. А. Миненко. – Новосибирск: Наука, 1979. – 350 с.

168. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 2-е изд., испр. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. – Т. 1.–2. – 548, 568 с.

169. Молотова, Т. Л. Особенности этнического характера горных мари / Т. Л. Молотова // Материалы докладов и выступлений на республиканской конференции, посвященной 450-летию вхождения горных мари в состав

Российского государства. Козьмодемьянск, 9–10 июня 2001 г. Игнатъевские чтения. Горные марийцы на рубеже веков. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2002. – С. 60–64.

170. Молотова, Т. Л. Родильные обряды марийцев / Т. Л. Молотова // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 1980-х годов. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1993. – С. 85–92.

171. Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М.: Наука, 1985. – 579 с., илл.

172. Никитина, Т. Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII в.) по материалам могильников / Т. Б. Никитина. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. – 159 с.

173. Николаев, Г. А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии / Г. А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – 312 с.

174. Николаев, Г. А. Ежегодные переделы пахотных угодий в средневожской поземельной общине второй половины XIX – начала XX в. в фокусе рационального и иррационального начал в ее жизнедеятельности: к постановке проблемы / Г. А. Николаев // Марийский археографический вестник. – 2006. – № 16. – С. 28–43.

175. Николаев, С. Д. Мордовская семья в середине XIX в. / С. Д. Николаев // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола: Марийский НИИЯЛИ, 1990. – С. 134–137.

176. Никольский, Н. В. История мари (Черемис) / Н. В. Никольский. – Казань: Первая Государственная типография, 1920. – 180 с.

177. Никольский, Н. В. Собрание сочинений / Н. В. Никольский. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 2008. – 110 с.

178. Никулин, В. Н. Крестьянские промыслы на Северо-Западе России (вторая половина XIX – начало XX века) / В. Н. Никулин. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2017. – 416 с.

179. Носкова, А. В. О влиянии различных факторов на сохранение до XX в. расширенной структуры семьи в России / А. В. Носкова // Вестник Московского университета. – 2005. – № 4. – С. 153–165.

180. Патрушев, А. С. Общее и особенное в развитии хозяйства марийцев в конце XIX – начале XX в. / А. С. Патрушев // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – С. 205–211.

181. Патрушев, А. С. Марийская деревня в период империализма / А. С. Патрушев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1974. – 270 с.

182. Патрушев, А. С. О сельском хозяйстве Марийского края в начале XX века / А. С. Патрушев // Новые страницы в истории Марийского края. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. – Вып. XXIII. – С. 40–104.

183. Патрушев, А. С. Состояние крестьянского хозяйства и классовая борьба в деревнях Марийского края в годы Первой мировой войны / А. С. Патрушев // Вопросы истории, археологии и этнографии мари. – 1961. – Вып. XVI. – С. 67–126.

184. Першин, С. В., Першина, Т. А. Структура семьи и населения Мордовии в первой половине XIX века / С. В. Першин, Т. А. Першина // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: Сб. материалов VI региональной научной конференции историков и аграрников Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2002. – С. 172–178.

185. Попов, Г. И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева / Г. И. Попов. – СПб.: Типография А. С. Суворина. – 1903. – 404 с.

186. Попов, Н. С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX в. / Н. С. Попов // Археология и этнография Марийского края. – 1981. – Вып. 5. – С. 154–174.

187. Попов, Н. С. Семейно-брачные отношения марийцев и православие / Н. С. Попов // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-

исследовательской работы МарНИИ в 1981–1985 гг. – Йошкар-Ола, 1986. – С. 40–47.

188. Прокофьева, А. Ю. Российская семья XVIII–XIX веков: анализ историографии / А. Ю. Прокофьева // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 185–197.

189. Прокофьева, Н. П., Мухамедов, Р. А. Крестьянские землевладения Симбирской губернии в начале XX века / Н. П. Прокофьева, Р. А. Мухамедов // Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 2016. – Ульяновск: УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2016. – С. 279–284.

190. Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 2016. – Ульяновск: УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2016. – 430 с.

191. Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23-24 мая 2018 г.). – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2018. – 712 с.

192. Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 9-10 ноября 2017. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2017. – 669 с.

193. Салахова, Э. К. Метрические книги как источник по изучению социально-экономической жизни и демографической картины татарских деревень второй половины XIX века / Э. К. Салахова // Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников

Среднего Поволжья, 2016. – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2016. – С. 300–307.

194. Семевский, В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II / В. И. Семевский. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1881. – 866 с.

195. Сепеев, Г. А. История расселения марийцев / Г. А. Сепеев. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. – 200 с.

196. Сепеев, Г. А. Этнография марийского народа / Г. А. Сепеев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. – 184 с.

197. Смирнов, И. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт / И. Н. Смирнов // Современные этнокультурные процессы в марийском селе. Археология и этнография Марийского края. – 1991. – Вып. 20. – С. 94–122.

198. Смирнов, И. Н. Изучение марийской семьи в дореволюционной этнографической литературе / И. Н. Смирнов // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. Археология и этнография Марийского края. – 1984. – Вып. 7. – С. 158–173.

199. Смирнов, И. Н. Положение женщины в марийской семье (конец XIX – начале XX в.) / И. Н. Смирнов // Археология и этнография Марийского края. – 1981. – С. 122–133.

200. Смирнов, И. Н. Современная свадьба сельских марийцев в системе этноса / И. Н. Смирнов // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 1980-х годов. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1993. – С. 78–84.

201. Смирнов, И. Н. Структура марийской сельской семьи / И. Н. Смирнов // Археология и этнография Марийского края. – 1976. – Вып. 1. – С. 87–114.

202. Смирнов, И. Н. Черемисы / И. Н. Смирнов. – Казань: Тип. Императорского ун-та, 1889. – 320 с.

203. Соколовский, П. А. Очерк истории сельской общины на Севере России / П. А. Соколовский. – СПб.: Типография В. Ф. Демакова, 1877. – 183 с.

204. Соловьев, А. А. Вятская деревня на рубеже XIX–XX веков / А. А. Соловьев. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. – 252 с.

205. Соловьев, А. А. Крестьянское земледелие Марийского края в условиях кризиса трехполья конца XIX – начала XX в. и мероприятия земств по его улучшению / А. А. Соловьев // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории: материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 23-24 мая 2018 г.). – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2018. – С. 250–257.

206. Соловьев, А. А. О крестьянском земледелии в Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. / А. А. Соловьев // Марийский археографический вестник. – 1998. – № 8. – С. 91–105.

207. Соловьев, В. В. Эволюция семейного строя коми крестьянства в первой половине XIX века / В. В. Соловьев // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрО АН СССР, 1990. – С. 129–136.

208. Столяров, А. А. К вопросу изучения структуры русских сельских семей Среднего Поволжья в XVI – начале XX в. / А. А. Столяров // Вопросы этнографии Среднего Поволжья. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1980. – С. 110–119.

209. Таймасов, Л. А. Нерусские монастыри Казанского края: ориентиры конфессионального обновления (вторая половина XIX века) / Л. А. Таймасов // Япония, Саппоро, 2004. – Т. XXI. – С. 97–104.

210. Тарасова, В. М. Экономическое развитие Марийского края и классовая борьба в крае в первой половине XIX века / В. М. Тарасова // Труды МарНИИ. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1962. – Вып. 17. – С. 69–111.

211. Терешкина, М. И. Классовая борьба в Марийском крае в 30–50-х гг. XIX в. / М. И. Терешкина // Ученые записки МГПИ. ИФФ. – Йошкар-Ола: МГПИ, 1957. – С. 37–56.

212. Терешкина, М. И. Подати и повинности государственных крестьян Марийского края в первой половине XIX в. / М. И. Терешкина // Вопросы

аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1978. – С. 63–67.

213. Терешкина, М. И. Хозяйственная деятельность населения Марийского края в первой половине XIX в. / М. И. Терешкина // Ученые записки МГПИ. ИФФ. – Йошкар-Ола: МГПИ, 1956. – Вып. 10. – С. 29–55.

214. Терещенко, А. В. Быт русского народа / А. В. Терещенко. – М.: Русская книга, 1999. – 336 с.

215. Толстой, Н. С. Заволжская часть Макарьевского уезда Нижегородской губернии / Н. С. Толстой. – М.: В Тип. Александра Семена, 1857. – С. 173–181.

216. Тютрюмов, И. В. Крестьянская семья (очерк обычного права) / И. В. Тютрюмов // Русская речь. – 1879. – Кн. 4. – С. 270–294.

217. Федянович, Т. П. Свадебные обряды мордвы / Т. П. Федянович // Семейные обряды мордвы (традиции и новации): Тр. НИИЯЛИЭ. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1984. – Вып. 76. – С. 18–76.

218. Федянович, Т. П. Семейные обряды в этнографической литературе / Т. П. Федянович // Семейные обряды мордвы (традиции и новации): Тр. НИИЯЛИЭ. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1984. – Вып. 76. – С. 16–31.

219. Филонов, А. А. Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края / А. А. Филонов. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. – 296 с.

220. Филонов, А. А. Природно-географические условия развития лесного хозяйства Марийского края во второй половине XIX – начале XX в. / А. А. Филонов // Марийский археографический вестник. – 2013. – № 23. – С. 45–44.

221. Филонов, А. А. Развитие крестьянского лесного предпринимательства в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX веков / А. А. Филонов // Российская деревня: социально-экономическая история и современность: сборник материалов VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья, 2016. – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2016. – С. 344–350.

222. Халтурина, Н. И. Положение помещичьих крестьян Яранского уезда Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков / Н. И. Халтурина // Вестник Чувашияского университета. – 2009. – № 4. – С. 98–102.

223. Черняева, К. А. Волостное самоуправление марийских крестьян во второй половине XIX – начале XX в. / К. А. Черняева // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология, этническая история: III часть. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. – С. 272–273.

224. Чимаев, А. Н. Некоторые особенности развития крестьянских промыслов на территории Марийского края в 60-х – начале 80-х гг. XIX в. / А. Н. Чимаев // Марийский археографический вестник. – 1993. – № 3. – С. 50–55.

225. Чимаев, А. Н. О предпринимательстве крестьян на территории Марийского края в конце XIX – начале XX в. / А. Н. Чимаев // Марийский археографический вестник. – 2005. – № 15. – С. 72–97.

226. Шайдуллин, Р. В., Зайнуллина, Ф. Г. Крестьянство Казанской губернии в 1860–1910-е гг.: в экономическом и социокультурном измерении // Р. В. Шайдуллин, Ф. Г. Зайнуллина. – Казань: Изд-во «Яз», 2013. – 298 с.

227. Шаров, В. Д. Бытовые функции сельской общины Марийского края (середина XIX – начало XX веков) / В. Д. Шаров // Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола, 1981. – Вып. 5. – С. 44–54.

228. Шаров, В. Д. Межнациональные браки и семьи в сельских районах Марийской АССР / В. Д. Шаров // Археология и этнография Марийского края. – 1976. – Вып. 1. – С. 115–133.

229. Шаров, В. Д. Сельская община марийских крестьян середины XIX – начала XX веков в трудах дореволюционных и советских исследователей / В. Д. Шаров // Археология и этнография Марийского края. – 1984. – Вып. 7. – С. 145–157.

230. Шашков, С. С. История русской женщины: От эпохи древних славян до второй половины XIX века / С. С. Шашков. – М.: Либроком, 2011. – 368 с.

231. Шелестов, Д. К. Историческая демография / Д. К. Шелестов. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.
232. Шингарев, А. И. Положение женщин в крестьянской среде / А. И. Шингарев // Медицинская беседа. – 1889. – № 19. – С. 280–284.
233. Этнография чувашского народа / под ред. В. П. Иванова. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. – 351 с.; илл.
234. Янтемир, М. Н. Марийская автономная область: очерк (с приложением административной карты области) / М. Н. Янтемир. – Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской, 2005. – 232 с.

2.2. Диссертации и авторефераты диссертаций

235. Беляева, Н. Ф. Традиционные способы и формы социализации детей и подростков у мордвы: дис. д-ра ист. наук: 07.00.07 / Беляева Надежда Федоровна. – Саранск, 2002. – 446 с.
236. Бикейкин, Е. Н. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953–1991 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бикейкин Евгений Николаевич. – Саранск, 2017. – 46 с.
237. Кадыкова, Г. Н. Государственные марийские крестьяне Среднего Поволжья в конце XVIII – первой половине XIX веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кадыкова Галина Николаевна. – Чебоксары, 2006. – 281 с.
238. Ларичев, А. А. Крестьянская семья в истории освоения и развития Среднего Поволжья: XVIII – первая треть XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ларичев Андрей Александрович. – Самара, 2004. – 258 с.
239. Мокшина, Ю. Н. Брачно-семейные отношения в обычном праве мордвы конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Мокшина Юлия Николаевна. – Саранск, 2003. – 301 с.

240. Мокшина, Ю. Н. Брачно-семейные отношения в обычном праве мордвы конца XIX – начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Мокшина Юлия Николаевна. – Саранск, 2003. – 301 с.

241. Николаев, С. Д. Мордовская крестьянская семья в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Николаев Сергей Дмитриевич. – М., 1993. – 25 с.

242. Першина, Т. А. Структура крестьянской семьи мордовского края в первой половине XIX в.: Историко-демографический анализ: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Першина Татьяна Анатольевна. – Саранск, 2005. – 223 с.

243. Серкина, С. С. Община и обычное право удельных крестьян Симбирской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Серкина Светлана Сергеевна. – Саранск, 2002. – 20 с.

244. Сулейманов, Ф. М. Башкирский двор в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Сулейманов Фуат Мурзагалиевич. – Уфа, 1998. – 26 с.

245. Фокин, П. П. Чувашская сельская семья в конце XIX в. – 1980-е гг.: Опыт историко-этнографического исследования: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Фокин Петр Петрович. – Чебоксары, 2002. – 164 с.

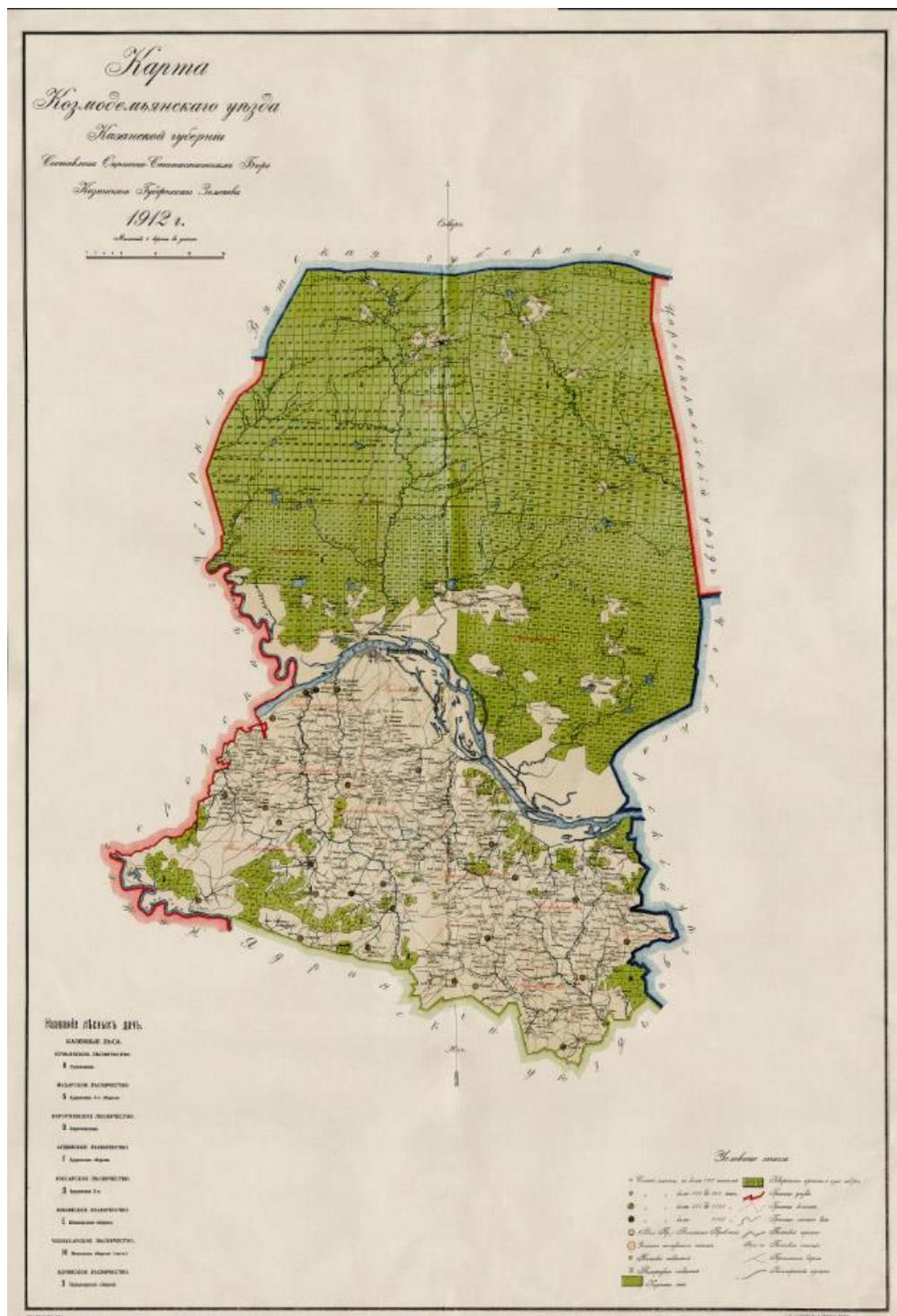
2.3. Электронные ресурсы

246. Карта Козьмодемьянского уезда Казанской губернии составлена Оценочно-статистическим бюро Казанского губернского земства 1912 г. URL: <http://clubklad.ru/maps/5816/> (дата обращения: 14.03.2018)

ПРИЛОЖЕНИЯ

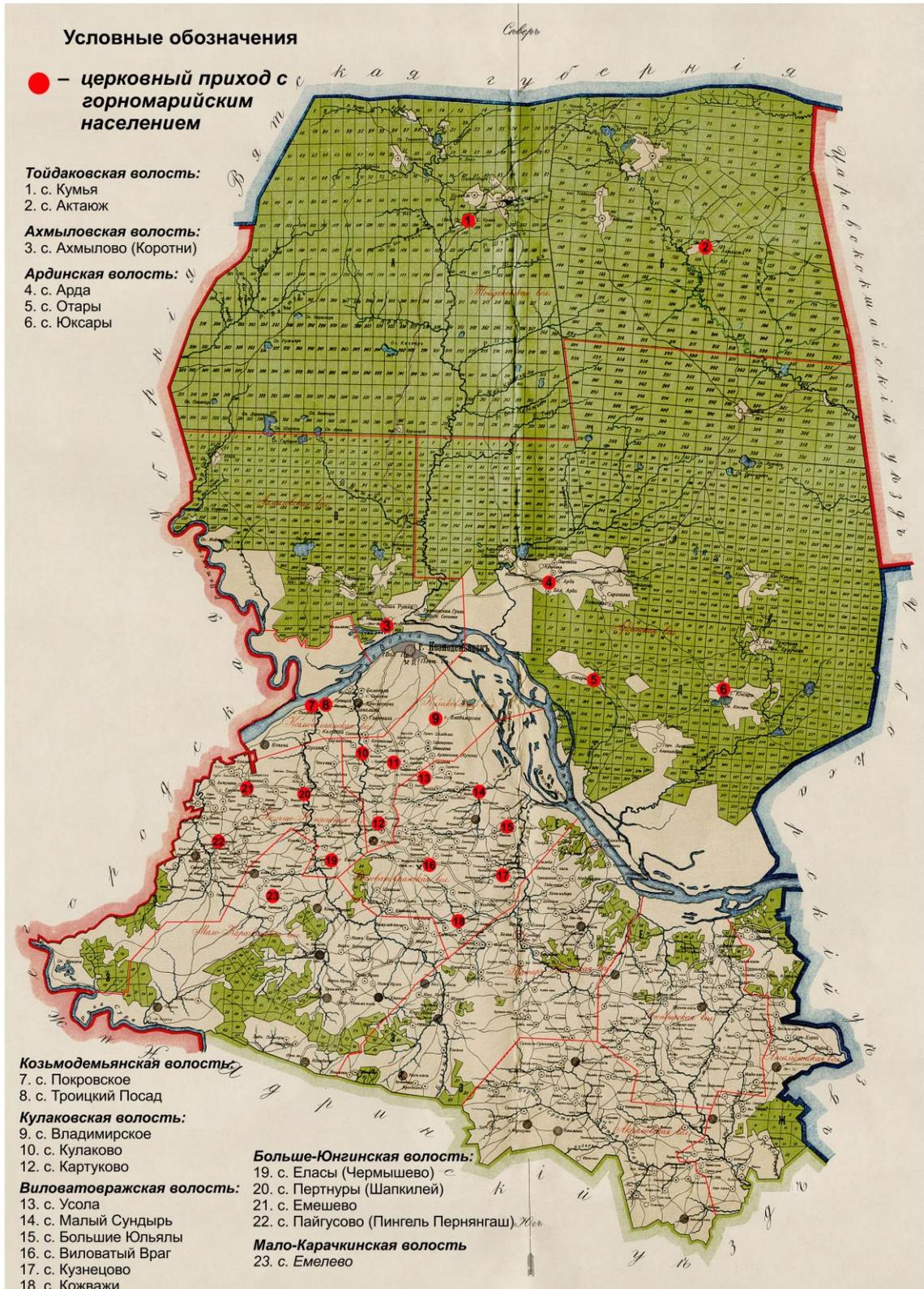
Приложение 1

Административно-территориальное устройство Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1912 г.

Источник: Карта Козьмодемьянского уезда Казанской губернии составлена Оценочно-статистическим бюро Казанского губернского земства 1912 г. URL: <http://clubklad.ru/maps/5816/> (дата обращения: 14.03.2018).

Административно-церковное устройство Козьмодемьянского уезда Казанской губернии 1912 г.

Источник: Карта Козьмодемьянского уезда Казанской губернии составлена Оценочно-статистическим бюро Казанского губернского земства 1912 г. URL: <http://clubklad.ru/maps/5816/> (дата обращения: 14.03.2018)

**Количественные изменения церковных приходов
с горномарийским населением XIX – начала XX в.**

Церковные приходы Козьмодемьянского и Васильсурского уездов в первой половине XIX в.	Название села церковного прихода Козьмодемьянского и Васильсурского уездов во второй половине XIX – начале XX в.
1. Храм Покрова Богородицы с. Покровское (с. Большая Юнга)	1. с. Покровское
2. Церковь Иоанна Предтечи с. Ахмылово (Предтеченское, Коротни)	2. с. Ахмылово (Коротни)
3. Церковь Владимирской иконы Божией Матери с. Владимирское (Басурманово)	3. с. Владимирское
	4. с. Кулаково
4. Христорожественская церковь с. Пайгусово (Пингель Пернянгаши)	5. с. Пайгусово (Пингель Пернянгаши)
5. Христорожественская церковь с. Арда	6. с. Арда
	7. с. Отары
6. – Богоявленская церковь с. Кузнецово	8. Петропавловская церковь с. Кузнецово
	9. с. Большие Юльялы
7. Спасо-Преображенская церковь с. Кожважи	10. с. Кожважи
8. с. Пертнуры (Шапкили, Вознесенское, Ценибеково Первое,	11. с. Пертнуры (Шапкилей)
	12. с. Емешево
	13. с. Аксаево
9. Церковь во имя Святой Троицы с. Малый Сундырь	14. с. Малый Сундырь

Церковные приходы Козьмодемьянского и Васильсурского уездов в первой половине XIX в.	Название села церковного прихода Козьмодемьянского и Васильсурского уездов во второй половине XIX – начале XX в.
	15. с. Виловатый Враг
	16. с. Усола
10. Христорожественская церковь с. Еласы (Чермышево)	17. Петропавловская церковь с. Еласы (Чермышево)
	18. с. Емелево
	19. с. Картуково
11. с. Спасская церковь с. Спасское (Малая Юнга)	20. с. Спасское
	21. с. Юксары
	22. с. Кумья
	23. с. Актаюж
12. Церковь Рождества Богородицы с. Сумки	24. с. Сумки
	25. с. Сарлатово
	26. с. Микряково
	27. с. Емангаши
13. с. Хмелевка	28. с. Хмелевка

Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 487. Л. 1–1995; Д. 622. Л. 1–1133.

Численность и состав населения церковных приходов Козьмодемьянского уезда в 1909 г.

Название села церковного прихода	Количество дворов	Численность и состав населения									Всего
		русские			горные марийцы			чувашаи			
		абс.			абс.			абс.			
		мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	Всего	
1. Актаюж	137	13	16	29	428	416	844	–	–	–	873
2. Арда	388	100	92	192	1 183	1 314	2 497	–	–	–	2 689
3. Ахмылово	320	457	508	965	554	619	1 173	–	–	–	2 138
4. Кумья	162	144	159	303	357	355	712	–	–	–	1 015
5. Отары	142	–	–	–	340	394	734	–	–	–	734
6. Троицкий Посад	339	876	975	1 851	–	–	–	–	–	–	1 851
7. Юксары	319	–	–	–	760	686	1 446	–	–	–	1 446
8. Юнга Большая (Покровское)	324	890	956	1 846	–	–	–	–	–	–	1 846
9. Юнга Малая (Спасское)	173	475	478	953	–	–	–	–	–	–	953
10. Аксаево	139	–	–	–	345	374	719	–	–	–	719
11. Виловатый Враг	630	31	36	67	1 712	1 735	3 447	–	–	–	3 514
12. Владимирское	322	137	143	280	766	802	1 568	–	–	–	1 848

Название села церковного прихода	Количе- ство дворов	Численность и состав населения									Всего
		русские			горные марийцы			чуваши			
		абс.			абс.			абс.			
		мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	Все- го	
13. Емелево	465	–	–	–	1 214	1 201	2 415	–	–	–	2 415
14. Карачкино Малое (Пошкарды)	541	–	–	–	–	–	–	1 466	1 470	–	2 936
15. Картуково	287	–	–	–	773	757	1 530	–	–	–	1 530
16. Кузнецово (Пизикнур)	...	52	37	89	1 391	1 368	2 759	–	–	–	2 848
17. Кулаково	152	–	–	–	385	441	826	–	–	–	826
18. Пинель Пернянгаши	915	108	115	223	2 651	2 695	5 346	–	–	–	5 569
19. Пошнары	203	–	–	–	–	–	–	530	523	–	1 053
20. Сундырь Малый (Троицкое)	495	26	25	51	1 441	1 428	2 869	–	–	–	2 920
21. Усола	266	–	–	–	671	683	1 354	–	–	–	1 354
22. Ценибеково (Емешево)	378	–	–	–	945	900	1 845	–	–	–	1 845
23. Чермышево (Еласы)	550	3	7	10	1 345	1 449	2 794	–	–	–	2 804
24. Шапкили (Пертнуры)	589	–	–	–	1 644	1 727	3 371	–	–	–	3 371
25. Юваново (Орбаш)	291	–	–	–	–	–	–	736	696	–	1 432
26. Юльялы	233	–	–	–	658	631	–	–	–	–	1 289

Название села церковного прихода	Количе- ство дворов	Численность и состав населения									Всего
		русские			горные марийцы			чуваши			
		абс.			абс.			абс.			
		мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	Все- го	
27. Акрамово	725	–	–	–	–	–	–	1 978	1 885	–	3 863
28. Анатъ- Кинярь	1 067	–	–	–	–	–	–	3 090	3 057	–	6 147
29. Ахманеи	509	65	72	137	–	–	–	1 246	1 215	–	2 598
30. Ильинская пустынь	438	91	103	194	–	–	–	1 034	1 034	–	2 262
31. Ишаки	1 186	–	–	–	–	–	–	2 963	3 002	–	5 965
32. Кожважи (Сигачкинъ)	309	–	–	–	766	814	–	169	175	–	1 924
33. Карачкино Большое	250	–	–	–	–	–	–	683	698	–	1 381
34. Моргауши	520	–	–	–	–	–	–	1 696	1 675	–	3 371
35. Оринино	664	162	126	288	–	–	–	1 742	1 836	–	3 866
36. Пихтулино	566	24	23	47	–	–	–	2 010	1 812	–	3 869
37. Сундырь Большой	572	–	–	–	–	–	–	1 470	1 497	–	2 967
38. Тяптяево	116	–	–	–	–	–	–	351	369	–	720
39. Хыр-касы	293	–	–	–	–	–	–	859	868	–	1 727
40. Хыймала- касы	277	–	–	–	–	–	–	593	682	–	1 275
41. Шатры-касы	289	–	–	–	–	–	–	690	686	–	1 376
42. Юнго- Ядрино	571	–	–	–	–	–	–	1 406	1 882	–	3 288
43. Янгильдино	615	–	–	–	–	–	–	1 856	1 792	–	3 648
Итого	17 727	3 654	3 871	7 525	20 329	20 789	41	26 568	26 854	–	102

Название села церковного прихода	Количе- ство дворов	Численность и состав населения									Всего
		русские			горные марийцы			чувашаи			
		абс.			абс.			абс.			
		мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины	Все- го	
							118				065

Составлено по: Справочная книга Казанской епархии. Казань, 1909. С. 128–162.

Рапорт помощника волостной старшины Виловатовражской волости Егора Герасимова о числе дворов и душ мужского и женского пола, русских и черемис, места расположения, вероисповедания, о занятиях и промыслах жителей от 27 ноября 1868 г.

Наименование селений и околodков	Число дворов	Число душ по ревизии		В том числе				Вероисповедание	Занятие, промыслы
		мужчин	женщин	русских		черемис			
				мужчин	женщин	мужчин	женщин		
абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.		
1. Троицкого 1-го сельского общества	–	–	–	–	–	–	–		
1. с. Троицкого 1-го Малый Сундырь в нем околodки:	1	1	2	–	–	–	–		
• Мидяков	6	18	22	–	–	–	–		
• Важнангер	12	30	34	–	–	–	–		
• Шиндырьял	72	170	175	–	–	–	–		
• Яндушев	7	16	22	–	–	–	–		
Всего:	98	235	253	4	2	231	251		
2. д. Другой Яктерли околodки:	–	–	–	–	–	–	–		
• Шиндырьял	17	37	40	–	–	–	–		
• Мидяков	22	41	46	–	–	–	–		
Всего:	39	78	86	9	5	69	81		
2. Мало-Яктерльского сельского общества	–	–	–	–	–	–	–		
3. д. Виловатого Врага 1-го околodков:	–	–	–	–	–	–	–		
• Пичушкин	6	11	20	–	–	11	20		
4. д. Средних Паратмар околodки:	–	–	–	–	–	–	–		
• Колумбаев Изянгер	22	44	49	–	–	–	–		
• Шиндырьял	8	20	24	–	–	–	–		

Хлебопашество

• Яндушев	5	9	12	–	–	–	–		
• Садсола Почтовый	3	11	16	–	–	–	–		
Всего:	38	84	101 д	1		83	101		
5. д. Малой Яктерли околodки:	–	–	–	–	–	–	–		
• Колумбаев Изянгер	10	25	26	–	–	–	–		
• Мишкин	18	58	60	–	–	–	–		
• Пичушкин	8	16	15	–	–	–	–		
• Шиндырьял	17	40	42	–	–	–	–		
• Яндушев	4	8	8	–	–	–	–		
Всего:	57	147	151	–	–	–	–		
3. Больше-Яктерльского сельского общества	–	–	–	–	–	–	–		
6. д. Большой Яктерли 1-й околodки:	–	–	–	–	–	–	–		
• Мичакнур	16	32	40	–	–	–	–		
• Носелы	80	161	185	–	–	–	–		
• Важнангер	13	42	53	–	–	–	–		
7. д. Больших Паратмар 1-й околodки:	–	–	–	–	–	–	–		
• Ключево	18	49	59	–	–	–	–		
• Носелы	26	19	29	–	–	–	–		
• Пичугин Яктерля	30	100	105	–	–	–	–		
Всего:	74	168	193	7	6	161	187		
4. Горно-Кушергского сельского общества	–	–	–	–	–	–	–		
д. Горной Кушерги околodки:	–	–	–	–	–	–	–		
• Копонангер-Лидвуй	17	31	33	–	–	–	–		
• Эсяново 1-й	29	84	89	–	–	–	–		
• Эшманайкин Кокласола	32	83	95	–	–	–	–		
• Сарандайкин Марьясола	33	78	82	–	–	–	–		
• Саратеево Юльсола	26	66	69	–	–	–	–		

• Родюково	8	21	24	–	–	–	–		
• Новый Усола	15	36	38	–	–	–	–		
Всего:	160	399	430	1	–	398	430		
9. д. Юнги Кушерги околodka Эсянова 1-го	29	59	72	2	1	57	71		
5. Троицкого 2-го сельского общества	–	–	–	–	–	–	–		
10. с. Троицкого 2-го околodka:	–	–	–	–	–	–	–		
• Сарлайкин Арюнгавуй	4	15	21	–	–	–	–		
• Полянки	7	18	19	–	–	–	–		
• Аргаево	12	22	24	–	–	–	–		
• Янгосово	8	21	22	–	–	–	–		
Всего:	31	76	86	–	–	76	86		
11. д. Больших Паратмар 2-х околodka:	–	–	–	–	–	–	–		
• Сарлайкин Ар-Юнгавуй	3	17	21	–	–	–	–		
• Мичакнур	1	5	5	–	–	–	–		
• Корчаков	23	42	43	–	–	–	–		
Всего:	27	64.	69	4	1	60	68		
12. д. Малой Яктерли 2-й околodka:	–	–	–	–	–	–	–		
• Сарлайкин Ар-Юнгавуй	2	3	4	–	–	–	–		
• Корчаков	3	6	8	–	–	–	–		
• Янгосов	10	17	18	–	–	–	–		
• Афонкин	3	12	13	–	–	–	–		
Всего:	18	38	43			38	43		
13. д. Другой Яктерли околodka:	–	–	–	–	–	–	–		
• Сарлайкин Ар-Юнгавуй	19	10	11	–	–	–	–		
• Полянки	4	52	53	–	–	–	–		
• Аргаев	12	36	38	–	–	–	–		
• Янгосов	23	57	57	–	–	–	–		

• Тушнал	28	52	53	–	–		
Всего:	86	207	212	–	–	207	212
6. Виловатоврагского сельского общества	–	–	–	–	–	–	–
14. д. Виловатого Врага 2-го околodки:	–	–	–	–	–	–	–
• Садсола Почтовый	12	30	31	–	–	–	–
• Полянки	18	20	24	–	–	–	–
• Юванкин Осипкин	12	43	43	–	–	–	–
• Окашев	6	20	24	–	–	–	–
• Поканов	13	53	55	–	–	–	–
• Эсянов 2-й	20	41	48	–	–	–	–
• Яников	48	91	95	–	–	–	–
• Тетянов Коняшкин	34	73	77	–	–	–	–
• Четаков Горелый	17	56	59	–	–	–	–
• Лепеткин Лапсола	6	12	14	–	–	–	–
Всего:	186	439	470	4	2	435	468
7. Средне-Паратмарского сельского общества	–	–	–	–	–	–	–
15. д. Средних Паратмар 2-х околodки:	–	–	–	–	–	–	–
• Сарлайкин Ар-Юнгавуй	19	32	32	–	–	–	–
• Ельников Кожерласола	18	48	49	–	–	–	–
• Больших Серманангер	1	14	15	–	–	–	–
• Афонкин	23	56	57	–	–	–	–
• Лепеткин Лапсола	14	34	35	–	–	–	–
• Садсола Почтовый	11	10	11	–	–	–	–
• Яников	3	9	10	–	–	–	–
Всего:	89	203	209	3	1	200	208
16. д. Большой Яктерли 2-й околodки:	–	–	–	–	–	–	–
• Сарлайкин Ар-Юнгавуй	10	38	40	–	–	–	–

• Полянки	9	6	8	–	–	–	–
• Мичакнур	1	4	6	–	–	–	–
• Корчаков	4	9	10	–	–	–	–
	24	57	64			57	64
8. Мало-Паратмарского сельского общества	–	–	–	–	–	–	–
17. д. Малых Паратмар околodки:	–	–	–	–	–	–	–
• Актuшев Шапкили	14	30	29	–	–	–	–
• Пердаяков	40	87	90	–	–	–	–
• Юванкин	30	60	61	–	–	–	–
• Якшулатов	11	62	61	–	–	–	–
18. д. Горной Купланги околodка				–	–	–	–
• Малых Серманангер	18	51	40	3	3	48	37
9. Бoгоявленского сельского общества	–	–	–		–	–	–
19. с. Кузнецова 1-го Бoгоявленского Апшак Пеляк околodки:	33	84	95	–	–	–	–
• Юльял-Сола	47	98	113	–	–	–	–
• Сауткин	16	42	63	–	–	–	–
• Вякша-Лап	1	4	4	–	–	–	–
20. д. Больших Юльял околodки:				–	–	–	–
• Юльялсола	34	43	49	–	–	–	–
• Красно-горки Якшар Сир	21	48	54	–	–	–	–
• Шунангер	5	42	48	–	–	–	–
• Этюков	25	52	57	–	–	–	–
Всего:	85	185	208	–	–	185	208
21. с. Кожважи 1-й околodка							
• Шунангер	10	22	30	2	2	20	28
22. Малых Юльял околodка Этюков	31	77	71	2	3	75	68
10. Мало-Кузнецовского	–	–	–	–	–	–	–

сельского общества									
23. д. Малых Кожланангер околосок Тюманов Микишкин	5	15	14	–	–	15	14		
24. Средних Кожваж околосок Томилкина	18	48	45	–	–	48	45		
25. Малой Кузнецовской 1-й околосок: Саранов	6	12	15	–	–	–	–		
• Пайдулов, Ятрушкин, Кушледа, Паулкин, Шиндырбал	30	78	83	–	–	–	–		
• Токарев	23	24	28	–	–	–	–		
• Туманаев, Туманай Сола	12	47	53	–	–	–	–		
• Сауткин	16	57	61	–	–	–	–		
• Вякш-Лап	2	5	5	–	–	–	–		
Всего:	89	223	245	11	13	212	232		
11. Кузнецовского сельского общества	–	–	–	–	–	–	–		
26. Больших Кожланангер 1-й околосок: • Кожланангер	25	71	80	–	–	–	–		
• Вякш-Лап	5	14	16	–	–	–	–		
Всего:	30	85	96	14	20	71	76		
27. д. Просто Кузнецово 1-й околосок: • Тюманов Микшкин	–	–	–	–	–	–	–		
• Ненадаров	25	14	49	–	–	–	–		
• Пизикнур Кузнецовой	21	33	36	–	–	–	–		
• Токарев	27	72	78	–	–	–	–		
• Токарев	9	57	56	–	–	–	–		
28. д. Малых Кожваж 1-й околосок • Кожланангер	6	12	14	–	–	–	–		
• Сазанов	18	34	35	–	–	–	–		

12. Преображенского сельского общества	–	–	–	–	–	–	–		
29. с. Преображенского Кожважи околodки:	–	–	–	–	–	–	–		
• Сигачкин	44	116	116	–	–	–	–		
• Ширгиял	20	58	58	–	–	–	–		
• Шактенваж	45	100	100	–	–	–	–		
Всего:	109	274	274	2	3	272	271		
30. д. Средних Кожваж 2-й околodки:	10	29	33	–	–	–	–		
• Лицкнур									
• Больших Серманангер	8	16	17	–	–	–	–		
• Михаткин	22	39	43	–	–	–	–		
• Алдиев Опряткин	12	39	44	–	–	–	–		
Всего:	52	123	137	–	–	123.)	137.)		
31. д. Малой Кузнецово 2-й околodка Михаткино	8	16	18	–	–	16	18		
32. д. Малых Юльял 2-х околodка Михаткино	19	46	45	–	–	46	45		
13. Юльял-Кожважского сельского общества	–	–	–	–	–	–	–		
33. с. Кузнецово 2-го околodка Больших Серманангер	33	66	76	2	2	64	74		
34. д. Юльял Кожважи околodки:	8	26	29	–	–	–	–		
• Шунангер									
• Макаров	14	33	35	–	–	–	–		
• Немцов	23	69	72	–	–	–	–		
• Михаткина	23	34	38	–	–	–	–		
Всего:	68	162	174	–	1	162	173		
35. д. Больших Кожланангер околodка Михаткино	7	20	22	–		20	22		
36. д. Просто Кузнецово 2-1	13	24	32			24	32		

околодка Яшпатров Ангервуй							
37. д. Малых Кожваж 2-й околодки:	18	40	46	–	–	–	–
• Алдиев Опряткин							
• Шерекей	41	100	100	–	–	–	–
Всего:	59	140	156	–	–	140	156
Итого:	2 023	4 787	5 218	76	69	4 711	5 149

Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 86. Л. 43–49 об.

**Метрические книги Троицкой церкви села Малый Сундырь
Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда 1872 г. (извлечения)**

№ 1

Метрическая книга, данная из Казанской Духовной Консистории в Троицкую села Малого Сундыря церковь Козьмодемьянского уезда для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1872 год

<i>№</i>	<i>Число рождения</i>	<i>Число крещения</i>	<i>Имена родившихся</i>	<i>Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания</i>	<i>Звание, имя, отчество и фамилия приемников</i>
				<i>январь</i>	
1	1	3	Василий	Деревни Горной Кушерги умершего из черемис крестьянина Дмитрия Александрова дочь девка Екатерина Дмитриева, православная, незаконнорожденная	Деревни Большой Яктерли отставной солдат Иван Игнатъев
2	2	4	Анисья	Деревни Виловатаго врага из черемис крестьянин Михаил Иванов и жена его Мелания Аврамова, оба православные	Деревни Виловатаго Врага умершего из черемис крестьянина Герасима Петрова дочь девка Елена
3	4	6	Иоанн	Деревни Большой Паратмары из черемис крестьянин Стефан Филиппов и жена его Ираида Никтина, оба православные	Деревни Малой Яктерли из черемис крестьянин Иван Никитин
4	4	7	Иоанн	Села Троицкого из черемис крестьянин Трофим Семенов и жена его Феврония Петрова, оба православные	Села Троицкого из черемис крестьянин Даниил Лаврентъев
5	5	8	Мелания	Деревни Виловатаго Врага умершего отставного рядового Ивана Филиппова жена Екатерина Стефанова православная, незаконнорожденная	Деревни Малой Яктерли из черемис крестьянин Яков Андреев
6	7	9	Илья	Деревни Виловатаго Врага из черемис крестьянин Петр Иосифов и жена его Александра Тимофеева	Деревни Виловатаго Врага из черемис крестьянин Иван Ильин
7	6	10	Иван	Деревни Малой Паратмары из черемис крестьянин Александр Васильев и жена его Агриппина Егорова	Той же деревни из черемис крестьянин Матвей Никифоров
8	8	11	Иван	Деревни Малой Паратмары из черемис крестьянин Кирилл Артемьев и жена его Пелагея Никонова	Деревни Средней Паратмары крестьянин Василий Петров

<i>№</i>	<i>Число рождения</i>	<i>Число крещения</i>	<i>Имена родившихся</i>	<i>Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания</i>	<i>Звание, имя, отчество и фамилия приемников</i>
9	9	11	Василий	Деревни Большой Паратмары из черемис крестьянин Николай Матвеев и жена его Екатерина Павлова	Деревни Большой Паратмары из черемис крестьянина Стефана Иванова дочь Васса

Источник: ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 316. Л. 2–4.

№ 2

Часть вторая о бракосочетавшихся

<i>Счет браков</i>	<i>Месяц и день</i>	<i>Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание жениха, и которым браком</i>	<i>Лет жениха</i>	<i>Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты, и которым браком</i>	<i>Лет невесты</i>
	<i>январь</i>				
1	10	Села Троицкого умершего из черемис крестьянина Матвея Петрова сын Андрей Матвеев, православного вероисповедания, первым браком	25	Девушка Прасковья Ефимова дочь сего же прихода деревни Малой Яктерли умершего из черемис крестьянина Ефима Васильева, православного вероисповедания	21
2	23	Деревни Горной Кущерги умершего из черемис крестьянина Даниила Стефанова сын Максим Даниилов, православного вероисповедания, первым браком	24	Девушка Наталья Николаева дочь сего же прихода и одной же деревни из черемис крестьянина Николая Михайлова, православного вероисповедания	24
3	23	Деревни Большой Яктерли умершего из черемис крестьянина Павла Матвеева сын Назар Павлов, православного вероисповедания, первым браком	28	Девушка Мария Гаврилова дочь сего же прихода и одной же деревни из черемис крестьянина Гаврила Михайлова, православного вероисповедания	23
4	28	Села Троицкого умершего из черемис крестьянина Николая Васильева сын Гаврил	21	Девушка Евгения Дмитриева дочь сего же прихода и одной же деревни из черемис крестьянина Дмитрия	23

<i>Счет браков</i>	<i>Месяц и день</i>	<i>Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание жениха, и которым браком</i>	<i>Лет жениха</i>	<i>Звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты, и которым браком</i>	<i>Лет невесты</i>
		Николаев, православного вероисповедания, первым браком		Осипова, православного вероисповедания	
5	28	Деревни Малой Паратмары из черемис крестьянина Даниила Матвеева сын Павел Данилов, православного вероисповедания, первым браком	24	Девица Агриппина Дмитриева дочь Мало-Карачкинского прихода деревни Большой Тюмерли умершего из чуваш крестьянина Дмитрия Яковлева, православного вероисповедания	21

Источник: ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 316. Л. 55 об. – 56 об.

№ 3

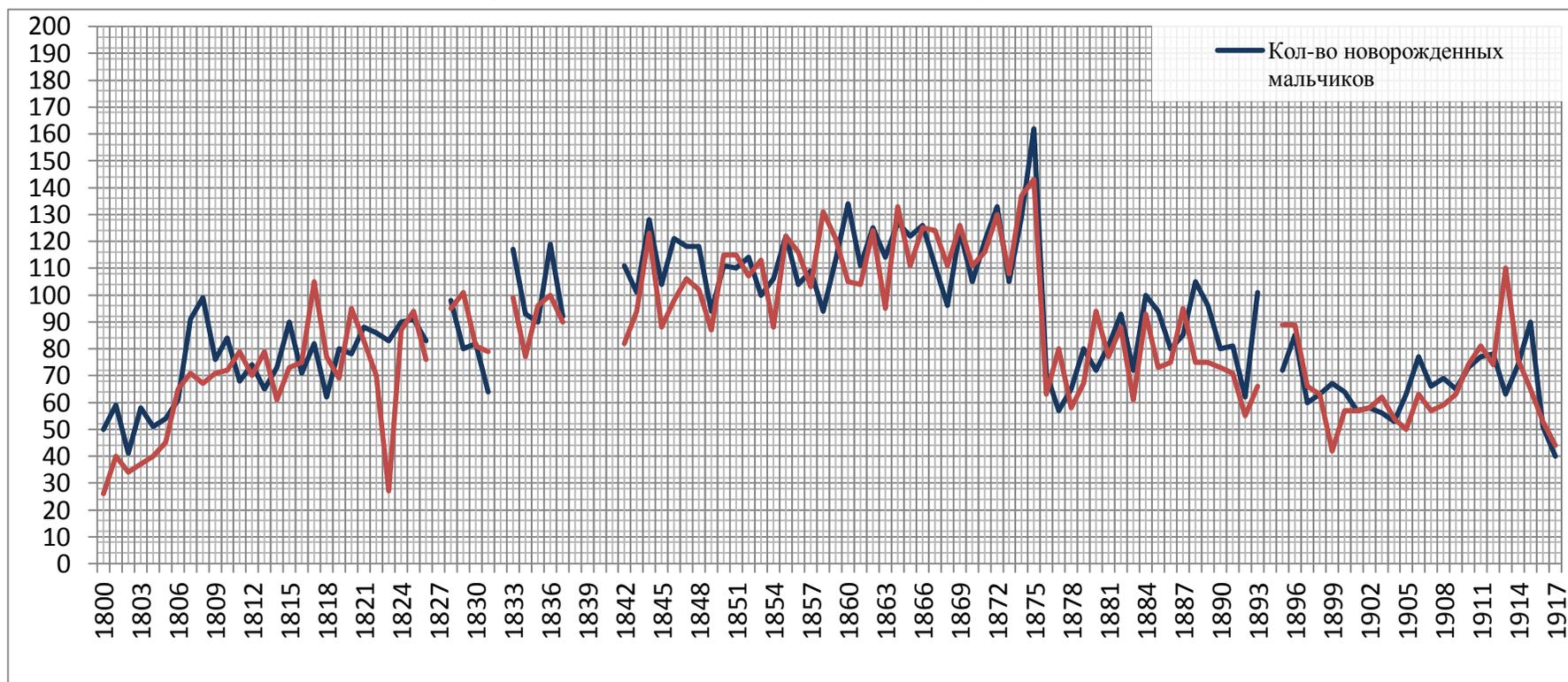
Часть третья о умерших

<i>Счет умерших</i>		<i>Месяц и день</i>		<i>Звание, имя, отчество, фамилия умершего</i>	<i>Лет</i>		<i>Какою болезнью</i>	<i>Где погребены</i>
<i>мужского</i>	<i>женского</i>	<i>смерти</i>	<i>погребения</i>		<i>Мужеска</i>	<i>Женска</i>		
1		1	3	Деревни Малой Паратмары из черемис крестьянин Петр Степанов	56		От простуды	На отведенном кладбище
	1	2	4	Деревни Виловатаго Врага из черемис крестьянина Виталия Иванова жена Евдокия Терентьева		57	От чахотки	На отведенном кладбище
	2	3	5	Деревни Малой Паратмары из черемис крестьянина Василия Андреева дочь девица Мария		18	От чахотки	На отведенном кладбище
2		3	5	Деревни Другой Яктерли из черемис крестьянина Тимофея Алексеева сын Харитон	4		От простуды	На отведенном кладбище
	3	3	5	Деревни Средней Паратмары умершего Михаила Кондратьева жена Елена Васильева		85	От старости	На отведенном кладбище
	4	4	6	Деревни Большой Паратмары		68	От старости	

<i>Счет умерших</i>		<i>Месяц и день</i>		<i>Звание, имя, отчество, фамилия умершего</i>	<i>Лет</i>		<i>Какою болезнью</i>	<i>Где погребены</i>
<i>мужского</i>	<i>женского</i>	<i>смерти</i>	<i>погребения</i>		<i>Мужеска</i>	<i>Женска</i>		
				умершего Марка Гаврилова жена вдова Ирина Петрова				
	5	4	6	Деревни Малой Паратмары из черемис крестьянина Савелия Егорова дочь Степанида		3 месяца	От гуньбы	На отведенном кладбище
	6	4	6	Деревни Горной Кушерги из черемис крестьянина Егора Федорова дочь Степанида		10 месяцев	От гуньбы	На отведенном кладбище
	7	5	7	Деревни Виловатаго Врага умершего из черемис крестьянина Федора Дмитриева жена Анастасия Андреева		60	От старости	На отведенном кладбище
	8	6	8	Села Троицкого из черемис крестьянина Николая Егорова дочь младенец Агапия		1	От коклюша	На отведенном кладбище
	9	7	9	Деревни Большой Яктерли из черемис крестьянина Ивана Егорова дочь девица Дарья		16	От горячки	На отведенном кладбище
3		8	10	Деревни Большой Паратмары из черемис крестьянина Дмитрия Сергеева сын Илья	6		От горячки	На отведенном кладбище
	10	8	10	Деревни Большой Яктерли из черемис крестьянина Егора Андреева дочь Мария		10 месяцев	От оспы	На отведенном кладбище

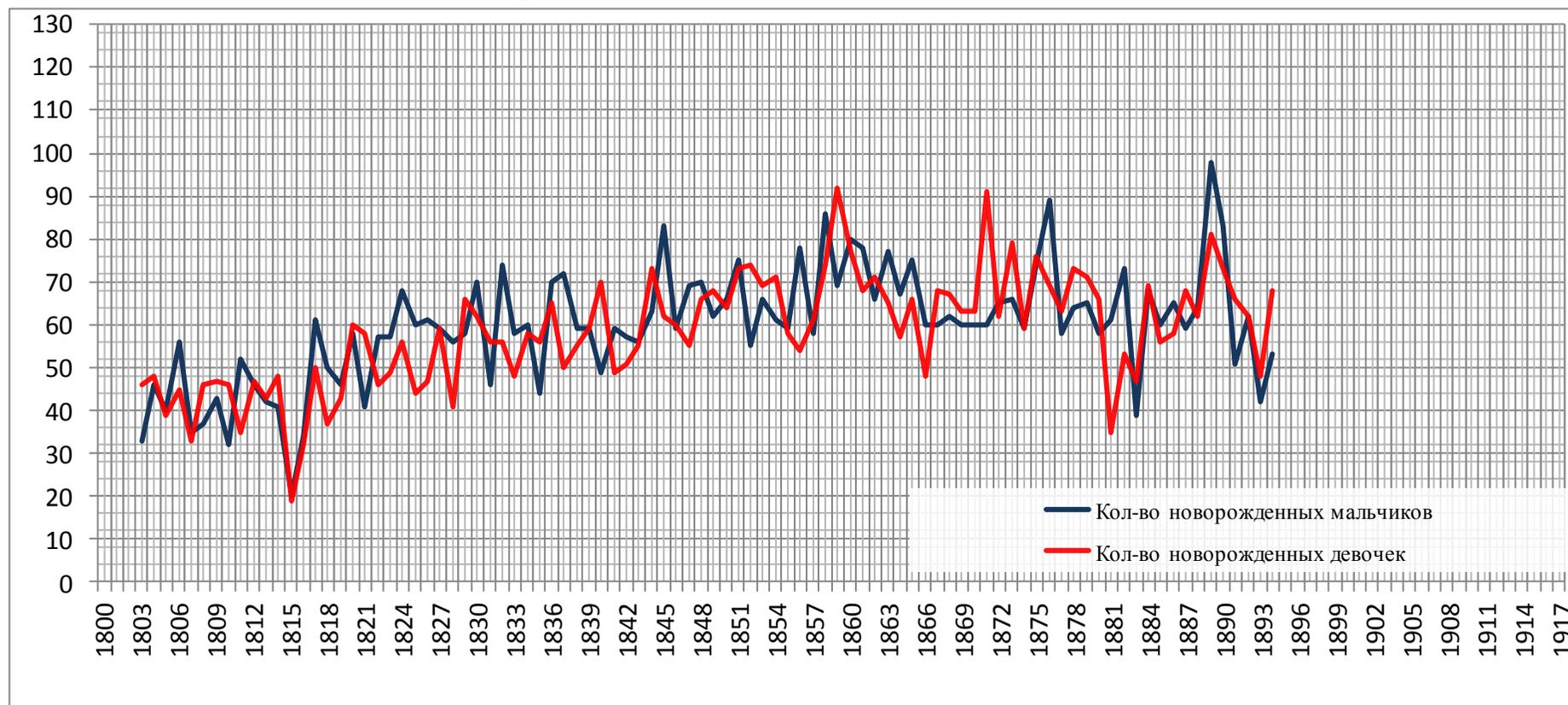
Источник: ГА РМЭ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 316. Л. 77 об. – 78 об.

**Динамика рождаемости в приходе села Малый Сундырь
Вилатовградской волости Козьмодемьянского уезда в XIX – начале XX в.**

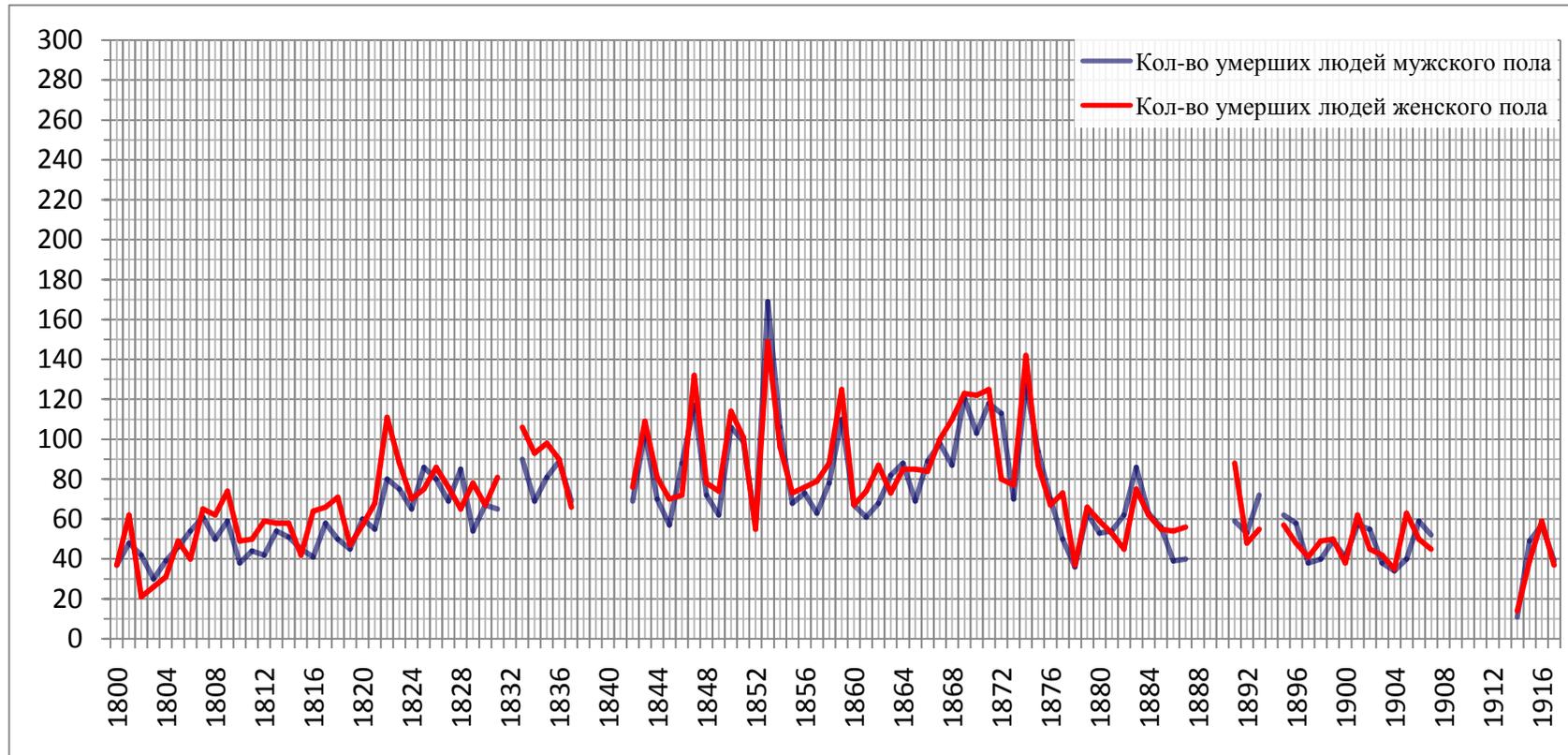
Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–100; Ф. 305. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Оп. 2. Д. 483. Л. 1–489; Оп. 4. Д. 104. Л. 1–432.

Динамика рождаемости в Ардинском приходе
Ардинской волости Козьмодемьянского уезда в XIX в.

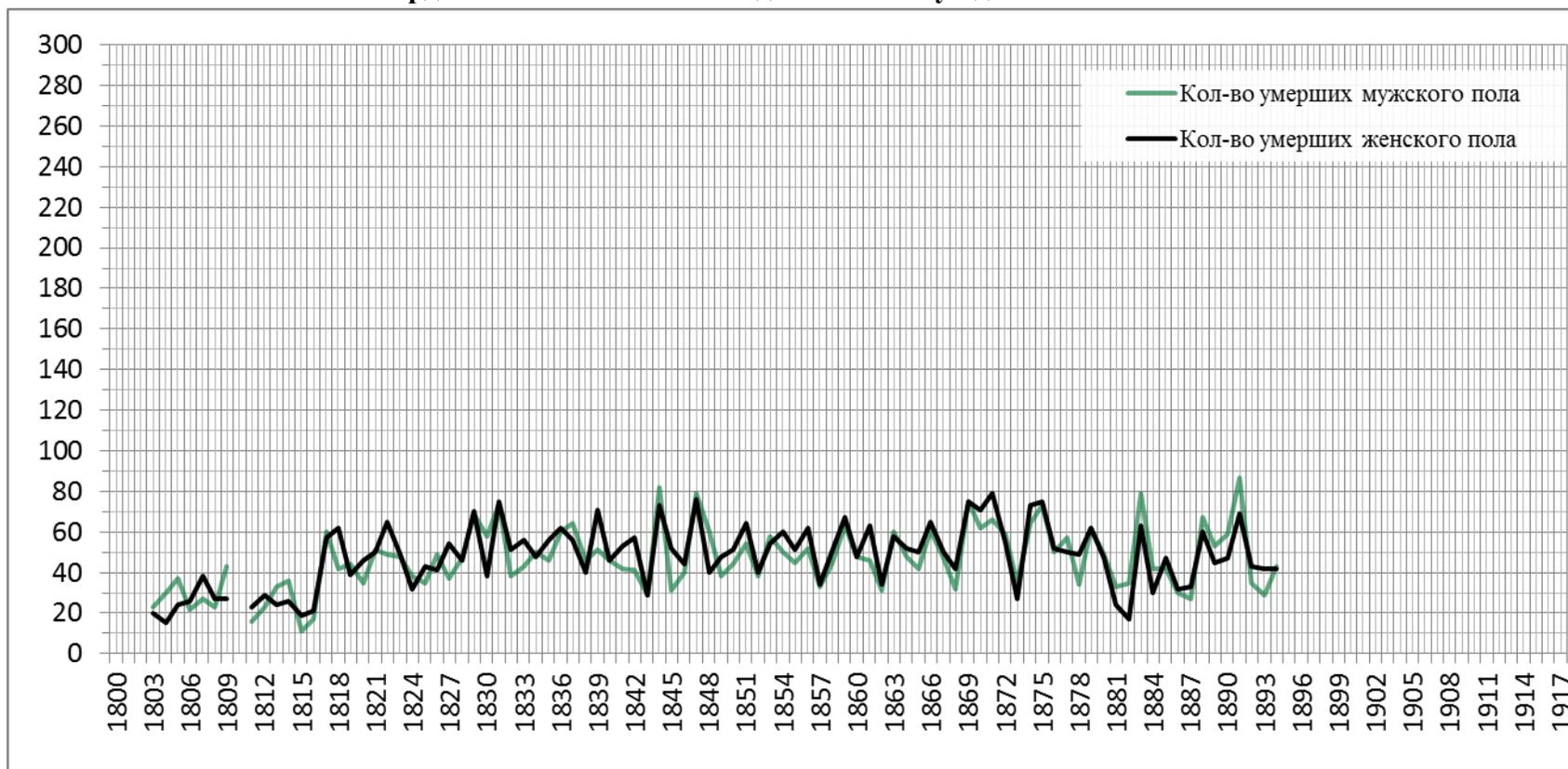
Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513; Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Д. 355. Л. 1–52.

**Динамика смертности в Малосундырском приходе Вилатоввражской волости
Козьмодемьянского уезда в XIX – начале XX в.**

Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–100; Ф. 305. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Оп. 2. Д. 483. Л. 1–489; Оп. 4. Д. 104. Л. 1–432.

**Динамика смертности в Ардинском приходе
Ардинской волости Козьмодемьянского уезда в XIX в.**

Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513; Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Д. 355. Л. 1–52.

**Крестьянский двор деревни Куликалы
Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда 1843 г.**

Описание двора.

I. Жилой дом.

II. Сарай для экипажей и орудий — *каретник* (русское слово).

III. Хлебный магазин — *клеть* (латышское слово).

IV. Хлев — *сарай* (русское слово); первоначально у черемисов хлев состоял просто из загородки без крыши; такой хлев называется *левич*.

V. Летнее жильё — *куда*, с печью по середине.

VI и VII. Прежде жилая изба, теперь же служит для сбережения различных домашних вещей.

VIII. Вновь отстроенное жильё для женившегося сына — *дом* (русское слово, взятое из латышского).

A. — Луг.

B. Огород — *саут* (русское слово).

C. Хмельник.

D. Фруктовый сад и пчельник.

E. Две высокие липы, называемые *писти*.

F. Дверь на улицу.

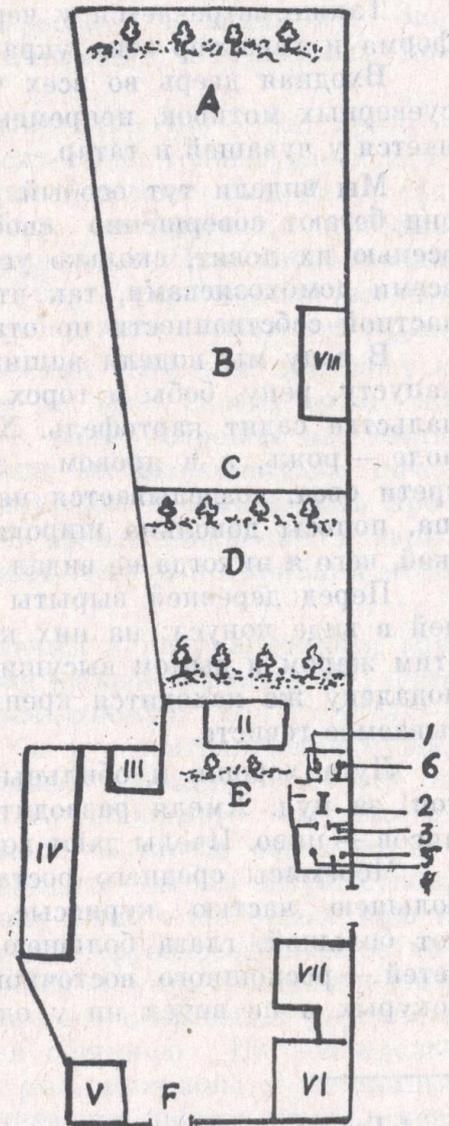
Вся местность заботливо огорожена.

Расположение жилой избы:

(Нижнее пространство служит исключительно для размещения различных вещей.)

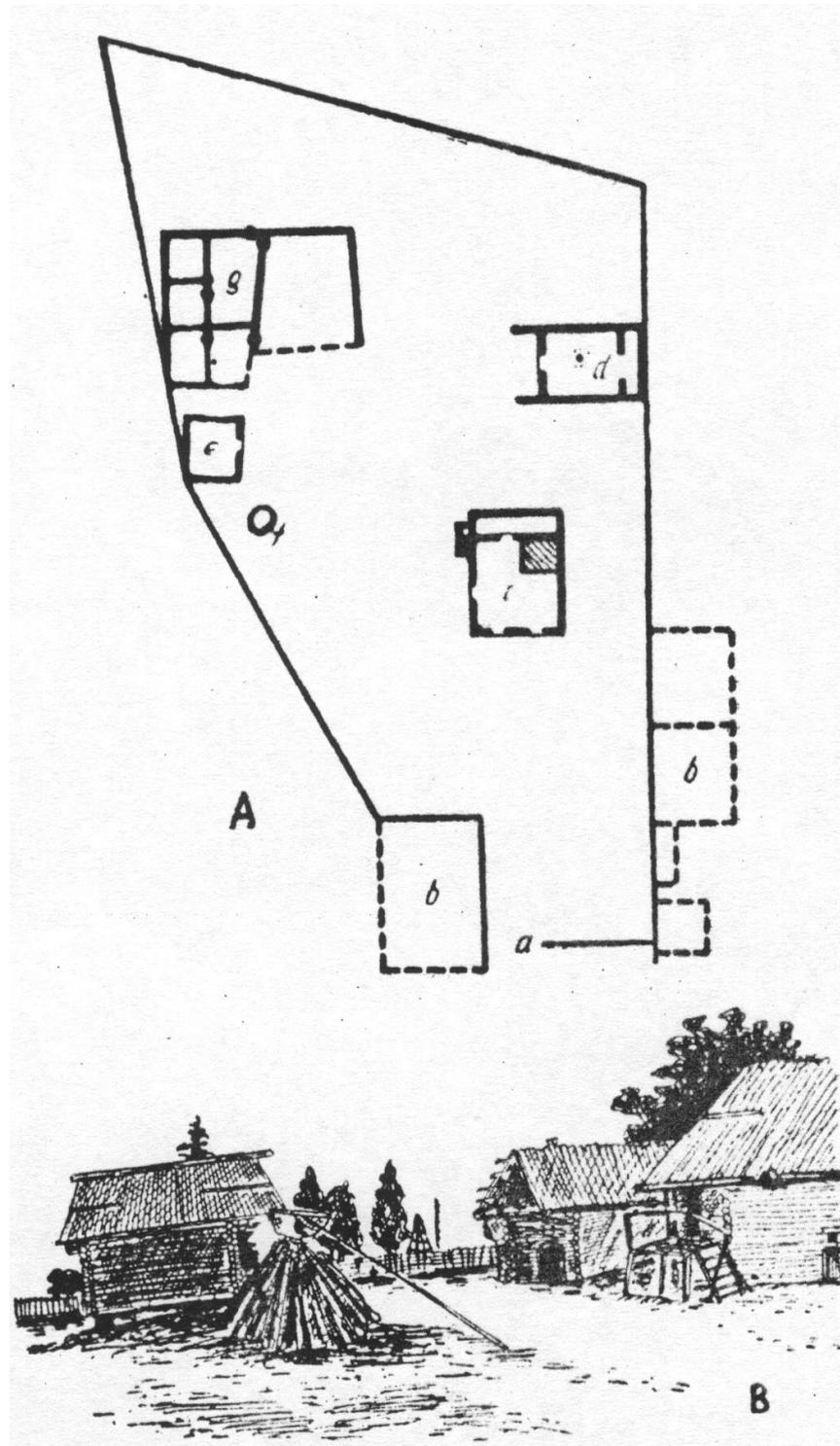
1. Лестница, ведущая в жильё, сзади нее открытая галерея, служащая летом для спанья. 2. Кухня. 3. Печь с колпаком. 4. Жилая комната — *перг*. 5. Чулан — *сулан*. 6. Гостинная. Печь называется по черемиски *камака*, печной колпак — *камакемге*, камин — *камакалипке*. Открытая печь в летней избе называется *толот тумвер*⁴.

Этот план указывает на значительную культуру, а у бедных и простых черемисов весь двор проще. Влияние русских нравов и учреждений доказывается, между прочим, русскими словами: *каретник*, *сарай*, *клеть* и на черемисском языке нет слов, соответственных им.

Источник: Август Гакстгаузен о марийцах / Предисл., примеч. Г. Н. Айплатова // Марийский археографический вестник. — 1993. — № 3. — С. 93.

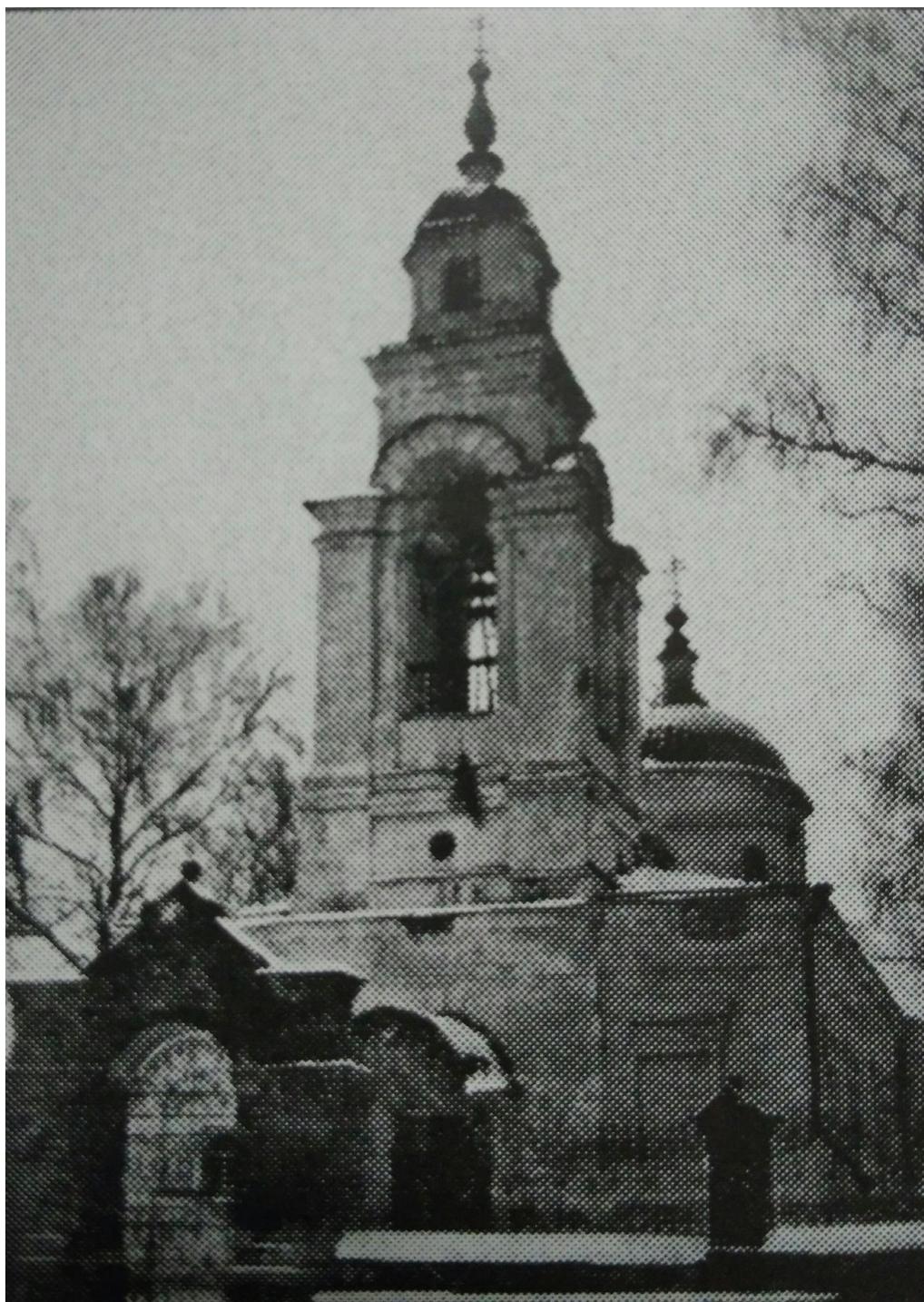
Деревня Важнангер Вилатовражской волости Козьмодемьянского уезда.
Старинная планировка марийского двора 1884 г.

A – схематический план: *a* – ворота, *b* – постройки соседнего двора, *c* – жилая изба, *d* – летняя кухня «куды», *e* – клеть, *g* – хлева и сараи, *f* – погреб; *B* – общий вид.

Источник: Хейкель А. О. Постройки черемис, мордвы, эстов и финнов. Хельсинки, 1888 (на нем. яз.).

**Церковь Пресвятой Троицы села Малый Сундырь Виловатовражской волости
Козьмодемьянского уезда. Каменное строение 1829 г.
Фото 1937 г.**

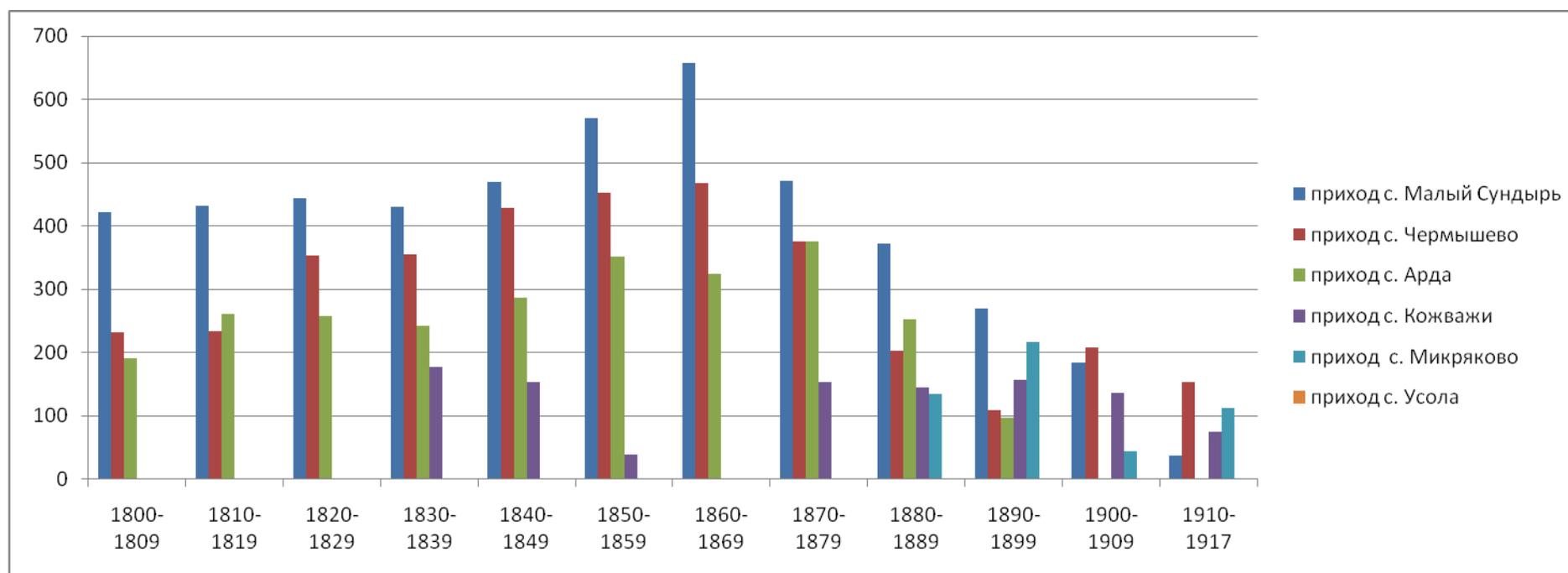
Источник: История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район : Сборник документальных очерков / Сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2006.

**Деревня Важнангер Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда.
Вид с горы Аламнер. Основана в 1821 г.
Фото Г. А. Сепеева. 1974 г.**

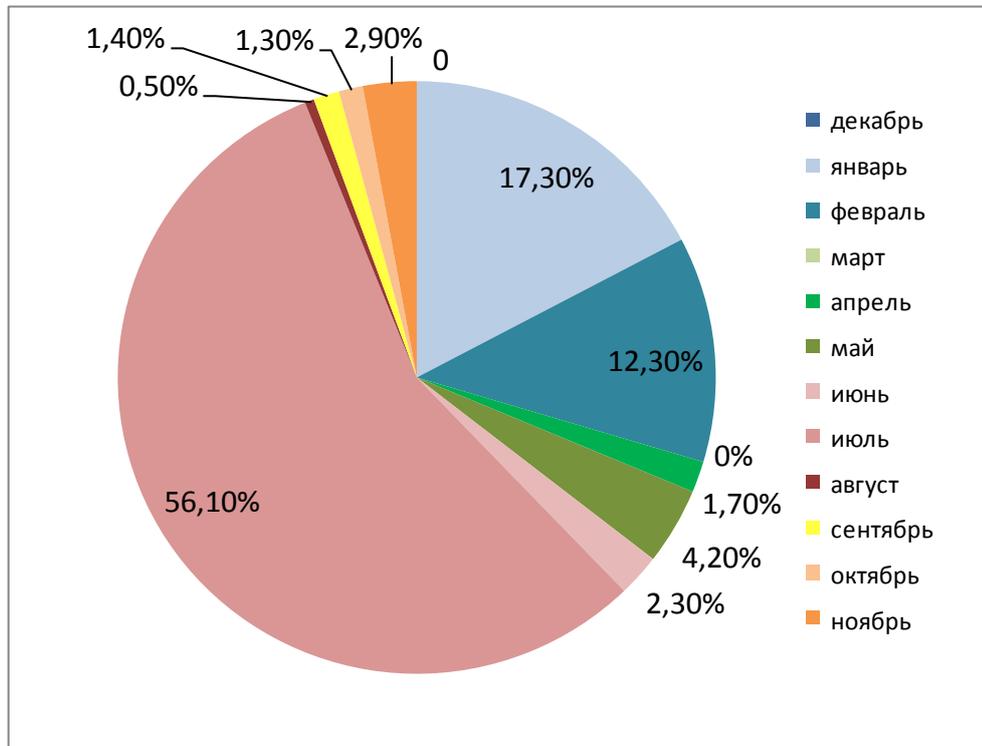
Источник: История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. А. Г. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2006.

**Динамика брачности среди горномарийских крестьян
Козьмодемьянского и Васильурского уездов в XIX – начале XX в.**

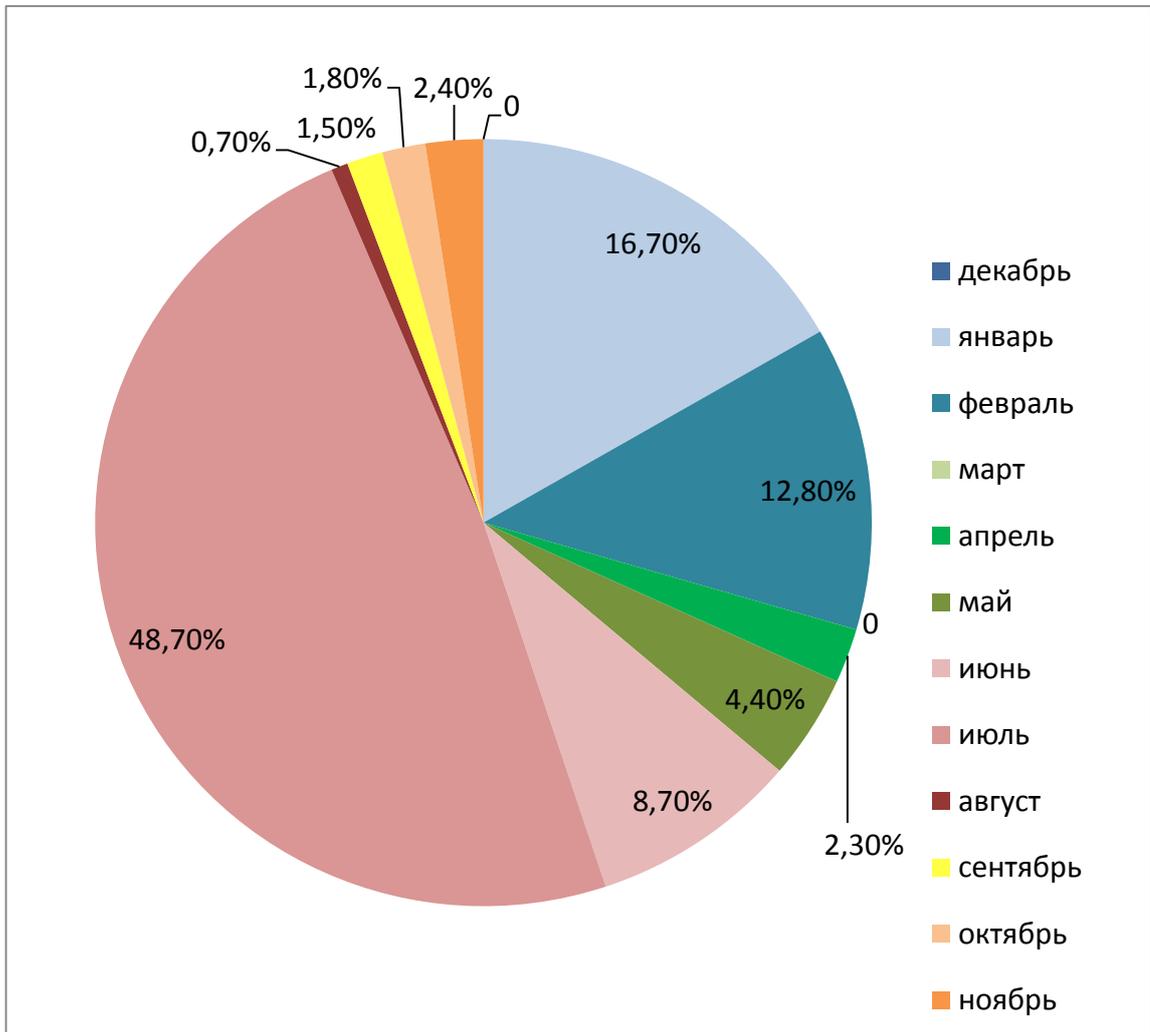
Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 24. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–37; Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–252; Д. 9. Л. 1–30; Ф. 192. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–531; Ф. 194. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Д. 355. Л. 1–52; Оп. 2. Д. 296. Л. 1–612; Д. 428. Л. 1–535; Д. 429. Л. 1–510; Д. 430. Л. 1–514; Д. 431. Л. 1–452; Д. 432. Л. 1–413; Д. 433. Л. 1–467; Д. 434. Л. 1–428; Д. 483. Л. 1–489; Д. 484. Л. 1–384; Д. 485. Л. 1–241; Д. 550. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 3. Д. 2. Л. 1–131; Д. 3. Л. 1–137; Д. 4. Л. 1–185; Д. 5. Л. 1–169; Д. 6. Л. 1–264; Д. 7. Л. 1–278; Д. 8. Л. 1–249; Оп. 4. Д. 70. Л. 1–448; Д. 71. Л. 1–507; Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431; Д. 104. Л. 1–432.

**Сезонность браков в приходе села Чермышьево
Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда
в первой половине XIX в. (в процентах)**

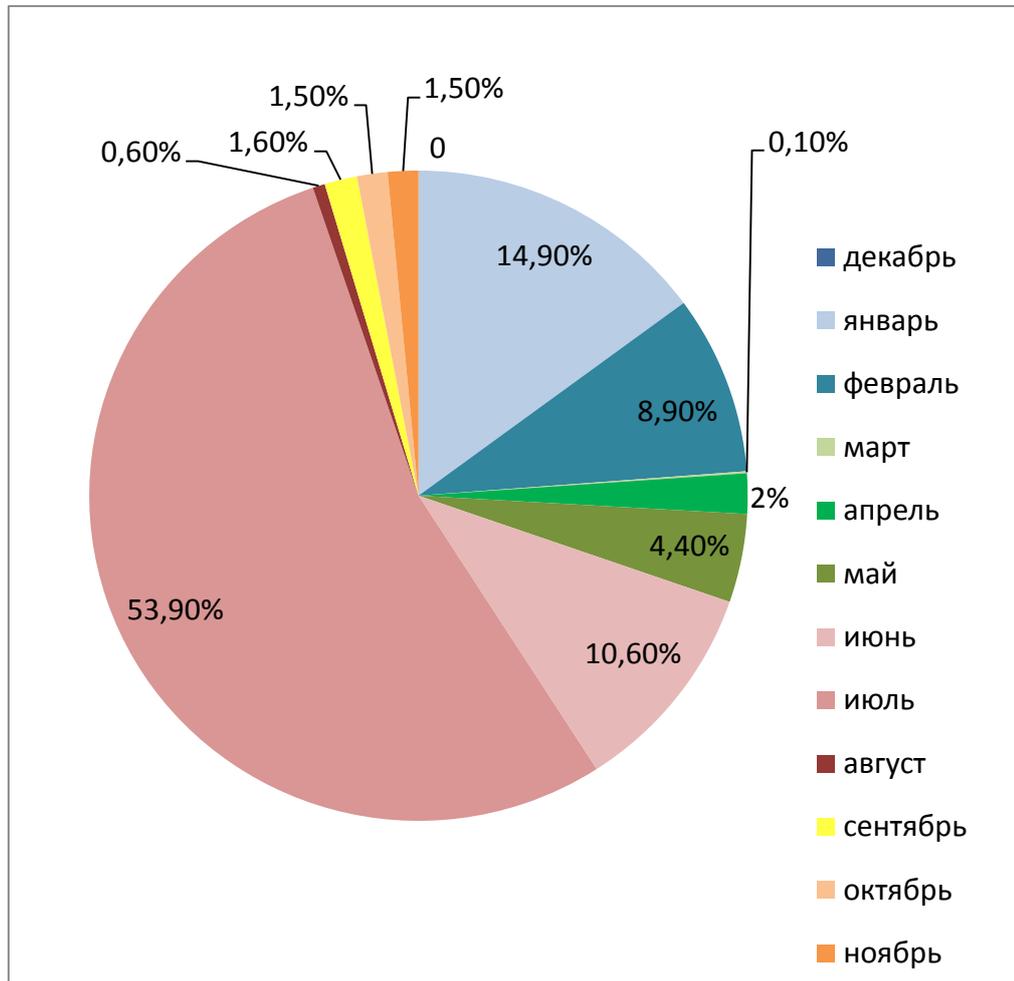
Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–296; Д. 3. Л. 1–332; Д. 4. Л. 1–348;
Д. 5. Л. 1–552; Д. 6. Л. 1–414.

**Сезонность браков в приходе села Малый
Сундырь Виловатовражской волости Козьмодемьянского уезда
в первой половине XIX в. (в процентах)**

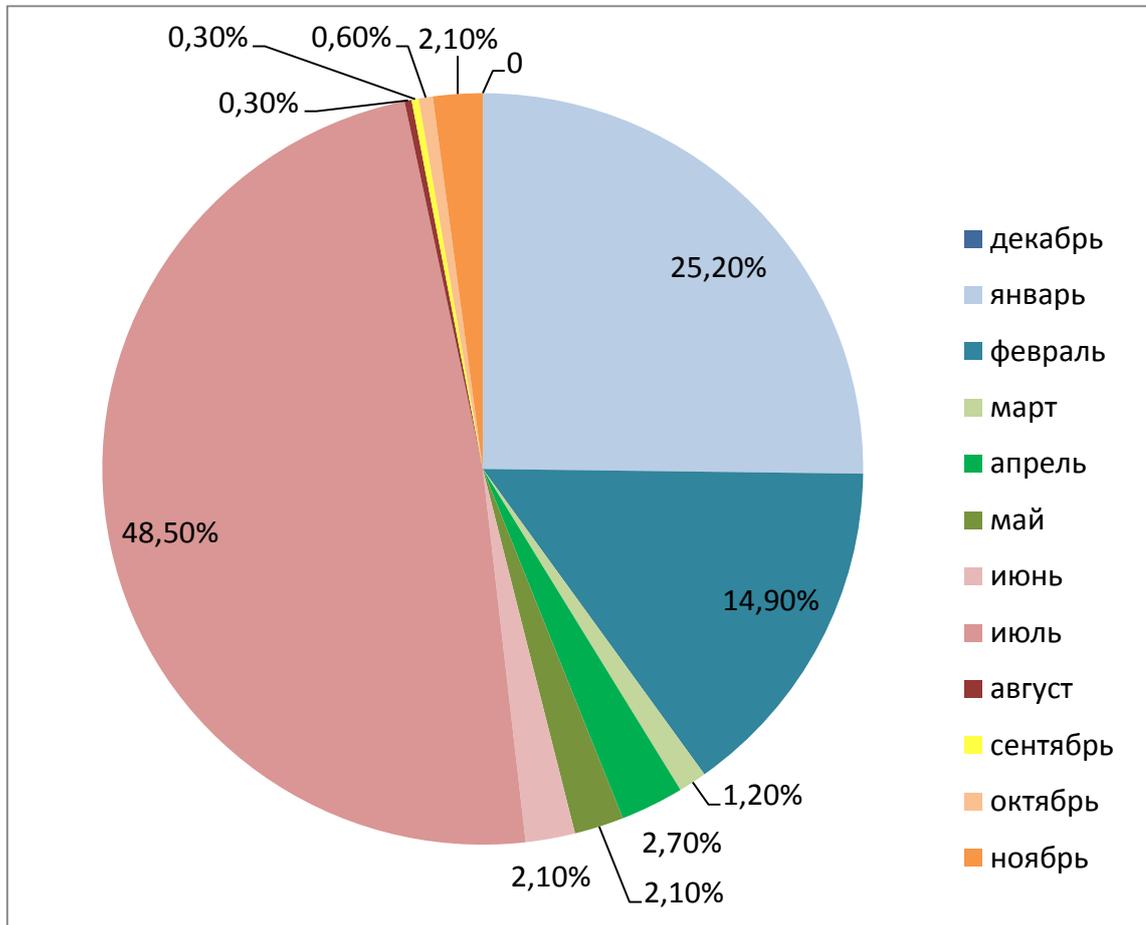
Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–208; Д. 3. Л. 1–472; Д. 4. Л. 1–286; Д. 5. Л. 1–278; Д. 6. Л. 1–399; Д. 7. Л. 1–345; Д. 8. Л. 1–514.

**Сезонность браков в Ардинском приходе
Ардинской волости Козьмодемьянского уезда
в первой половине XIX в. (в процентах)**

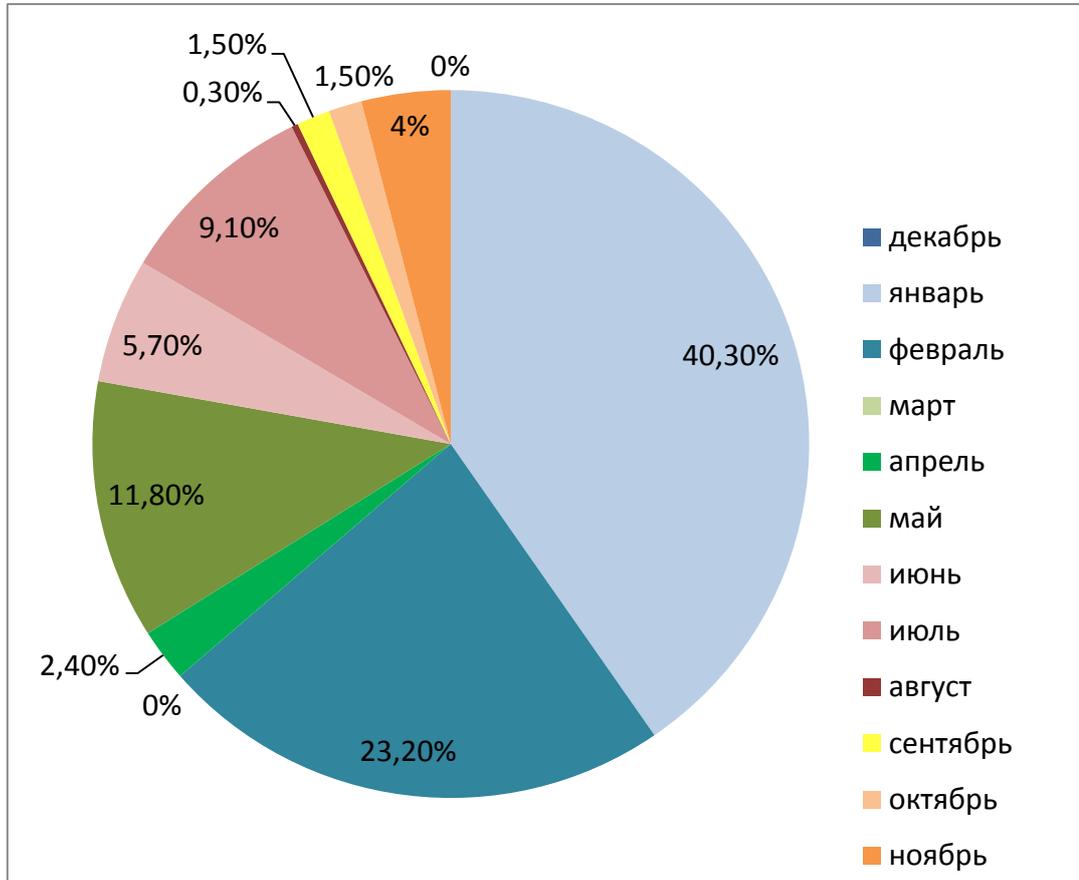
Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1681; Д. 2. Л. 1–390; Д. 3. Л. 1–513.

**Сезонность браков в Кожважском приходе
Вилатоввражской волости Козьмодемьянского уезда
в первой половине XIX в. (в процентах)**

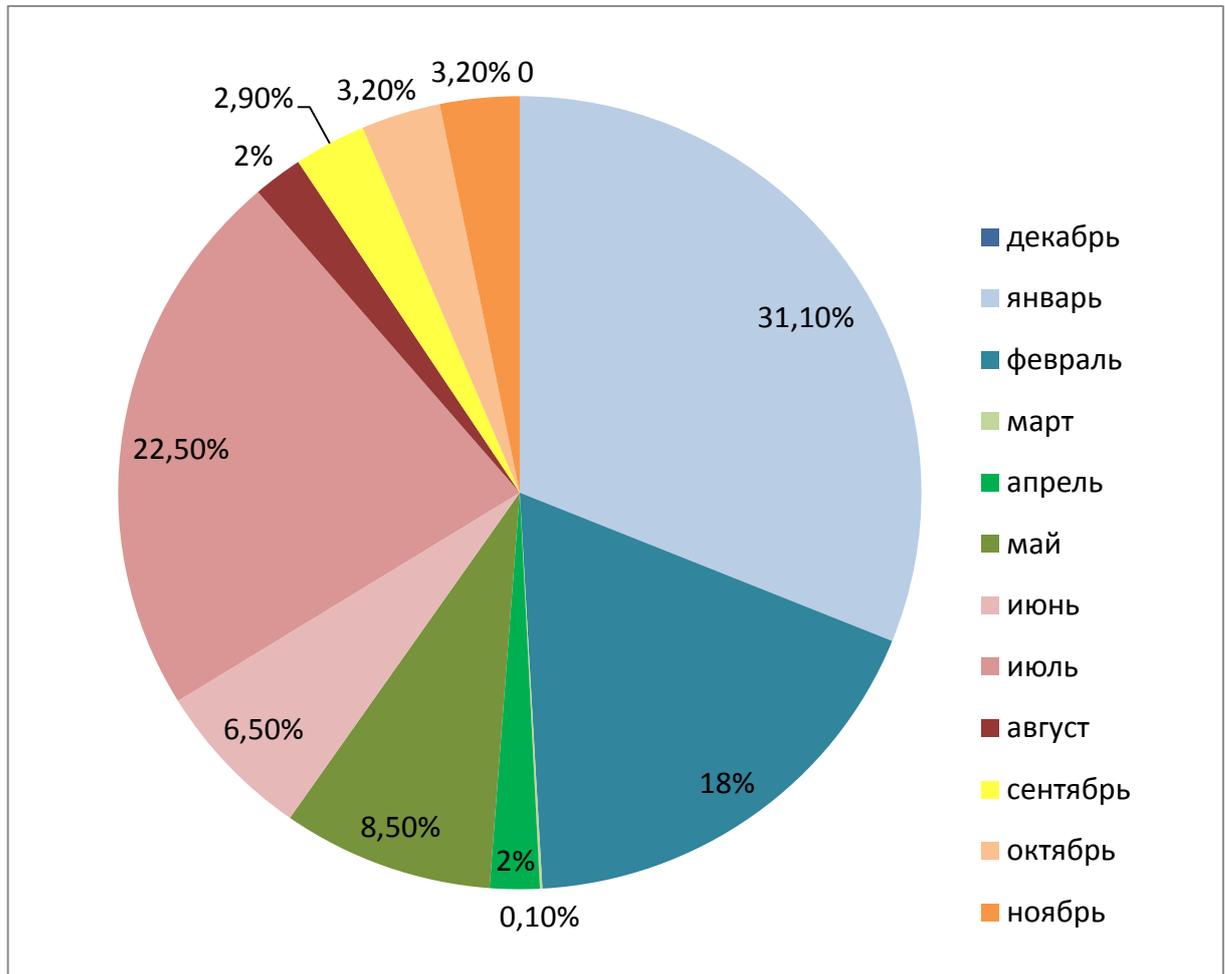
Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–435; Д. 4. Л. 1–420; Д. 5. Л. 1–421.

**Сезонность браков в приходе села Чермышьево
Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда
во второй половине XIX – начале XX в. (в процентах)**

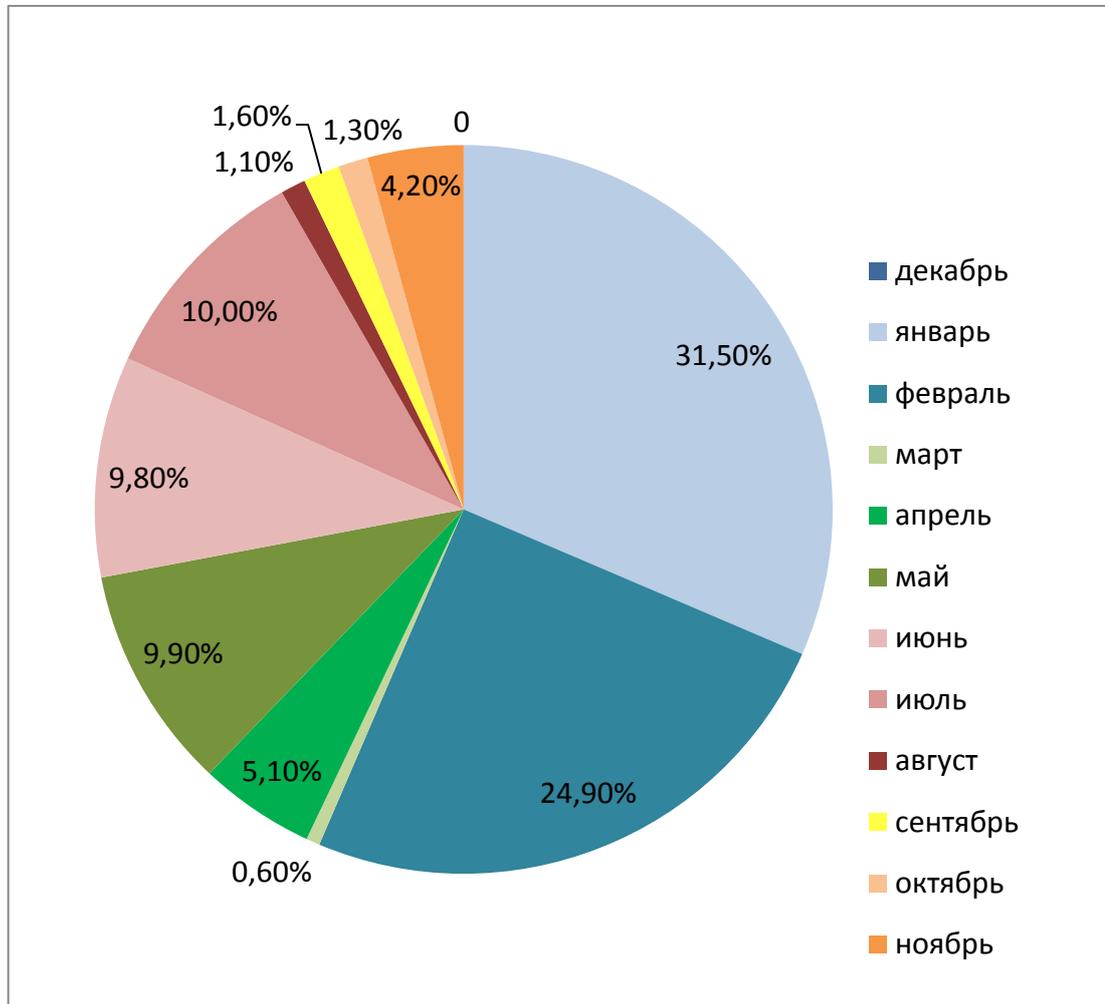
Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–414; Д. 7. Л. 1–310; Д. 8. Л. 1–707; Ф. 305. Оп. 2. Д. 550. Л. 1–482; Д. 551. Л. 1–423; Д. 552. Л. 1–377; Д. 553. Л. 1–289; Д. 554. Л. 1–492; Д. 555. Л. 1–416; Оп. 4. Д. 99. Л. 1–392; Д. 100. Л. 1–423; Д. 101. Л. 1–431.

**Сезонность браков в Малосундырском
приходе Вилватовражской волости Козьмодемьянского уезда
во второй половине XIX – начале XX в. (в процентах)**

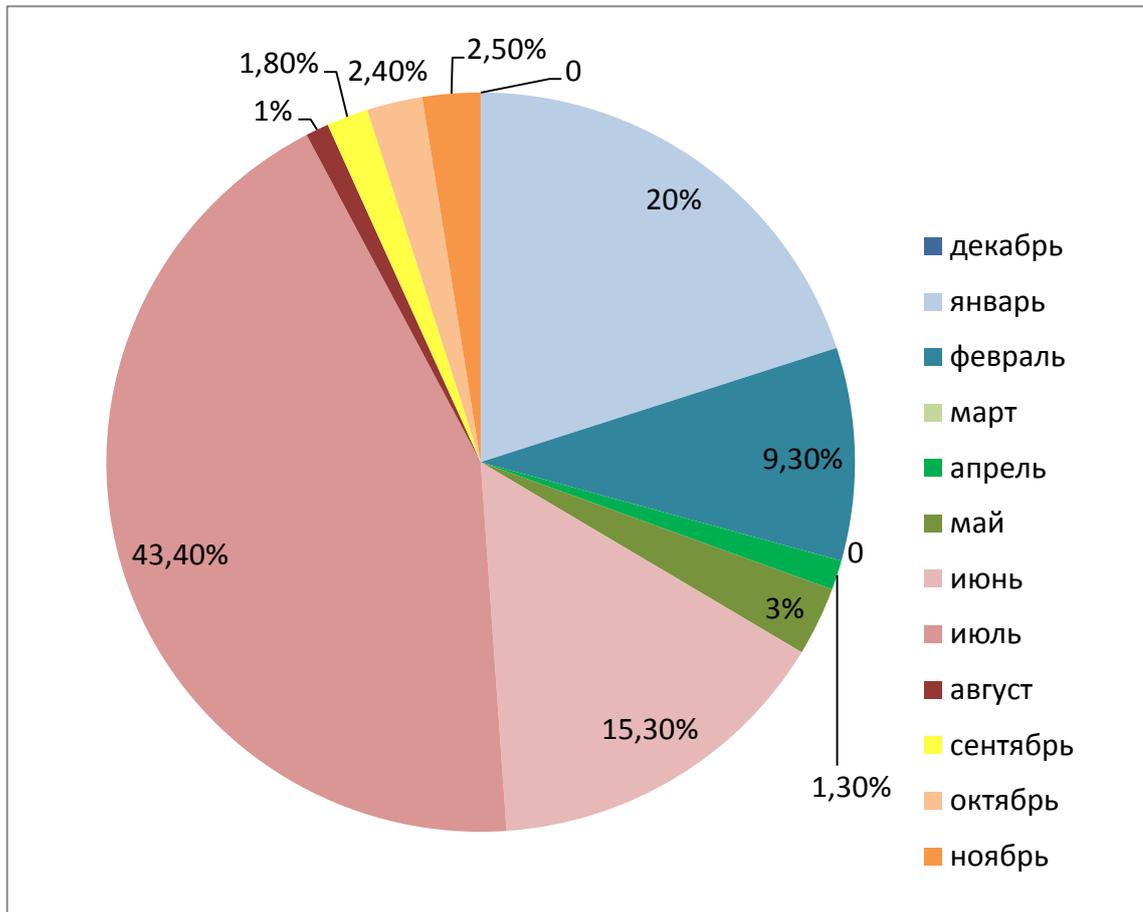
Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 10. Л. 1–100; Д. 11. Л. 1–531; Д. 314. Л. 1–445; Д. 315. Л. 1–442; Д. 316. Л. 1–346; Д. 317. Л. 1–322; Д. 318. Л. 1–359; Д. 319. Л. 1–375; Д. 320. Л. 1–451; Оп. 4. Д. 104. Л. 1–432; Оп. 2. Д. 483. Л. 1–489; Оп. 2. Д. 484. Л. 1–384; Оп. 2. Д. 485. Л. 1–241.

**Сезонность браков в Кожважском приходе
Вилатоввражской волости Козьмодемьянского уезда
во второй половине XIX – начале XX в. (в процентах)**

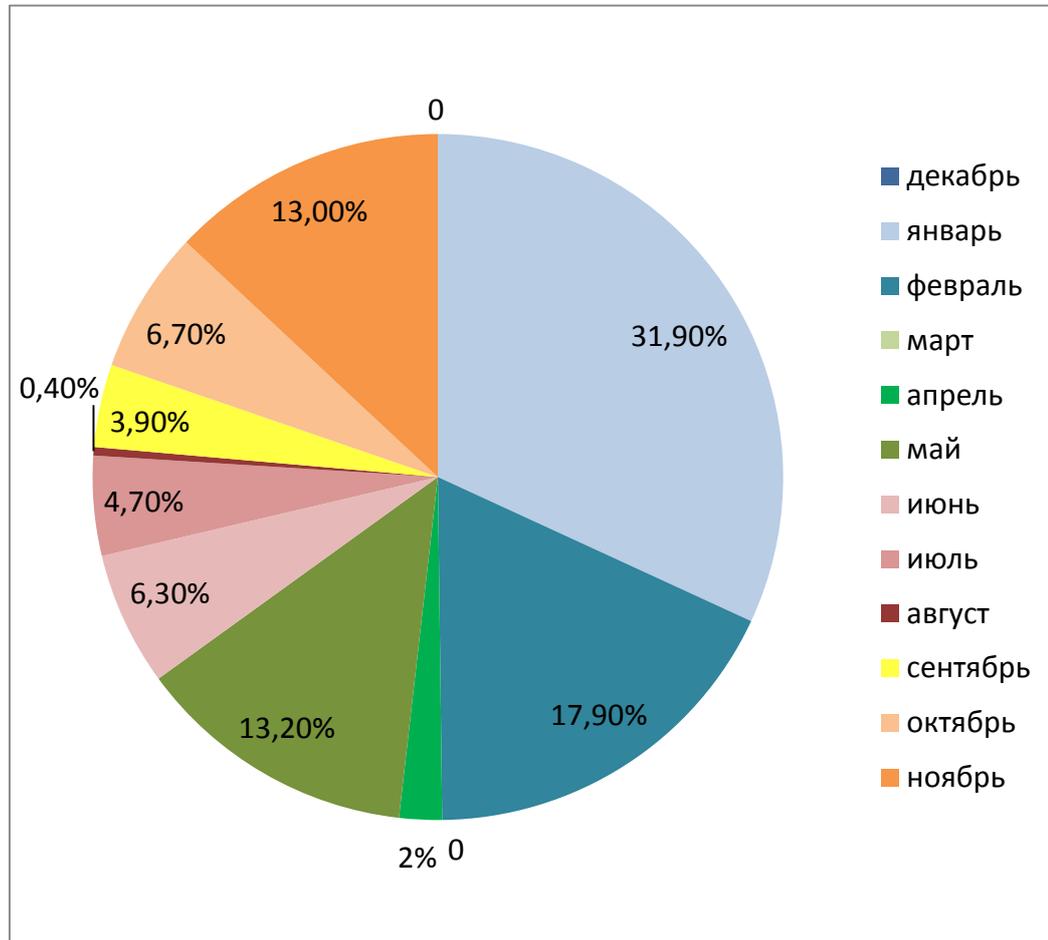
Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–252; Д. 9. Л. 1–30; Ф. 192. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–514; Д. 9. Л. 1–660; Д. 296. Л. 1–612; Д. 428. Л. 1–535; Д. 429. Л. 1–510; Д. 430. Л. 1–514; Д. 431. Л. 1–452; Д. 432. Л. 1–413; Д. 433. Л. 1–467; Д. 434. Л. 1–428.

**Сезонность браков в приходе села Арда
Ардинской волости Козьмодемьянского уезда
во второй половине XIX в. (в процентах)**

Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–658; Ф. 305. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–1076; Д. 307. Л. 1–933; Д. 355. Л. 1–52.

**Сезонность браков в приходе села
Микряково Емангашской волости Васильсурского уезда
в 1881–1917 гг. (в процентах)**

Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–93; Ф. 305. Оп. 3. Д. 2. Л. 1–131; Д. 3. Л. 1–137; Д. 4. Л. 1–185; Д. 5. Л. 1–169; Д. 6. Л. 1–264; Д. 7. Л. 1–278; Д. 8. Л. 1–249.

**Исповедные ведомости Богоявленской церкви села Кузнецово Паратмарской волости
Козьмодемьянского уезда 1831 г. (извлечение)**

Ведомость Казанской губернии Козьмодемьянского уезда села Кузнецово Богоявленской церкви обращающимся при оной церкви в приход нижеявленных чинов людям, со изъявлением против коегождо имени о бытии их в Святую Четыредесятницу, Исповеди и Святых Таин причастия, и кто ж исповедался токмо, а не причастился, и кто ж не исповедался

<i>Число</i>			<i>Из черемис крещеные и их домашние</i>	<i>Лет от рождения</i>		<i>Показания действия</i>		
<i>Домов или дворов</i>	<i>людей</i>			<i>мужского пола</i>	<i>женского пола</i>	<i>Кто был у исповеди и Святаго причастия</i>	<i>Кто ж исповедался токмо, а не причастился, и за каким винословием</i>	<i>Которые у исповеди не были</i>
	<i>мужского пола</i>	<i>женского пола</i>						
54	3	4	Михаил Иванов вдов у него дети: Сергей Иван Марья Дарья Авдотья Агафья	50 26 10	19 18 14 8			
55	2	3	Игнатий Иванов Жена его Анисья Алексеева Сын Алексей Жена его Анна Максимова Дочь Татьяна	62 26	62 31 2			
56	3	4	Вдова Наталья Андреева Тимофей Миронов Жена его Екатерина Михайлова Дети Василий Марья Наталья	38 10	70 34 7 4			

<i>Число</i>			<i>Из черемис крещеные и их домашние</i>	<i>Лет от рождения</i>		<i>Показания действия</i>		
<i>Домов или дворов</i>	<i>людей</i>			<i>мужского пола</i>	<i>женского пола</i>	<i>Кто был у исповеди и Святаго причастия</i>	<i>Кто ж исповедались токмо, а не причастились, и за каким винословием</i>	<i>Которые у исповеди не были</i>
	<i>мужского пола</i>	<i>женского пола</i>						
			Никита	1				
57	2	2	Сестра девица Авдотья Иван Константинов Жена его Татьяна Иванова Сын Петр	61 12	30 51			
58	2	5	Вдова Марья Иванова Дети Екатерина Василий Жена Пераскева Сергеева Сын Сидор Жена Акилина Тимофеева Дочь Авдотья	29 33	70 32 27 31 4			
59	1	2	Вдова Марфа Михайлова Дети Прасковья Семен	24	61 25			
60	1	1	Гавриил Борисов Жена Февронья Савельева	62	62			

Источник: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 296. Л. 404–404 об.

**Типы горномарийских семей Козьмодемьянского уезда, образованных по
принципу прямого родства, в первой половине XIX в. ***

Тип семьи	1800 г.		1831 г.	
	Число		Число	
	абс.	%	абс.	%
Одинокие	–	–	–	–
Супруги без детей	2	0,66	19	3,19
Супруги с неженатыми детьми	98	32,34	228	38,32
Супруги или вдовцы с внуками	–	–	1	0,7
Супруги с одним женатым сыном, иногда с младшими детьми	13	4,29	36	6,05
Супруги с одним женатым сыном и внуками	32	10,56	65	10,92
Супруги с женатым сыном, внуками и младшими детьми	21	6,93	37	6,22
Супруги с двумя женатыми сыновьями	2	0,66	–	–
Супруги с двумя женатыми сыновьями внуками	16	5,28	15	2,52
Супруги с двумя женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	2	0,66	6	1,01
Супруги с тремя и более женатыми сыновьями и внуками	4	1,32	7	1,18
Супруги с тремя и более женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	–	–	–	–
Супруги или вдовцы с женатыми сыновьями, внуками и правнуками	–	–	4	0,67
Мать или отец с неженатыми детьми	10	3,30	26	4,37
Мать или отец с одним женатым сыном	4	1,32	5	0,84
Мать или отец с одним женатым сыном, внуками	27	8,91	71	11,93
Мать или отец с одним женатым сыном, внуками и младшими детьми	6	1,98	10	1,68
Мать или отец с двумя и более женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	15	4,95	6	1,01
ВСЕГО	252	83,16	536	90,61

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; Л. 412–430; Д. 296. Л. 78–108; Л. 403–431.

Типы горномарийских семей Козьмодемьянского уезда, образованных по принципу бокового родства, в первой половине XIX в. *

Тип семьи	1800 г.		1831 г.	
	Число		Число	
	абс.	%	абс.	%
Неженатые братья и незамужние сестры	1	0,33	7	1,18
Женатые братья без детей, иногда с младшими детьми	6	1,98	19	3,19
Женатые братья, иногда со снохой (вдовой брата) и неженатыми детьми	25	8,25	16	2,69
Женатые братья с женатыми детьми	0	3,30	2	0,34
Женатые братья с детьми и младшими братьями	–	–	7	1,18
Женатые братья с женатыми детьми и внуками	–	–	3	0,50
Женатые братья, родные и двоюродные, с детьми	–	–	–	–
Женатые братья с детьми или без них и холостые (женатые племянники)	–	1,32	2	0,34
Супруги или вдовцы, с детьми и снохой-вдовой с детьми	3	0,9	1	0,16
Супруги с детьми и родственниками мужа	2	0,66	–	–
Сложные семьи с неродственными включениями (приемыши)	–	–	–	–
Прочие	–	–	2	0,34
Всего	51	16,83	59	9,92

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; Л. 412–430; Д. 296. Л. 78–108; Л. 403–431.

**Структура горномарийских семей
Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в. ***

Тип семьи	1800 г.		1831 г.	
	Кол-во дворов		Кол-во дворов	
	абс.	%	абс.	%
1. Малая семья (отец с малолетними или холостыми сыновьями или без них)	110	36,30	304	51,09
2. Неразделенные семьи:	190	63,70	281	48,91
а) «отцовская» (отец – женатые сыновья, возможно, внуки)	142	46,86	232	38,99
б) «братская» (женатые братья, в т. ч. с сыновьями)	46	15,18	47	7,90
в) «дяди-племянники» (возможно с сыновьями)	2	0,67	2	0,34
3. Прочие	3	0,99	10	1,68
ВСЕГО	303	100,00	595	100

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; Л. 412–430; Д. 296. Л. 78–108; Л. 403–431.

**Поколенный состав горномарийских семей
Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в. ***

Поколения	Тип семьи	1800 г.		1831 г.	
		Число		Число	
		абс.	%	абс.	%
Одно	Супруги и одинокие	2	0,66	18	3,03
	Неженатые братья	1	0,33	6	1,01
	Женатые братья без детей, иногда с младшими братьями	6	1,98	6	1,01
	Прочие	10	3,30	–	–
	Итого	19	6,27	30	5,04
Два	Супруги или вдовцы и неженатые дети	99	2,6	300	50,42
	Супруги или вдовцы и неженатые сыновья, иногда младшие дети	1	0,33	8	1,34
	Супруги или вдовцы с детьми и племянниками	2	0,66	5	0,84
	Женатые братья с неженатыми детьми	25	8,25	25	4,20
	Женатые братья с женатыми детьми, иногда с младшими детьми	1	0,33	5	0,84
	Женатые братья с детьми и племянниками	4	1,32	4	0,67
	Прочие	–	–	1	0,17
	Итого	132	43,56	348	58,49
		Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки, иногда младшие дети	130	42,90	192
Три	Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки и женатые племянники с детьми	9	2,97	19	3,1
	Женатые братья, женатые сыновья и внуки	8	2,64	6	1,01
	Женатые братья с женатыми сыновьями и женатые племянники с детьми	1	0,33	–	–
	Прочие	–	–	–	–
	Итого	148	48,84	217	36,47
Четыре	Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки и правнуки	4	1,32	–	–
	Итого	4	1,32	–	–
ВСЕГО		303	100,00	595	100,00

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; Л. 412–430; Д. 296. Л. 78–108; Л. 403–431.

**Численный состав горномарийских семей
Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в. ***

Число душ обоего пола	1800 г.		1831 г.	
	Кол-во дворов		Кол-во дворов	
	абс.	%	абс.	%
1-5	92	30,36	288	48,41
6-10	156	51,49	262	44,03
11-15	52	17,16	31	5,21
16-20	3	0,99	14	2,35
ВСЕГО	303	100	595	100

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; Л. 412–430; Д. 296. Л. 78–108; Л. 403–431.

**Половозрастной состав горномарийских семей
Козьмодемьянского уезда в первой половине XIX в. ***

Возраст	1800 г.						1831 г.					
	мужчины		женщины		всего		мужчины		женщины		всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
0-5	93	14,11	8	12,07	181	13,04	253	14,65	282	15,46	535	15,07
6-10	91	13,81	116	15,91	207	14,91	241	13,95	218	11,95	459	12,92
11-15	55	8,35	61	8,37	116	8,36	188	10,89	183	10,03	371	10,45
16-20	50	7,59	69	9,47	119	8,57	144	8,34	146	8,01	290	8,17
21-30	109	16,54	115	15,78	224	16,14	313	18,12	275	15,08	588	16,56
31-40	96	14,57	125	17,15	221	15,92	205	11,87	291	15,95	496	13,97
41-50	82	12,44	67	9,19	149	10,73	152	8,81	178	9,76	330	9,29
51-60	38	5,77	46	6,31	84	6,05	117	6,77	136	7,46	253	7,12
61-70	27	4,09	30	4,11	57	4,11	73	4,23	86	4,71	159	4,48
71-80	12	1,82	10	1,37	22	1,59	33	1,91	16	0,88	49	1,38
81-выше	6	0,91	2	0,27	8	0,58	8	0,46	13	0,71	21	0,59
ВСЕГО	659	100	729	100	1 388	100	1 727	100	1 824	100	3 551	100

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 45. Л. 202–215; Л. 412–430; Д. 296. Л. 78–108; Л. 403–431.

Типы горномарийских семей Козьмодемьянского уезда, образованных по принципу прямого родства, во второй половине XIX – начале XX в. *

Тип семьи	1860 г.		1915 г.	
	Число		Число	
	абс.	%	абс.	%
Одинокие	–	–	4	1,92
Супруги без детей	3	0,60	7	3,37
Супруги с неженатыми детьми	219	43,80	77	37,02
Супруги или вдовцы с внуками	1	0,20	–	–
Супруги с одним женатым сыном, иногда с младшими детьми	9	1,80	–	–
Супруги с одним женатым сыном и внуками	24	4,80	8	3,85
Супруги с женатым сыном, внуками и младшими детьми	53	10,60	19	9,13
Супруги с двумя женатыми сыновьями	–	–	–	–
Супруги с двумя женатыми сыновьями и внуками	27	5,40	3	1,44
Супруги с двумя женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	11	2,20	–	–
Супруги с тремя и более женатыми сыновьями и внуками	7	1,40	–	–
Супруги с тремя и более женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	1	0,20	–	–
Супруги или вдовцы с женатыми сыновьями, внуками и правнуками	–	–	–	–
Мать или отец с неженатыми детьми	16	3,20	35	16,83
Мать или отец с одним женатым сыном	3	0,60	2	0,96
Мать или отец с одним женатым сыном, внуками	18	3,60	4	1,92
Мать или отец с одним женатым сыном, внуками и младшими детьми	18	3,60	22	10,58
Мать или отец с двумя и более женатыми сыновьями, внуками и младшими детьми	13	2,60	3	1,44
Всего	423	84,60	184	88,46

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 410–445; Л. 721–766; Д. 629. Л. 297–329.

Типы горномарийских семей Козьмодемьянского уезда, образованных по принципу бокового родства, во второй половине XIX – начале XX в. *

Тип семьи	1860 г.		1915 г.	
	Число		Число	
	абс.	%	абс.	%
Неженатые братья и незамужние сестры	2	0,40	6	2,88
Женатые братья без детей, иногда с младшими детьми	7	1,40	–	–
Женатые братья, иногда со снохой (вдовой брата) и неженатыми детьми	59	11,80	16	7,70
Женатые братья с женатыми детьми	1	0,20	–	–
Женатые братья с детьми и младшими братьями	–	–	–	–
Женатые братья с женатыми детьми и внуками	2	0,40	–	–
Женатые братья, родные и двоюродные, с детьми	–	–	–	–
Женатые братья с детьми или без них и холостые (женатые) племянники	4	0,80	1	0,48
Супруги или вдовцы, с детьми и снохой-вдовой с детьми	–	–	1	0,48
Супруги с детьми и родственниками мужа	–	–	–	–
Сложные семьи с неродственными включениями (приемыши)	2	0,40	–	–
Прочие	–	–	–	–
Всего	77	15,40	24	11,54

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 410–445; Л. 721–766; Д. 629. Л. 297–329.

**Структура горномарийских семей Козьмодемьянского уезда
во второй половине XIX – начале XX в. ***

Тип семьи	1860 г.		1915 г.	
	Число		Число	
	абс.	%	абс.	%
1. Малая семья (отец с малолетними или холостыми сыновьями или без них)	238	47,60	112	53,85
2. Неразделенные семьи:	262	52,40	96	46,15
а) «отцовская» (отец – женатые сыновья, возможно, внуки)	185	37,00	61	29,33
б) «братская» (женатые братья, в т.ч. с сыновьями)	73	14,60	18	8,65
в) «дяди-племянники» (возможно с сыновьями)	4	0,80	1	0,48
3. Прочие	–	–	16	7,69
ВСЕГО	500	100	208	100

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 410–445; Л. 721–766; Д. 629. Л. 297–329.

**Поколенная структура горномарийских семей
Козьмодемьянского уезда во второй половине XIX – начале XX в. ***

Поколе ния	Тип семьи	1860 г.		1915 г.	
		Число		Число	
		абс.	%	абс.	%
Одно	Супруги и одинокие	3	0,60	11	5,29
	Неженатые братья	2	0,40	6	2,88
	Женатые братья без детей, иногда с младшими братьями	7	1,40	–	–
	Прочие	–	–	–	–
	Итого	12	2,40	17	8,17
Два	Супруги или вдовцы и неженатые дети	235	47,00	112	53,85
	Супруги или вдовцы и неженатые сыновья, иногда младшие дети	–	–	–	–
	Супруги или вдовцы с детьми и племянниками	–	–	–	–
	Женатые братья с неженатыми детьми	59	11,80	18	8,65
	Женатые братья с женатыми детьми, иногда с младшими детьми	1	0,20	–	–
	Женатые братья с детьми и племянниками	4	0,80	–	–
	Прочие	–	–	–	–
	Итого	299	59,80	130	62,50
Три	Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки, иногда младшие дети	185	37,00	61	29,33
	Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки и женатые племянники с детьми	–	–	–	–
	Женатые братья, женатые сыновья и внуки	2	0,40	–	–
	Прочие	2	0,40	–	–
	Итого	189	37,80	61	29,33
Четыре	Супруги или вдовцы, женатые сыновья, внуки и правнуки	–	–	–	–
	Итого	–	–	–	–
ВСЕГО		500	100	208	100

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 410–445; 721–766; Д. 629. Л. 297–329.

**Численный состав горномарийских семей Козьмодемьянского уезда
во второй половине XIX – начале XX в. ***

Число душ обоего пола	1860 г.		1915 г.	
	Кол-во дворов		Кол-во дворов	
	абс.	%	абс.	%
1–5	190	38,00	109	52,40
6–10	262	52,40	88	42,31
11–15	45	9,00	11	5,29
16–20	3	0,60	–	–
Всего	500	100	208	100

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 410–445; 721–766; Д. 629. Л. 297–329.

**Половозрастной состав горномарийских семей
Козьмодемьянского уезда во второй половине XIX – начале XX в. ***

Возраст	1860 г.			
	мужчины		женщины	
	абс.	%	абс.	%
0–5	251	14,98	166	9,43
6–10	186	11,09	194	11,02
11–15	185	11,04	170	9,66
16–20	124	7,39	268	15,23
21–30	211	12,59	201	11,42
31–40	263	15,69	311	17,67
41–50	182	10,86	224	12,73
51–60	160	9,55	99	5,62
61–70	74	4,42	87	4,94
71–80	29	1,73	20	1,14
81–выше	11	0,66	20	1,14
ВСЕГО	1 676	100,00	1 760	100,00

* Составлено по: ГА РМЭ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 618. Л. 410–445; 721–766; Д. 629. Л. 297–329.

**Горные мари́йцы Васильсурского (Васильского) уезда
Нижегородской губернии. Фото начала XX в.**

Источник: Иванов А. Г. Традиционная семья горных мари́йцев в источниках начала XVIII века. Йошкар-Ола, 2017.

Горные мари́йцы Казанской губернии. Фото начала XX в.

Источник: Иванов А. Г. Традиционная семья горных мари́йцев в источниках начала XVIII века. Йошкар-Ола, 2017. С. 416.